

Бен Элтон

Слепая вера

Моей жене и детям

1

Траффорд попрощался с женой, поцеловал в лобик малышку и стал отпирать многочисленные замки и защелки на входной двери.

– И тебе *тоже* очень-очень удачного дня, Траффорд, – раздался голос Куколки.

– Спасибо, удачного дня, Куколка, – нервно ответил Траффорд. – Доброе утро, то есть до свидания... то есть... ну, понимаешь, я опаздываю.

– Я тебя не держу, Траффорд.

– Да. Конечно.

– Ладно, иди. Береги себя, и чтобы день прошел на все сто.

– Спасибо. Спасибо большое. Я постараюсь.

Жена Траффорда сердито взглянула на него. Он знал: Чантория подозревает, что он намеренно не поздоровался с Куколкой как бы в виде протеста, пытаясь таким странным образом отстоять свою независимость. Конечно, так оно и было на самом деле.

– Иногда он даже со мной забывает поздороваться, – извиняющимся тоном сказала Чантория, помахав рукой лицу Куколки на большом настенном экране.

Без сомнения, она просто подлизывалась: Траффорд знал, что Чантория ненавидит Куколку не меньше, чем он сам. Но сохранять с ней хорошие отношения было необходимо хотя бы ради безопасности. По крайней мере один член семьи должен понимать, как надо себя вести.

Куколка вынула руку из огромного пакета с сырными шариками, которыми она сегодня завтракала, и помахала в ответ. Модератор чата в их многоквартирном доме, она до того разбухла, что уже не могла покидать свою комнату и почти всегда оставалась на посту. Непрерывно маяча на глазах у жильцов, она словно превратилась в дополнительного члена каждой семьи. Траффорду она внушала глубокое отвращение.

– Давай, давай! Беги, Траффорд! – с наигранной бодростью сказала Куколка. – На дворе чудесный новый день, слава Любви!

Траффорд вышел из квартиры и начал долгий спуск по замусоренным, кишасим крысами лестницам. Лифт работал, но Траффорд им не пользовался. Он говорил, что ходит вниз пешком ради утренней разминки, но на самом деле ему просто хотелось побыть несколько лишних мгновений подальше от развлекранов. Конечно, он бы никогда в этом не признался, иначе его сочли бы опасным чудаком. Какой нормальный человек станет возражать против новостей и развлекательных передач на стенке скучного лифта?

На улице Траффорд направился в сторону метро, аккуратно выбирая дорогу среди целлофановых оберток, грязных розовых ленточек, гниющих букетиков, маленьких фотографий, листков бумаги и позолоченных открыток с надписями:

Призван Господом.

Еще одна звездочка в небесах.

Новое сердечко в раю.

Он прекрасно знал, что грозит тому, кто случайно наступит хотя бы на одну зацелованную карточку или увядший цветок: он видел, как людей избивали до потери сознания и за меньшее. Они ничего не пропускали, эти убитые горем женщины, которые собирались на мостовых под жарким утренним солнцем, чтобы оплакать свои утраты и огласить улицы древними как мир причитаниями.

Моя любовь к тебе не умрет.

Душа должна жить вечно.

Один неверный шаг, один оскверненный лепесток, и эти стонающие друг у дружки в объятиях страдалицы, несомненно, решат, что к ним проявили неуважение. А неуважения они не простят никому, несмотря на всю свою скорбь. Даже слабого намека на неуважение хватало, чтобы мигом обратить коллективную печаль в коллективную ярость. Запал был коротким, трут – сухим; довольно было сущего пустяка, чтобы из соседних домов сбежалась целая толпа и началась оргия Народного Правосудия, за которую полицейские разве что пожурят, и только. Многие из тех, кто становился жертвой праведного гнева толпы, так и не успевали сообразить, какой их невольный проступок оказался роковым, а многие из тех, кто с азартом присоединялся к разбушевавшимся мстителям, понятия не имели о том, что за преступление совершил человек, вызвавший к себе столь бурную ненависть. Наверное, как-то задел детей, потому что никому не позволялось проявлять неуважение к детям. Особенно к умершим.

А ведь их было так много!

Смерть таилась повсюду. В жужжании насекомых, в плеске грязной воды, в шепоте легкого ветерка. Она угрожала всем, и старым, и малым, но дети были самыми уязвимыми, и именно они погибали чаще других.

Либра Дивайн: В раю вспыхнула новая суперзвезда.

Тайсон Армани: Просто лучший.

Малибу: Свеча на ветру.

Столько умерших детей! Миллионы и миллионы. На улице не было ни клочка асфальта без своей трогательной памятки. А в интернете – ни одной персональной веб-страницы без своего ряда крошечных личиков, которые смотрели на мир совсем недолго и теперь продолжали жить лишь на небесах да в виртуальном пространстве.

Моя маленькая сестричка.

Мой двоюродный братик.

Мой мальчик. Моя девочка.

Все они теперь в надежных объятиях Иисуса. И Дианы. Господа и Духа Любви. Мертвы – но и безопасности. Слава богу, педофилы им больше не страшны.

Сагикварий: чист навсегда. Скверна тебя не коснется.

Детская смертность была раскаленным клеймом, жгущим душу нации, мукой, которую люди должны были терпеть, расплачиваясь за грехи своих безбожных предков. Гибель поджидала каждого ребенка: эпидемии, прокатывающиеся по стране, не щадили ни бедняков, ни богачей. Господь в своем величии не принимал в расчет имущественное и социальное положение тех, кого карал, хотя густонаселенные районы, конечно, страдали сильнее прочих. Шишки и язвочки, нарывы и фурункулы, боль в суставах, резь в глазах и хрипы в груди – все это младенцы должны были превозмочь еще до того, как начнут ходить. Мать, которая произвела на свет шестерых детей, робко надеялась, что ей удастся сводить в «Макдоналдс» на праздник пятого дня рождения хотя бы троих. Практически каждый второй ребенок не успевал получить подарки в этот торжественный день.

Недавно Чантория родила их первенца – наступило время радости, омраченное, однако же, зловещими предчувствиями. Подобно всем новоиспеченным родителям, они с Траффордом вот уже несколько недель трепетали, боясь услышать угрожающий кашель, выискивали на тельце малютки сыпь и то и дело проверяли ее реакцию на звук и свет.

Но теперь Траффорду пришла пора вернуться на работу: сегодня у него был физиприс. Физиприсами (это слово было сокращением от «физического присутствия») называли дни, когда каждому человеку в соответствии с его индивидуальным трудовым графиком следовало находиться на своем реальном рабочем месте в противоположность виртуальному аналогу последнего, который он мог посещать, не вставая с постели.

Физиприсы были обязательны для всех: по закону каждому труженику полагалось проводить в обществе своих реальных коллег из плоти и крови не менее двадцати пяти процентов официального рабочего времени. Ходили слухи, что принято решение поднять эту цифру до пятидесяти процентов и транспортную систему якобы готовят к увеличению числа пассажиров, но Траффорд не верил, что относительное количество физиприсов и впрямь вырастет. По его впечатлениям, все амбиции городских властей ограничивались скромным желанием предотвратить хотя бы самые крупные сбои в движении транспорта, и так уже перегруженного донельзя.

Физиприсы были введены сравнительно недавно. Двадцать солнцестояний тому назад, когда Траффорд только приступил к трудовой деятельности, от него вообще не требовала физического присутствия на рабочем месте. По-настоящему на работу ходили немногие, разве что официанты да стриптизерши. В ту пору преимущества виртуального существования казались неоспоримыми. Держать людей подальше друг от друга было полезно как минимум из санитарных соображений, и мало кто сомневался в том, что когда-нибудь на домашний режим перейдут абсолютно все. Однако затем в стране наметились нездоровые тенденции, вызвавшие тревогу и у Храма, и у правительств и заставившие их признать необходимость Личного Общения. Соцработники и духовные наставники обнаружили, что люди, привыкшие иметь дело лишь с виртуальными индивидуумами, теряются, очутившись в реальном мире. Не умея нормально вести себя в обычном человеческом окружении, они становятся неловкими, косноязычными и время от времени совершают попытки перестрелять как можно больше народу, прежде чем обратить свое оружие на себя самих.

Стало ясно и то, что у человека, сидящего перед компьютерным экраном в крошечной квартирке, заваленной коробками из-под пиццы, практически нет шансов найти себе полового партнера. Из-за этого в Храме разгорелись дебаты. При том, что каждый второй ребенок умирал в младенчестве, первейшей духовной обязанностью паствы было производить на свет как можно больше детей, но делать это без участия половых партнеров не представлялось возможным. В результате Верховный Совет Храма постановил, что правительство должно позволить людям общаться более регулярно, и физиприсы стали обязательными.

Таким образом, подлинную причину того, что в это вонючее, обжигающе знойное утро месяца сагиттария Траффорд был вынужден пробираться через завалы эмоционально заряженных отходов хронически травмированного общества, следовало искать в необходимости производить на свет детей и препятствовать их превращению в сумасшедших массовых убийц.

2

Траффорд состоял на государственной службе. Большинство трудоспособных лиц, не занятых в ресторанном и гостиничном бизнесе, были государственными служащими, так что правительство возглавляло список работодателей с большим отрывом от своих фиктивных конкурентов. А поскольку почти все, что требовалось населению, доставляли из-за рубежа, основной задачей властей было найти людям хоть какое-нибудь дело.

Траффорд работал в Госбанде – Государственном банке данных, который был создан для того, чтобы собирать и хранить информацию обо всех жителях страны. Исторически Госбанд возник в недрах Министерства внутренних дел, но с тех пор вырос до таких гигантских размеров, что уже само Министерство внутренних дел благополучно затерялось в его недрах. В Госбанд попадали любые, даже самые незначительные сведения обо всех, даже самых незначительных гражданах. Каждая финансовая операция, каждое появление в зоне обзора камеры скрытого наблюдения, каждый щелчок мышкой, каждый едва заметный дефект глазной сетчатки, каждая зубная пломба регистрировались компьютерами Госбанда и с течением времени запечатлевались в виде специальных кодов на маленьких черных полосках на обороте членских карточек, выдаваемых прихожанам Храма.

Это не было ни гипертрофией социологических наблюдений, ни зловещим симптомом прихода к власти всеведущего полицейского государства. У полиции был свой банк данных для борьбы с террористами, что отнюдь не сокращало численности последних: ведь уже давным-давно стало понятно, что нельзя помешать человеку взорвать себя в месте большого скопления народа, если он твердо вознамерился это сделать. Мало того – чуть ли не все жители страны, включая потенциальных террористов и убийц-социопатов, сами выносили мельчайшие подробности своей жизни на свои персональные веб-страницы и жили в надежде, что кто-нибудь это прочтет. В мире, где стремление к обособленности считалось извращением и преступлением против веры, правительству не имело смысла тратить деньги на организацию неусыпного надзора за всеми и каждым.

Однако Госбанд продолжал расти и набирал все больше и больше сотрудников исключительно ради того, чтобы записывать и хранить все больше и больше информации.

Насколько было известно Траффорду, никто и никогда не интересовался информацией, которую он сохранял. К нему никогда не обращались с просьбой кому-либо ее передать. Он просто обрабатывал ее, как миллионы его коллег, и все эти бесконечные факты переливались из машины в машину, образуя что-то вроде бескрайнего волнующегося моря. Иногда, во сне, Траффорду мерещилось этакое информационное цунами – миг, когда все электронные импульсы, биллионы и триллионы микрокоммуникаций объединятся в одну гигантскую неодолимую волну и потопят всех обитателей страны в виртуальной версии их собственных жизней.

Несмотря на ясность этой картины и на то, что отчеты о снах считались важным элементом как социального общения, так и религиозной практики, Траффорд никому не рассказывал об этом своем видении. Если ему предлагали пересказать какой-нибудь сон на публичной исповеди или за чашечкой шоколада-латте на физиприсах, Траффорд никогда не говорил правды. Вместо этого он конструировал сны, заимствуя кусочки из бесконечных саг других людей и сшивая их вместе – испуганный кролик из одного чужого рассказа, чувство падения из второго, внезапная уверенность в том, что «все хорошо», из третьего, – покуда не получалась приемлемая байка, которая позволяла ему дотянуть до момента передачи микрофона следующему оратору.

И никто не замечал фальши. Всем было не до того: ведь у каждого просилась наружу его собственная заветная история. Траффорд держал свои сны в секрете не потому, что считал их хоть сколько-нибудь значительными; он не видел в них смысла сам и, следовательно, полагал их вдвойне бессмысленными для других. Он держал их в секрете по одной простой причине: ему было физически приятно сознавать, что у него есть секрет. Что он оставляет свои переживания при себе. У Траффорда вызывал душевное волнение любой секрет, даже самый банальный, – что угодно, лишь бы оно было известно только ему. Лишь бы хоть чем-нибудь ни с кем не делиться.

3

С усталой покорностью Траффорд присоединился к толпе желающих попасть на станцию. Как ни старались власти перераспределить живые потоки, сдвигая рабочие часы у разных групп населения, перед входом в метро всегда была толпа. Да и не только в метро – толпа была перед входом куда угодно и внутри чего угодно. Зачастую отдельная толпа собиралась еще и на подступах к чему угодно: люди терпеливо ждали, когда они смогут присоединиться к толпе тех, кто стоит у входа и терпеливо ждет, когда он сможет присоединиться к толпе тех, кто находится внутри. Все проводили так много времени в очередях, ползущих со скоростью улитки, что ожидание вошло у народа в плоть и кровь: люди брели медленно, подволакивая ноги, даже в тех редких случаях, когда никто не загоразивал им дорогу впереди и никто не напирал на них сзади. Власти не раз устраивали месячники здоровья в надежде, что люди снова научатся выпрямлять спину и ходить нормальной походкой, а не семенить по-голубиному. Пропагандисты говорили, что это полезно для позвоночника и к тому же позволяет целеустремленно вглядываться в горизонт. Но их никто не слушал – возможно, понимая, что вряд ли стоит идти нормальным шагом, если это всего лишь скорее приведет тебя к очередной уличной пробке.

Траффорд ненавидел давку. От своей матери он слышал истории (возможно, слышанные ею от своей матери) о тех временах, когда люди могли уединиться, когда даже в больших городах имелись зеленые уголки, где человек мог посидеть, не ощущая запаха пота, исходяемого полудюжиной других человеческих тел. Но все это было в греховную Допотопную эру – раньше, чем разгневанная Любовь обрушила на страну свое возмездие, заставив ее съежиться вдвое, так что людям пришлось довольствоваться половиной пространства, на котором они разгуливали прежде.

Траффорд потихоньку перемещался вместе с толпой – входные двери впереди открывались и закрывались по мере того, как платформы внизу пустели и заполнялись вновь. Он знал, что жаловаться нечего, что ему еще повезло: ведь он живет совсем рядом с действующей линией метро, оборудованной эффективными помпами. Но он не чувствовал себя счастливым, стиснутый со всех сторон в медленно ползущей толпе, которая влекла его к началу абсолютно бессмысленного дня. Измученный ночью, проведенной в крошечной комнатке с еще более измученной женой и плачущим ребенком, он не чувствовал себя счастливым. Он вообще почти ничего не чувствовал.

Вдруг его окликнули по имени.

– Траффорд! Траффорд Сьюэлл! Идите, поделитесь со мной своими заботами!

Траффорд хорошо знал этот голос. А еще он хорошо знал, что должен будет пойти и поделиться. Должен будет оставить свое место в толпе, хотя станция была уже совсем близко – еще раз-другой откроют двери, и он внутри, – и пойти туда, куда его зовут. Конечно, тогда он опоздает на работу, но это не приведет к тому, что ему порекомендуют пересмотреть свое личное расписание и выходить из дому пораньше. Ни один начальник не осудит подчиненного, который задержался, вняв призыву своего исповедника подойти и раскрыть перед ним душу.

Траффорд повернулся и двинулся против течения.

А течение было сильное. Много было не только самих людей, но и каждого человека в отдельности. Обилие плоти, и чуть ли не вся она на виду. Почти обнаженная потеющая плоть. Необъятные женщины в крохотных топиках и узеньких трусиках – костюм, мало чем отличающийся от бикини. У некоторых была оголена даже грудь, и их большие, оттянутые младенцами соски грозно указывали на Траффорда, пока он проталкивался назад, мимо розовых и коричневых знаков, напоминающих ему, что он движется не в том направлении. Мужчины в коротких шортах и кроссовках, в майках или голые по пояс. Как правило, на всеобщее обозрение выставлялись самые толстые животы – животы, похожие на мощные тараны, гордость своих хозяев, укомплектованные сверху отвислыми, дряблыми, волосатыми мужскими грудями.

Пытаясь отыскать лазейку в едва ли не сплошной стене этой прущей на него плоти, Траффорд поднял руки над головой. Он сделал это потому, что боялся ненароком дотронуться до чьей-нибудь груди или, еще того хуже, невольно попасть рукой в чей-нибудь пах. Одно легкое касание такого рода могло стать источником серьезных неприятностей. «Ты чего меня лапаешь? – тут же закричали бы на него. – Ты не уважаешь мои бубики?»

Траффорду всегда казалось, что чем крупнее женщина и чем меньше на ней одежды, тем больше вероятность услышать от нее громкое обвинение в том, что к ее грудям отнеслись с недостаточным почтением. Но в такой толчее и при таком количестве гигантских грудей избежать подобного инцидента было очень и очень трудно. Похожие на

пляжные надувные мячи, вываливающиеся из крохотных треугольничков блестящей ткани, эти груди с огромными бурными полукружьями лезущих наружу сосков маячили в нескольких дюймах от его лица.

И неизбежное случилось.

– Извращенец! – завопил кто-то. – Станция у тебя за спиной, козел!

Траффорд даже не попытался найти взглядом обладательницу голоса. Он знал, что взывать к здравому смыслу обозленной горожанки бесполезно, а потому мигом повернулся на девяносто градусов и стал проталкиваться вбок. Следовало убраться от враждебного голоса подальше: от «извращенца» был один шаг до «педофила», а стоило этому слову прозвучать среди раздраженных, взвинченных людей, как угроза избиения становилась вполне реальной. Удивительно, что в такой плотной массе народа, где трудно было даже почесать нос, мгновенно находилось место для того, чтобы запинать человека насмерть.

– Прошу прощения. Извините, – бормотал Траффорд, держа руки вверх и прижав подбородок к груди, не трогая ничьих бубиков, ни с кем не встречаясь взглядом. – Меня позвал мой духовник, я должен к нему пройти.

Сердитый голос позади затих, и вдруг, совершенно внезапно, будто прорвавшись сквозь густые лесные заросли, Траффорд вынырнул из сплошной массы тел и чуть не угодил в объятия духовного пастыря своего района отца Бейли.

– Эй-эй-эй! – засмеялся Бейли, веселый и добродушный, как всегда. – Полегче, дружище! Как сказал один мудрый человек, тише едешь – дальше будешь!

– Вы звали меня, отец. Что-нибудь стряслось? – спросил Траффорд, стараясь напустить на себя такую же жизнерадостность, какую привычно излучал его исповедник.

– Стряслось? Именно что стряслось, Траффорд! – воскликнул Бейли, стиснув его в безжалостных медвежьих объятиях. – Примите мои поздравления, брат! Самые горячие, самые сердечные поздравления! Я так понимаю, что Господь, владыка жизни, благословил вас и вашу милую экстрагиперсексуальную женушку чудесной крошечной девчужечкой. Я прав?

Отец Бейли не выпускал Траффорда из своих могучих объятий. Духовник был рослым мужчиной: макушка Траффорда еле доставала ему до подбородка, щека Траффорда прижималась к его груди, и запах дорогих дизайнерских духов и ароматизированного мыла, смешанный с запахом пота, бил Траффорду в нос. Конечно, Бейли не ходил обнаженным. Он был одет вполне прилично, как и подобало человеку, занимающему столь высокое положение в обществе, – в обтягивающие белоснежные атласные шорты, белоснежные гольфы и белоснежную водолазку из лайкры. На водолазке красовался сверкающий золотой крест, усыпанный перемигивающимися огоньками. Над крестом перекинулась радуга, тоже с иллюминацией, а внутри радуги мерцала голограмма – летящая голубка. Голову исповедника венчала высокая митра, отделанная блесками и бижутерией.

– Вы правы, – промямлил Траффорд в грудь исповеднику, стараясь не вдыхать слишком глубоко, – у нас родился ребенок.

– Надеюсь, все хорошо? Как Чантория – в форме? Горда собой? Держится молодцом? Работает над восстановлением фигуры?

– Да-да, конечно.

– Тогда я скажу: вперед, девочка! Возблагодарим Господа. Слава Любви!

– Слава Любви, – покорно откликнулся Траффорд.

– Дочурка в порядке?

– Да, все отлично. Спасибо, отец, – ответил Траффорд. – Она у нас супер.

– А как же еще! Создана по образу и подобию своей замечательной сексуальной мамочки и соответственно, по образу и подобию нашего Творца. А есть ли у нашей супермалютки имя?

– Ну, мы думали, может быть... Кейтлин?

Исповедник нахмурился. Обычные, традиционные имена были уже не в моде. Само прошлое было не в моде. Все знали, что именно в прошлом человечество совершило свои главные ошибки. Прошлое было царством всеобщего невежества, ереси и темной колдовской магии. Именно в прошлом людям внушали, что обезьяны – их ближайшие родичи, а христиане священники утверждали, что Бог вовсе не реальная личность, а просто-напросто метафорический образ добра.

Мы еще не решили окончательно, – поспешно сказал Траффорд: мужество изменило ему. – Чантория предлагает назвать ее Мармеладкой.

– Вы должны послушаться своей жены, – заявил отец Бейли. – На ее выносливых женских плечах сидит умная головка. И очень хорошенькая вдобавок. А какие у нее роскошные бубики для натуралов! Ей есть чем гордиться.

– Спасибо, отец Бейли. Я передам ей ваши слова.

Исповедник улыбнулся, но его недовольство еще не испарилось.

– Я заглянул на вашу персональную страничку, Траффорд, – сурово сказал он. – А еще я проверил вашу ячейку на сайте нашего района.

Траффорд опустил глаза, понимая, что последует дальше. Для того чтобы выдернуть его из толпы, у исповедника Бейли не могло быть иной причины.

– Я даже поискал на глобальных видеоресурсах, однако... – с каждым слогом голос отца Бейли становился все суше, – однако так и не нашел вашего родильного ролика.

Траффорд не поднимал головы. Он надеялся сохранить этот секрет хотя бы ненадолго, всего лишь до тех пор, пока они с Чанторией не узнают как следует своего ребенка. Он собирался вывесить ролик, о котором шла речь, уже сегодня вечером. И надо же было именно сейчас нарваться на Бейли! Он застыл, не сводя взгляда с раскисшей памятной карточки, лежащей у него под ногами.

Фанта: ушла на небеса, но осталась в наших сердцах.

– У вас проблемы с выходом в сеть, Траффорд? – ледяным тоном спросил Исповедник. – Уверен, если вы отключите развлекран на пять минут, а потом снова...

– Я действительно не отослал свой родильный ролик... пока, – признался Траффорд. Откровенность была наилучшей тактикой: ведь от Храма все равно ничего не скроешь. Да и не только от Храма – все знали всё обо всех. – Чантория мне напоминала, но... у меня просто как-то руки не дошли.

Священник улыбнулся, но это была жесткая, безрадостная улыбка.

– Значит, руки не дошли?

– Да.

– Вы не были настолько тронуты и взволнованны, чтобы поделиться с товарищами этим чудесным и самым исключительным на свете событием, этим не имеющим себе равных

Божьим Подарком, после которого вы уже никогда не станете прежним? Вы не захотели прокричать о нем всему миру?

– Я прокричал, – слабо возразил Траффорд. – Я сообщил о нем в своем блоге.

На сей раз Бейли даже не дал себе труда улыбнуться.

– И это называется *прокричать*? Вы сообщили о рождении ребенка в своем блоге? И это все?

– Я рассказал о нем! Я описал, как чудесно...

– Вы описали его! – Священник уже не скрывал своего гнева. – Господь благословил нас цифровой электронной аппаратурой, с помощью которой мы можем в точности запечатлеть его творение, чтобы потом наслаждаться им в мельчайших драгоценных деталях, но вы, вы в своей непомерной гордыне считаете, что ваше описание, плод вашего убогого, жалкого, бессильного воображения, лучше подходит для этой благородной цели! Вы полагаете, что ваше описание, ваша выдумка – лучшее средство для передачи сотворенных Богом чудес, чем оцифрованная реальность!

Траффорду стало страшно. Он не ожидал, что отец Бейли истолкует его оправдание таким образом. Слово «выдумка» было не из легковесных. Записывать свои выдумки считалось грехом, кощунством. Каждый знал, что выдумывать, а значит, творить – это прерогатива Любви, и только Любви. Бог создал реальность, а человек поклоняется ей – вот истинный путь. Людям же под силу создавать только пустые фальшивки.

– Нет! – запротестовал Траффорд. – Это не выдумка! Это... просто описание, и все. Описание реальности... реальности в словах.

– Но почему вы не зафиксировали ее в кадре? Почему не обнародовали *реальную* реальность вместо того, чтобы тщиться *описать* ее? Когда вы бреетесь по утрам, вы смотрите в зеркало?

– Да, конечно, я...

– Почему же вы не полагаетесь на *описание* своего лица? Вы ведь не станете водить по щекам бритвой, руководствуясь только печатным словом! Потому что в таком случае вы бы тут же раскромсали себя на мелкие кусочки!

– Да, но...

– Стало быть, вас устраивает реальная реальность, когда речь идет о вашем личном комфорте, но когда дело доходит до того, чтобы отпраздновать божественное сотворение новой жизни, довольно и *описания* реальности. Я правильно понял?

– Нет!

– Так *почему* вы не выложили в сети свой родильный ролик, Траффорд?

Траффорд знал ответ, но у него никогда не хватило бы духу произнести его. Он ни за что бы не признался, что решение повременить с публикацией родильного ролика было продиктовано какой-то странной жадой в глубине его души – желанием сохранить *неприкосновенность своей личной жизни*. Желанием оставить что-то *при себе*, пусть хоть ненадолго.

Он не мог сказать об этом. Для Храма, да и для всего общества не существовало ничего более отвратительного, чем стремление к обособленности. Зачем человеку может понадобиться скрыть какую-то подробность своей жизни от чужих любопытных глаз? Разве это не долг каждого – выставлять себя напоказ? Может быть, Траффорд чего-то стыдится? А может, он считает себя каким-то особенным? Думает, что лучше своих братьев, что он для

них слишком хорош?

– Скрытность противна Господу, Траффорд, – произнес Бейли спокойным тоном, в котором, однако, звучала угроза. – Только извращенцы делают что-то тайком.

– Я знаю, отец.

– Если вам нечего стыдиться, значит, вам нечего скрывать.

– Я просто подумал, что это никому не интересно, – запинаясь, вымолвил Траффорд. – Вы же знаете, в нашем доме происходит столько всяких других событий. Вот например, Галактика Звездопад из квартиры 8-А спит с дядей своего мужа, но ее муж по-прежнему от нее в восторге, так что теперь их трое и они транслируют это в живом эфире круглые сутки без выходных. Так зачем кому-то смотреть на...

– Что-нибудь не в порядке? – перебил его исповедник, и на лице его вдруг появилось выражение искреннего участия. – Ребенок родился калекой?

– Нет-нет!

– Слава Любви!

– Слава Любви.

– Скажем: аллилуйя!

– Аллилуйя!

– Роды были трудные? – продолжал священник. – Чантория порвалась?

– Немножко, но...

– Раз так, вы тем более должны делиться и эмотировать. Горе и боль – тоже Божьи творения и посланы нам, чтобы нас испытать. Гордитесь своей болью! Когда мы делимся своим горем с другими, мы учимся и растем, и наша связь с Господом крепнет.

– Вообще-то все хорошо...

– Скажем: моря любви!

– Моря любви!

– Скажем: нивы радости!

– Нивы радости!

– Я хочу услышать из ваших уст: ниврад!

– Ниврад!

Пока звучали эти ритмичные восклицания, лицо исповедника было обращено к небесам, но затем он снова устремил свой горящий взгляд на Траффорда.

– И все-таки, почему вы не исполнили свой долг перед обществом и не выложили в интернет родильный ролик?

Траффорд совсем растерялся. Сказать правду значило навлечь на себя публичное осуждение на исповеди – дело даже могло кончиться бичеванием. И снова Траффорд уперся глазами в землю. Но тут в голову Бейли пришла новая мысль.

– Может быть, Чантория стесняется своей розочки? – внезапно спросил он.

– Нет-нет, отец! Что вы! Это я виноват... и забыл отправить видео.

– У Евы была розочка! У девы Марии была розочка! У Дианы была розочка! Дети появляются из розочки. Чантория должна гордиться тем, что она сильная женщина с розочкой, способной производить детей.

– Она гордится! Очень гордится, отец! Чантория страшно горда тем, что она женщина.

– Сильная женщина! Женщина, знающая, что такое истинная вера.

– Да, конечно. Вся наша жизнь стоит на вере. Для нас нет ничего важнее, чем наша

прямая, интимная связь с Любовью. От нее у нас нет тайн.

– Так почему же Чантория не показала всему миру розочку, которую дала ей Любовь, – свою розочку в миг ее наивысшей креативности? Разве она не хочет стать образцом для других? Вдохновить их на подвиги? Порадовать их, поделившись с ними своим богоданным опытом? Разве она не считает, что она прекрасна и все должны смотреть на нее, сопереживать ей? Аплодировать ей?

– Ну... конечно, считает. Конечно, она думает именно так.

Отец Бейли отступил на шаг и торжественно возложил ладонь на лоб Траффорду.

– Значит, теперь вы покажете людям свой родильный ролик?

– Да... да, отец, обязательно. Конечно. Простите меня, – ответил Траффорд.

– Вот и хорошо, – сказал исповедник, и на лицо его снова вернулась улыбка. – Передайте Чантории, что я в полном экстазе от нее и от маленькой Мармеладки. И на этот раз не забудьте!

4

Донельзя обрадованный тем, что ему удалось избежать публичного осуждения с кафедры, Траффорд подобострастно распрощался с Бейли и снова приготовился нырнуть в толпу горожан, жаждущих попасть на станцию метро. Перед ним была стена из блестящих, влажных от пота, полуголых, а то и вовсе голых задниц. Задниц, выпирающих из шорт, задниц с застрявшими в них трусиками. Во всей толпе не было задницы, хотя бы часть которой не сверкала на виду, – ни огромной, ни маленькой, ни обвисшей, ни по-юному упругой. Задницы волосатые и натертые специальным кремом, веснушчатые ягодички, глубокие ложбины. Швы от подтягиваний, хирургические шрамы, оригинальные татуировки и следы любовных укусов. Гордые задницы. Задницы, преисполненные достоинства. Задницы не хуже, чем у других.

Траффорд знал, что никогда в жизни ему не привыкнуть к бездумной демонстрации такого количества плоти. Он не хотел видеть эти задницы, не хотел заниматься бесконечным созерцанием разнообразных особенностей чужих тел. Но как ни старался он отвлечься, эти мелочи лезли ему на глаза и вызывали тошноту. Ему очень хотелось, чтобы на людях вокруг было побольше одежды.

Дело было не в том, что он считал отталкивающей наготу как таковую. Просто внутренний голос подсказывал ему, что тело нужно обнажать с умением, не навязывая его другому, даже оставляя намек на тайну. Примерно так же он относился и к увеличению груди. Он знал общепринятую логику: если бубики привлекательны, значит, чем они больше, тем лучше. Что тут может не нравиться? Это было неопровержимо, и все-таки он подозревал, что иногда бывает и наоборот: чем меньше, тем лучше.

Он не говорил об этом никогда и никому, даже Чантории, отлично понимая, как неуютно и неприятно будет людям, если он вздумает заявить, что его коробит вид их неприкрытых ягодичек. Они осудят его на своих веб-страницах; они скажут, что его нежелание одобрить ту гордость, с которой они предъявляют окружающим свои тела, попросту кощунственно. Разве не все они созданы по Божьему образу и подобию? Значит, если кому-то не нравится, как выглядит другой человек, то ему не нравится, как выглядит Бог.

Они рассерженно намекнут, что причины стыдиться каких бы то ни было частей человеческого тела есть лишь у тех, кто считает обезьян кровными родичами людей. Уже его собственный излишне скромный костюм представлял собой немалую опасность. Твердо решив не оголять свое тело ни на дюйм больше, чем требовали того жара и минимальные требования этикета, он всегда носил вместо майки футболку, а его шорты доставали чуть ли не до колен. По сравнению с прочей публикой на нем было много ткани, что его нередко принимали за мусульманина и советовали убираться обратно в гетто, а еще лучше – туда, откуда он родом, если это место до сих пор над водой.

Траффорд попытался выкинуть эти мысли из головы и, борясь с подступающей к горлу тошнотой, во второй раз за утро начал потихоньку протискиваться к дверям станции метро. На экранах над этими дверьми крутили блок информационно-развлекательных программ. То же самое показывали на фонарных столбах, окаймляющих улицы, по которым Траффорд пришел из дома сюда, к станции. Те же навязчивые кадры мелькали на его проездном билете, и они же, без сомнения, сменяли друг друга на стенах проигнорированного им лифта. Везде одни и те же программы. Так много экранов – и так мало того, что можно на их увидеть.

В «Новостях шоу-бизнеса» многочисленные звезды вели со своими личными демонами отчаянные битвы, в которых твердо рассчитывали победить – разумеется, с Божьей помощью. В «Мировых новостях» все более смертоносные бомбы взрывались в местах массового скопления народа. Армия трудилась всюду в очень сложных условиях – как в миротворческих зонах, разбросанных по всему свету, так и на границах христианского мира, защищая их от миллиардов измученных холерой неверных, которые умоляли дать им хоть стакан чистой воды. В более приземленных «Новостях страны» сообщали о новых проявлениях бдительности и примерах торжества народного правосудия (к коему власти относились сочувственно, хотя официально одобрить его не могли), тогда как правительство, казалось, пассивно наблюдало за проникновением в общество прекрасно организованной пятой колонны педофилов. В «Новостях погоды» были привычные прорывы дамб, аварии на насосных станциях и повсеместные наводнения.

Интересно, думал Траффорд, почему бы им просто не прокручивать каждый день одну и ту же пленку? Новости всегда были одинаковыми, а небольшие изменения в географии и наборе действующих лиц каждый успевал выучить наизусть уже к девяти часам утра.

Еще два прогона этого блока, подумал он, и я на станции.

Предположительно, погибли несколько сотен...

Здесь, в гуще толпы, слов диктора было толком не разобрать: мешала какофония звуков, льющихся из бесчисленных коммуникаторов и плееров, которые висели на шее практически у всех горожан.

А смертнику всего семнадцать лет...

Ух-ух! Бух-бух!

И умер он, когда его...

Девчонка, девчонка, ты будешь звездой...

Чтобы избавиться от шума, Траффорд ввинтил поглубже свои собственные молчачие наушники. Его всегда раздражали шум, вид человеческих тел – и запах. Смешанный запах пота, ароматизированных косметических средств и еды. Особенно еды.

Большинство тех, кто двигался к станции, что-то ели: они слушали свою музыку, пялились на развлекраны и одновременно запихивали в рот пищу. Складывалось

впечатление, что люди сознательно не дают отдыха ни одному из своих органов чувств. Конечно, в поезде будет еще хуже. Траффорду страшно было даже подумать об этом: тесная раскаленная жестянка, плотно набитая пассажирами, жующими пиццы, бургеры, куриное мясо и полезные для здоровья шоколадки с овсяными хлопьями. Он сунул за щеку мятную подушечку – это был единственный способ справиться с дурнотой на дороге на работу. К несчастью, в городе становилось все труднее найти мятные конфетки без шоколадной оболочки. Когда он спрашивал их в магазине, продавцы не скрывали удивления. Что плохого в шоколаде, скажите на милость?

5

В некоторых отношениях Траффорду нравились физиприсы. Он ненавидел толпу, но совсем неплохо относился к компании, не в последнюю очередь потому, что среди его коллег-госбандовцев были двое-трое симпатичных ему людей – он чувствовал, что у них за душой тоже есть что-то свое, чем они не спешат поделиться с другими. Правда, узнать это наверняка ему, конечно, никогда не удастся. Такая уж штука эти личные секреты: они личные, потому до них и не докопаешься.

Призывы к откровенности и непосредственному выражению эмоций были столь же вездесущими, сколь и утомительными. Под потолком офиса Траффорда висел баннер. «Как самочувствие? – вопрошал он. – Расскажи соседу!» Это был один из двух официальных слоганов Министерства благосостояния. Второй предлагал: «Давайте сопереживать!»

Весь день напролет, по радио, телевидению и интернету, людей уговаривали эмотировать – смело раскрывать душу перед всеми и каждым.

«Скажи нам, что ты думаешь, – требовали диджеи. – Мы хотим услышать *тебя!* Что тебе не по нраву?»

Все врачи и духовные наставники твердили одно и то же: «Не прячься от своих проблем. Гордись своими чувствами. Победи своих демонов. *Говори о себе!*»

Но главное – таково было веление Храма. «Человек – Творение Божье! – гремел с церковной кафедры исповедник Бейли. – Все что мы есть, все что мы делаем, все что мы говорим – создано Богом-и-Любовью. А значит, говоря о себе, мы говорим о нашем Творце! Каждая наша мысль, каждое наше слово, каждая часть нашего тела, приносящая нам радость, – все это дары Любви, а потому их следует нести как знамя, видимое всем вокруг! Скрытность же есть отвержение Любви, а тот, кто отвергает Любовь, *не имеет веры!*»

Траффорд был склонен к скрытности – а может, ему просто хотелось немного покоя. Каждый день он боролся с желанием заорать: «Послушайте! Давайте все дружно заткнемся хотя бы на пять минут!» Но не иметь веры было серьезным преступлением.

Впрочем, так было не всегда. Раньше это вовсе не считалось преступлением, хотя Храму очень не понравилось бы, если бы кто-то об этом напомнил. Траффорд знал правду, потому что изменения в законе произошли уже при его жизни. Каждый обязан быть верующим – так гласил первый из Законов Уэмбли, которые официально назывались Народным Кодексом.

Поскольку теперь все законы были Законами Уэмбли, становилось все труднее вспоминать времена, когда существовали другие юридические нормы, но те времена не были

выдумкой. Траффорд помнил, что в годы его детства законы принимались кучкой испорченных, дезориентированных, далеких от простого населения аристократов, которые называли себя членами парламента.

Перемены стали результатом растущего недовольства в обществе и особенно в Верховном совете Храма – недовольства тем, что избранные в парламент законодатели «не прислушивались к народу». Какая бы группа политиков ни избиралась в правительство, они немедленно начинали действовать вопреки «воле народа» и, что еще хуже, не желали прислушиваться к мнению масс и исправлять свои ошибки. Складывалось впечатление, что правительство и создано-то исключительно ради того, чтобы оскорблять своим поведением здравый смысл простых верующих, мужчин и женщин.

Удивительно, но эта проблема волновала политиков не меньше, чем сам народ. Конечно, в интересах любого политика было фиксировать в законах то, чего хотели люди. Трудность заключалась в другом: как избранныкам народа передать власть обратно в руки своему электорату?

Первым, что решили испробовать, был мгновенный плебисцит. Самые важные вопросы выносились на обсуждение по интернету, и людей просили голосовать, а при желании предлагать свои альтернативы и поправки. Эта тактика с треском провалилась, поскольку выяснилось, что она помогает реализоваться не воле народа, а воле отдельных *личности*. Очень скоро обнаружилось, что, в отличие от масс, которые можно контролировать, отдельные индивидуумы часто ведут себя независимо. При царящей в сети безудержной демократии каждый владеющий компьютером педофил или обезьянопоклонник мог обратиться ко всему миру, поэтому приходилось учитывать огромное количество разнообразных мнений. В итоге получалась полная анархия, и парадоксальным образом становилось все сложнее определить, в чем же состоит эта пресловутая «воля народа».

Наконец решение было найдено, и нашли его исповедники Храма. Законы должны приниматься людьми напрямую – в этом изначальный смысл демократии. Но у Храма есть доступ к людям, Храм регулярно организует огромные сходки этих самых людей. Что может быть естественнее, чем облечь эти сходки законодательной властью? Новый Священный Порядок был провозглашен на очередном еженедельном Фестивале Веры, проходящем на стадионе Уэмбли. Эти празднества устраивались для истинно верующих, которые собирались со всей столицы, чтобы поделиться с другими своей душевной болью, возрадоваться в лоне Любви и публично продемонстрировать свою веру. Стадион вмещал четверть миллиона человек, и было постановлено, что любое собрание такой численности, выражающее свое мнение единогласно, имеет право принимать законы.

Поскольку организация таких мероприятий была подвластна только Храму и поскольку именно в ведении Храма находился заново отстроенный стадион Уэмбли, единственное сооружение, где могла уместиться такая гигантская толпа, оказалось, что законы теперь создает Храм, а правительство превращается в его административный придаток. Это было не только абсолютно логично, но и совершенно *легитимно* даже с позиций старого законодательства. Ведь даже в Допотопную эру всеобщего неведения возбуждение религиозной вражды считалось преступлением, а чем же иным могло считаться отрицание воли верующих, как не возбуждением подобной вражды?

Конечно, первыми из утвержденных Законов Уэмбли стали Законы о вере, а первым из Законов о вере стал закон, гласящий, что не иметь веры – преступление. Его убедительность

подкреплялась и старыми законами Допотопной эры, ибо даже тогда считалось непозволительным проявлять неуважение к чужим религиозным убеждениям. Храм рассудил просто: если человек не верит сам, ясно, что он не согласен с религиозными убеждениями своих верующих сограждан, а если вы во что-то не верите, разве вы можете это уважать? Следовательно, каждый человек обязан быть верующим.

6

Один неприменный атрибут физиприсов Траффорд ненавидел всей душой. Это были *гробья*, или групповые объятия, без которых никогда не обходились встречи коллег по работе. По возможности Траффорд старался избегать их, отлучаясь куда-нибудь по мелким надобностям или симулируя расстройство кишечника в туалете, но тут нужна была осторожность: постоянное отсутствие на гробьях могло стать поводом для строгого выговора и даже для публичного осуждения на исповеди. Так что в большинстве случаев гробья приходилось терпеть.

– А ну-ка, все в круг! – воскликнул жизнерадостный голос.

Он принадлежал Принцессе Любомиле. Принцесса Любомила всегда выступала в роли инициатора гробьев, хотя формально не имела на это полномочий, поскольку в непосредственном рабочем окружении Траффорда не было различий ни по званиям, ни по должностям. Официально в правительственных учреждениях служебная иерархия сводилась к минимуму, чтобы никто не страдал от заниженной самооценки и все чувствовали себя комфортно. Личные амбиции, конечно, считались обязательными. Это был Закон Уэмбли.

Каждый, кто стремится к воплощению своей мечты, имеет право быть тем, кем он хочет. Так гласит закон.

Этот закон был одной из многочисленных несуразностей современной жизни, которые Траффорд замечал ежедневно и которые глубоко его тревожили. Точно так же, как запрещалось задевать религиозные убеждения человека, нельзя было и выражать сомнение в практической осуществимости его надежд и стремлений – того, что обычно называли мечтами. Этого Траффорд понять не мог. Все, кого он когда-либо знал, хотели стать сказочно богатыми и знаменитыми, однако никому из них так и не удалось этого добиться. Наоборот, по мере того как в городе становилось все жарче, теснее и неудобнее, жизнь его обитателей ухудшалась на глазах. И тем не менее бетонная уверенность в том, что ты можешь получить все, чего бы тебе ни захотелось, благодаря одному только твоему желанию, официально считалась неотъемлемым правом каждого человека.

Траффорд видел, что реальность постоянно и во всех отношениях опровергает общепринятые догмы. И все-таки люди верили (или притворялись, будто верят), что мечты могут стать явью и станут ею, и закон требовал от Траффорда, чтобы он верил в то, во что верят они. Это было просто нелепо.

С точки зрения Траффорда, нелепым было все, и особенно Бог. Однажды он слышал, как на углу улицы кричала незнакомая женщина. Она громко спрашивала: если Бог, или Любовь, или Творец, или Вседержитель так горячо любит детей, почему столько малышей умирает в мучениях? Она прижимала к своей налитой молоком груди ребенка, а когда полиция наконец сумела оторвать его от нее, обнаружилось, что он мертвый. Эта женщина

выразила вслух сомнения, которые давно уже преследовали Траффорда. Ему казалось, что они должны одолевать всех вокруг. Однако ту женщину арестовали за возбуждение религиозной вражды, и Траффорд никогда больше ее не видел.

Еще одним примером несоответствия между законами и повседневной жизнью было то, что, несмотря на отсутствие должностных различий, в любом рабочем коллективе существовала жесткая неофициальная иерархия. Каждый занимал в ней определенную ступень в зависимости от того, насколько активно он демонстрировал на публике свою религиозную одержимость, и в маленьком мирке Траффорда никто не мог соперничать в этом смысле с Принцессой Любомилой. Она была так полна веры, что Траффорд удивлялся, как в ней еще остается место для пончиков, которые она потребляла непрерывно с утра до вечера.

Принцесса Любомила верила во все. Конечно, в первую очередь она верила в Бога-и-Любовь и в законы Храма. Разумеется, верила она и в Младенца Иисуса, а также в то, что Младенец Иисус хочет от нее, чтобы она, Принцесса Любомила, лелеяла свою мечту и могла достичь всего, чего ей только пожелается. Но и этим всепоглощающая вера Принцессы Любомилы не ограничивалась. Она была дипломированным астрологом, гадалкой на картах таро, белой ведьмой и лидером отдела по похудению посредством самовнушения. Она практиковала только тантрический секс и называла себя буддисткой, потому что несокрушимо верила во всемогущество любви и целительную силу умения человека быть самим собой. Все эти убеждения находились в полнейшем согласии с учением Храма, поскольку считалось, что любая вера есть просто вера в Любовь под другим именем. Очевидными исключениями из этого правила были так называемые ложные верования: ислам, этот непримиримый враг, и, конечно же, измышления грязных евреев.

Чего-чего, а веры у Принцессы Любомилы хватало. Она была крайне одухотворенной личностью и никогда не упускала возможности напомнить об этом окружающим. Если же ей перечили, она становилась опасной, как питбуль, а если бы кто-нибудь осмелился проявить хотя бы тень неуважения к ней самой или ее семье, она бы тут же растерзала его на клочки в офисном блоге – в переносном смысле, конечно.

Траффорд подозревал, что она работает осведомительницей у инквизиторов.

– Гробья! – воскликнула Принцесса Любомила, широко улыбнувшись и разведя руки в стороны, а затем противным тонким голоском, подражая интонациям маленькой девочки, пропила: – Обнимите меня, обнимите скорей, обними-и-и-ите!

Траффорд и его коллеги покорно вышли на середину офиса с открытой планировкой и выстроились в круг, приобняв соседей и торжественно наклонив головы к центру. К своему ужасу, Траффорд обнаружил, что стоит рядом с самой Принцессой Любомилой и обвивает рукой ее талию – точнее, не совсем обвивает, поскольку Принцесса Любомила гордилась тем, что она женщина корпулентная, и рука у Траффорда была не настолько длинной, чтобы обнять ее как следует. Ему пришлось просто положить ладонь на толстый жировой валик, нависающий над ее атласными трусиками-танга. Ситуация была мучительно двусмысленной. Крепко ли надо держать? Прижмешь ладонью слабо – в этом увидят недостаток восторга и энтузиазма по отношению к коллективным мероприятиям, прижмешь сильнее – и тебя могут обвинить в неуважении и домогательстве. Реакцию Принцессы Любомилы всегда было чрезвычайно трудно предсказать, а перспектива получить обвинение от человека, который, по слухам, состоит в тесной связи с инквизицией, была настолько пугающей, что

ней не хотелось и думать.

– О Бог, о Любовь, о Бог-и-Любовь, – громко, нараспев произнесла Принцесса Любомила, не замечая волнения Траффорда, который пытался унять дрожь в руке, – надели нас священным умением быть собой, любить себя и быть такими, какими нам хочется. Дай нам силы мечтать и жить нашими мечтами, как ты повелел нам, о Господи. Каждый день – открытая дверь; дай нам мужество шагнуть за порог и не затворять ее за собой, чтобы и другие тоже могли войти. Ты создал меня по своему образу и подобию, Господи, и мой долг – любить себя так, как ты любишь меня. Я верю, что дети – наше будущее. Аминь.

– Аминь! – откликнулся круг, не жалея голосовых связок.

– Кстати, о детях! – продолжала Принцесса Любомила, точно затейник в летнем лагере, объявляющий выигрыш в лотерею. – Мне кажется, Траффорду есть что нам сообщить!

Все взгляды устремились на Траффорда. Конечно, ему следовало это предвидеть – разумеется, Принцесса Любомила не могла проигнорировать такое потрясающее событие, как рождение ребеночка, позволив его коллегам остаться непотрясенными, – но он все равно растерялся.

– Да, – промямлил он, – действительно... Чантория родила девочку.

– Ты что-то уж *чересчур* счастлив! – воскликнула Принцесса Любомила шутливым тоном, в котором звучала нотка стального сарказма, и добавила: – Девочку! Махонькую – вот такусенькую! Пусть у нее вырастут чудесные огромные бубики, а папочка даст ей денежек, чтобы сделать их еще больше!

Все от души рассмеялись, а потом посыпались поздравления. Траффорду кричали: «Молодчина!» и «Так держать!». Его хлопали по плечу, обнимали и целовали.

После этого на лице Принцессы Любомилы появилось выражение душераздирающего сочувствия, и она пригласила всех матерей, которые хотя бы раз теряли ребенка, погоревать вместе, ибо счастье Траффорда – исключительно удобный для этого повод.

– Я первая, – добавила она и зарыдала.

В течение долгих пяти минут Принцесса Любомила громко и витиевато сетовала на свою неизбежную скорбь и неисцелимую боль. Это не было чистым театром: Траффорд не сомневался, что Принцесса Любомила горюет о своих умерших детях не меньше, чем любая другая осиротевшая мать. Просто она выражала свои страдания гораздо громче любой другой матери. Вообще-то кричать было принято, и даже пары, ведущие интимную беседу, надсаживались изо всех сил. Храм утверждал, что громкость речи – надежное мерило ее искренности и что люди с тихим голосом недостаточно гордятся мыслями, которые они высказывают. По мнению Храма, истинно верующие должны были услаждать слух Любви звонким и радостным гомоном. Так что громко говорили все, но Принцесса Любомила как-то умудрялась перекрикивать остальных, и ее резкие, пронзительные гласные и нарочито искаженные согласные долбили Траффорда по барабанным перепонкам, точно удары молота.

– Я знаю, – заключила Принцесса Любомила, – знаю с абсолютной достоверностью, что мои маленькие детки не умерли: они сейчас с Иисусом, под крылышком Любви и в нежных объятиях Дианы. То, что меня не убивает, закаляет мой характер, каждое путешествие начинается с первого шага, и я стала лучшей, более сильной женщиной благодаря тем мукам, которыми Любовь сочла нужным истерзать мою беззащитную женскую грудь.

Когда Принцесса Любомила наконец перестала эмотировать и громкие сочувственные возгласы, которыми наградили ее слушатели, понемногу утихли, две другие сотрудницы последовали ее примеру, излив свои горести в столь же бурной манере, однако третья, молодая чернокожая женщина, чей ребенок совсем недавно умер от гнойного воспаления, высказалась коротко и, как почудилось Траффорду, неохотно. Такая сдержанность явно не понравилась Принцессе Любомиле.

– Не держи это в себе, Калуа, – грубо заявила она. – Положись на нас. Поделись с нами. Дай нам почувствовать твою боль.

Калуа подняла голову и открыла рот, но не издала ни звука. Она не плакала – глаза у нее были сухие, – но когда Траффорд глядел на нее, ему казалось, что он смотрит сквозь почти непроницаемую пелену слез.

– Скажи нам, что ты чувствуешь, – потребовала Принцесса Любомила. – Я уверена, что как афроангличанка с прекрасным цветом кожи ты будешь эмотировать по-настоящему и выплеснешь наружу все, чтобы стать сильнее и сделать сильнее нас, и так далее.

Неслышные, невидимые, сухие слезы низвергались потоками; Траффорду чудилось, что вся комната омыта ими, и он словно ощущал на языке соленый вкус тайного горя Калуа.

– Когда Герцог умер, – тихо сказала она, – я тоже умерла.

По лицу Принцессы Любомилы было видно, что признание Калуа не произвело на нее впечатления, но она поняла, что больше ничего не добьется, и решительно зааплодировала, подав пример другим. Затем празднование счастливого события в семействе Траффорда началось всерьез.

Тут Траффорд обнаружил, что ему чрезвычайно не хочется эмотировать так, как положено на подобных торжествах. Причина этого заключалась не только в том, что ему, как и Калуа, было нелегко озвучить на максимальной громкости свои самые сложные и потаенные чувства и таким образом выполнить моральный долг перед обществом, но и в том, что откровения осиротевших матерей заставили его вспомнить о Ласковой Голубке.

Ласковая Голубка была первым ребенком Траффорда, плодом его первого брака. Она умерла от столбняка в возрасте четырех лет, и с тех пор не прошло дня, чтобы Траффорд не тосковал по ней. К счастью, от него не требовали пространных излияний по этому поводу, так как страдания отцов не входили в эмоциональную жизнь социума на правах одного из ее основных компонентов. Храм тоже не уделял им особого внимания. О них мельком упоминалось в заупокойной службе, но и целом скорбь по усопшему ребенку считалась прерогативой матери. Поскольку частые браки обеспечивали высокую эффективность детопроизводства с одновременным воздаянием должного Богу-и-Любви, отцы редко задерживались в семьях надолго – они постоянно меняли своих избранниц, а те оставались жить с детьми. Храм одобрял подобную практику; более того, прочные браки вызывали у него подозрение, ибо противоречили естественному стремлению каждого мужчины со времен Адама сеять Любовь повсюду. Право на полигамию старейшины Храма сохраняли за собой, заключая серийные браки скорее параллельным, нежели последовательным способом (у исповедника Бейли в настоящий момент было восемь жен), но простым людям рекомендовалось почаще разводиться и жениться заново. В конце концов, Иисус ведь благословил свадьбу в Кане, а то, что благословил Иисус, следует повторять многократно вплоть до самой смерти.

И все же Траффорд не мог избавиться от воспоминаний о Ласковой Голубке даже

теперь, когда отмечал рождение Мармеладки. По счастью, он находился среди государственных служащих, а это значило, что их празднество окажется не таким шумным и продолжительным, каким оно было бы во многих других трудовых коллективах. Конечно, и здесь покричали вволю. Был выкачен на тележке гигантский торт, посыпанный искристой крошкой; принесли также коробки с глазированными пончиками ассорти. Была продемонстрирована видеозапись, на которой товарищи по очереди желали Траффорду всего самого лучшего, а потом ему вручили еще один торт для Чантории, который он должен был как-то довести домой на метро. Однако никто не предложил взять отгул до завтра, чтобы всем вместе выпить до бесчувствия, и, к облегчению Траффорда и шумно выраженному разочарованию Принцессы Любомилы, дело обошлось без караоке.

– Да что вы за люди! – возмущалась она. – У нас же *праздник!*

Но прошло чуть больше сорока пяти минут – и общее веселье улеглось, коллеги Траффорда разобрали оставшиеся пончики и, напоследок прихватив с общего стола еще по стаканчику сладкого пенистого кофе с молоком, разошлись по своим местам. Рабочий день вернулся в свою колею.

7

Должность Траффорда называлась «старший администратор-аналитик». На его этаже все были старшими администраторами-аналитиками. Несмотря на то, что служебная иерархия в государственных учреждениях была сведена к минимуму, немногие оставшиеся должности в целях стимулирования позитивности и высокой самооценки имели весьма звучные, солидные названия. Быть старшим администратором-аналитиком считалось очень почетным: человек, занимающий эту должность, находился на целую ступень выше тех своих коллег, которые именовались просто «старшими» и ниже которых не было уже никого. В свободные минуты – а их у Траффорда бывало сколько угодно – он нашел в компьютерном словаре все слова, из которых складывалось название его должности, и потому знал, что на самом деле он не является ни старшим, ни администратором, ни аналитиком. Полистав энциклопедию, Траффорд выяснил, что по сути он обыкновенный клерк, и с тех пор мысленно называл себя именно так.

Траффорд работал в Изразе – отделе Госбанда, который занимался изучением различий между социальными группами. Говоря точнее, задача этого отдела состояла в том, чтобы устанавливать и регистрировать соотношения между каждым конкретным человеком, каждым из остальных людей и всем, что происходило на свете, сколь бы малозначительными ни казались эти соотношения на первый взгляд.

Как и многим тысячам его коллег, Траффорду было поручено отыскивать новые показатели, на базе которых можно было бы количественно оценивать параллели между различными группами населения. Например, компьютеры Израза уже давным-давно были запрограммированы на автоматический поиск соответствий между группой тех, кто смотрит определенное телешоу, и группой тех, кто предпочитает определенный ионизирующий энергетический напиток с пониженным содержанием солей, но пока еще отсутствовала специальная программа, которая позволила бы выделить группу тех, кто пьет данный энергетический напиток во время просмотра данного телевизионного шоу. Траффорд

участвовал в написании таких программ.

Недавно в отделе Траффорда с удивлением обнаружили, что компьютеры Израза не связывают выбор полуфабрикатов с родительскими знаками зодиака, в результате чего то обстоятельство, что индивидуумы, имеющие хотя бы одного родителя-Тельца, в среднем едят лазанью чуть чаще, нежели люди, произведенные на свет двумя Стрельцами, до сих пор оставалось совершенно никому не известным.

Как только удавалось открыть новую связь, возникала необходимость установить ее перекрестные связи со всеми остальными связями. Где, например, любят проводить выходные дети Тельцов, употребляющие в пищу размороженную лазанью? Компьютеры Израза знали ответ и, хотя никому никогда не пришло бы в голову задать этот вопрос, были готовы предоставить нужную информацию по первому требованию.

На последних общенациональных выборах премьер-министр с гордостью заявил, что количество информации, хранящейся в цифровых архивах Госбанда, удваивается почти ежедневно и что количество накопленных фактов, имеющих отношение к каждому отдельному гражданину, давно превысило количество атомов во Вселенной. Оппозиция заметила на это, что приведенная статистика, конечно, обнадеживает, однако делается все равно недостаточно, а то немногое, что все же делается, следовало бы сделать гораздо раньше.

Траффорд трудился в поте лица, сочиняя программу, которая установила бы связь между выбором лака для ногтей и количеством согласных в имени бабушки той, кто его выбирал, когда у него за спиной раздался мужской голос.

– Может, перекусим вместе? Так сказать, спрыснем ребеночка?

Траффорд узнал голос – он принадлежал Кассию, самому старшему из всех служащих на их этаже. Кассию не поручали никакой работы: его наняли только ради того, чтобы ни у кого не нашлось повода упрекнуть правительство в дискриминации по возрастному признаку. От него требовалось лишь сидеть в углу, рядом с женщиной-инвалидом в кресле-каталке, и быть старым. Вообще-то они вовсе не относились к разряду недееспособных. Оба были умными людьми с высокой компьютерной грамотностью, да и вся работа в Госбанде была до примитивности простой и абсолютно бессмысленной, так что скорость ее выполнения не имела никакого значения. Просто ввод данных не входил в круг их обязанностей. У них была только одна обязанность – демонстрировать всеобщее равноправие.

– Перекусим? – отозвался Траффорд без особенного энтузиазма, поскольку раньше никогда не разговаривал с Кассием. – Даже не знаю...

– Или вы не хотите лишний раз отметить это событие, дружище? – спросил Кассий, и Траффорду почудился в его взгляде какой-то скрытый намек. – В конце концов, каждый второй ребенок умирает, не дожив до пяти лет. Так что тут отмечать?

Кассий говорил тихо. Детская смертность была неподходящей темой для досужей болтовни, тем паче в обществе новоиспеченного родителя, и многие другие отцы на месте Траффорда угостили бы Кассия хорошей оплеухой.

– Ладно, – ответил Траффорд, вставая. – Пойдемте.

Он сам не знал, почему согласился пойти – разве что потому, что Кассий высказал вслух его собственные тайные мысли. Каждый второй. Действительно, что тут отмечать? Может, лучше подождать с весельем по крайней мере до тех пор, пока ребенку не

исполнится пять лет.

К удивлению Траффорда, Кассий не повел его к ближайшему буфету с гамбургерами, который находился в дальнем конце их офиса. Не остановился он и у другого буфета, рядом с лифтом, и у третьего, в главном вестибюле.

– Надо малость размяться, – громко объяснил Кассий, когда они проходили мимо камер наружного наблюдения у центрального входа. – Старею. Правда, жаловаться грех – как-никак, это моя работа.

В итоге Кассий привел Траффорда в маленькую закусную на грязной полузатопленной улочке. Если верить вывеске, здесь подавали не гамбургеры, а фалафель.

Траффорд остановился на дощатом настиле перед входом в это сомнительное заведение.

– Вы хотите есть здесь? – спросил он.

– А вы не любите фалафель? – осведомился Кассий.

– Нет... но...

– Вас смущает, что это не «Фалафель-хаус».

Он был совершенно прав. Неприглядная закусная, перед которой они стояли, явно не входила в могущественную сеть «Фалафель-хаус»; не принадлежала она и чуть менее популярному «конкуренту» этой сети под названием «Фалафель-ланч» (которым на самом деле владел все тот же «Фалафель-хаус»). Это было независимое предприятие, обслуживающее местную бедноту, по преимуществу иммигрантов. Его посещали разве что нелегалы да полицейские. Траффорд знал, чем появление в подобном месте чревато для уважаемого обывателя. Отказываясь демонстрировать солидарность с миллионами своих сограждан, сделавших выбор в пользу «Фалафель-хауса», такой человек проявлял несогласие с мнением народа по поводу того, где лучше есть фалафель. Причина для этого могла быть только одна: он считал себя выше «Фалафель-хауса», брезговал посещать даже «Фалафель-ланч», а всякий, кто имел наглость противопоставлять себя народу, считался высокомерным снобом и должен был понимать, что его могут хорошенько осадить в любой момент.

– Пожалуйста, я угощаю, – сказал Кассий. – Мне очень нравится настоящий фалафель домашнего приготовления.

Удивленный дерзостью своего нового товарища, Траффорд позволил увлечь себя в здание. Первый этаж был залит водой; они поднялись по лестнице на второй и вошли в крохотный зал с тремя столиками, ни за одним из которых не было посетителей. Кассий выбрал место и жестом пригласил Траффорда сесть. Траффорд послушался, предварительно оглядевшись и подвинув свой стул так, чтобы оказаться спиной к камере наблюдения.

– Знаете, – небрежным дружеским тоном произнес Кассий, – я считаю, что если кто-то хочет быть незаметным, ему не стоит *стараться* быть незаметным.

– Я не... – но Траффорд понимал, что отпираться бесполезно: его маневр был слишком очевиден.

Кассий улыбнулся.

– Уж мы-то в нашем отделе знаем, что практически вся информация, которую собирают власти, так и остается неизученной. Да и как ее можно изучить? Мы все находимся под постоянным наблюдением. Для просмотра всего накопленного материала на каждого отдельного человека понадобился бы свой полицейский, и этому полицейскому некогда

было бы даже выкроить часок для сна. Такую информацию подвергают проверке, только если к ней почему-либо привлечено внимание. Следовательно, лучший способ избежать проверки состоит в том, чтобы не привлекать внимания к своей персоне.

– Мы сидим в независимом кафе, дружнице, – кисло откликнулся Траффорд. Он не любил, когда его учили жизни.

– Это не запрещено.

– Да, но в такие места ходят только нелегалы.

– Мы можем быть любопытствующими или репортерами в поисках материала для документального фильма. Да что там, даже полицейскими, которые ищут насильников, приехавших к нам из-за рубежа! Главное – сидеть спокойно и с достоинством. А вот если мы откровенно стремимся спрятать свои лица от камеры, тогда ясно, что у нас дурные намерения.

– Гораздо проще было бы пойти на ланч в «Фалафель-хаус», – сухо заметил Траффорд. Однако он слегка выпрямил спину и постарался выглядеть более непринужденно.

Кассий заказал две порции фалафеля с салатом.

– Вкусно? – поинтересовался он, когда Траффорд отведал принесенного блюда. Тот сморщился.

– Нет. Горько.

– Не горько, а своеобразно.

– А мне кажется, горько.

– Погодите, распробуете.

Траффорд отважился на вторую попытку, и теперь, когда его вкусовые сосочки немного адаптировались, нашел, что есть несладкую снедь непривычно, но вовсе не так уж противно.

– Да, – признал он, – вкус... любопытный.

– Без кукурузного сиропа, – пояснил Кассий. – Привыкаешь не сразу, но дело, по-моему, того стоит. Они готовят его сами – только турецкий горох и приправы. Здесь не считают, что фалафель должен быть сладким.

Траффорд снова тревожно огляделся по сторонам.

– Все должно быть сладким, – сказал он с излишним нажимом, словно рядом с ними находился кто-то третий. – Это же очевидно. Сладкое доставляет удовольствие. Значит, чем еда слаще, тем больше она нам нравится.

– Никто нас не слушает, Траффорд, – сказал Кассий. – Боже мой, вы ведь сами работаете в Государственном банке данных, ваша профессия – совать нос в чужие дела. Наверно, вы загрузили в свой компьютер уже миллиарды часов видеосъемок. Разве вы когда-нибудь просматривали или прослушивали эти материалы?

Траффорд улыбнулся. Тут Кассий был прав.

– Нет.

– Конечно, нет. И никто этого не делает. У нас не тысяча девятьсот восемьдесят четвертый.

– Восемьдесят четвертый? О чем вы говорите?

– Был такой год в Допотопную эру.

– Знаю.

– А еще это название книги.

Траффорд прищурился. Неужели его пытаются заманить в ловушку? О таких провокациях знали все. Новости были переполнены ими: юноши-полицейские, слонявшиеся по берегам канала живой приманкой для содомитов, наркодельцы, которые на поверку оказывались агентами по борьбе с наркотиками, и, разумеется, интернет-сайты обезьянолюдей – на них якобы приводились доказательства того, что жизнь на Земле существует уже много миллионов лет, но на самом деле все это спонсировалось Храмом и служило капканами для легковверных.

– Вы имеете в виду художественную... то есть, выдумку? – осторожно спросил он.

– Да, «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» – это история про общество, в котором...

– Мне плевать, дружище, – оборвал его Траффорд. – Я и знать не хочу! Писать романы – кощунство, а выдумывать – грех, потому что людей не могут создавать им подобные. Я человек верующий и знаю, что это под силу только Творцу.

– Боже святой, – сказал Кассий, – вы говорите прямо как на проповеди... Я что, паства, которую нужно просвещать? Или вы думаете, что я из полиции?

– Ничего я не думаю, – уклончиво ответил Траффорд.

Он хотел, чтобы его позиция была запечатлена на видео как можно яснее. Все знали, что главной растлительницей умов в Допотопную эру была именно художественная литература. Исповедник Бейли напоминал об этом каждую вторую неделю. Он живописал те ужасные времена, когда общество было поработщено *выдуманными людьми*. Когда телевизионные каналы изобиловали героями, которые лишь притворялись настоящими! Эти люди были творениями других людей, так называемыми вымышленными персонажами. То была эпоха книг, причем отнюдь не таких, какие читались и теперь, в Просвещенную эру, – не полезных книг о вере, об индивидуальном просвещении, о честолюбивых стремлениях и самосовершенствовании, не тех, что объясняли вам, как стать богатым, завести много друзей, получить максимум удовольствия от секса и сделаться лидером в своей социальной группе. Нет – тогда популярностью пользовались романы, *истории*, тысячи которых громоздились на книжных полках. И весь народ был отравлен *неправдой*, заражен иллюзией, что созданное человеком может быть прекраснее и интереснее того, что создал Бог. К счастью, потом – еще в конце Допотопной эры – наступила пора, когда люди стали понемногу отказываться от *историй* в пользу *реальности*. Пора, когда появилось благословенное новое поколение, любящее только *себя*, с восторгом наблюдающее за собой по телевизору, читающее только о себе в книгах и журналах и тем самым превозносящее реальность созданного Богом.

– Поверьте мне, Траффорд, – сказал Кассий, – я не полицейский. Зачем полицейскому годами сидеть в вашем офисе, пытаясь подловить вас? Вы что, более важная персона, чем я полагал?

– Да нет, конечно, – отозвался Траффорд с легким смущением. – Но вы упомянули о тысяча девятьсот восемьдесят четвертом. Сказали, что это...

– История?

– Ради Любви, замолчите!

– Я не считаю, что выдумывать истории грешно, – сказал Кассий.

– Но это так!

– Почему?

– Сами знаете почему. Все знают почему. Потому что, когда человек начал выдумывать истории, его гордыня и самомнение выросли настолько, что он решил, будто может написать историю самой жизни, – так и был совершен самый великий грех, когда человек написал историю Земли, а Бога оставил в стороне!

– Ой-ой-ой, – откликнулся Кассий, презрительно покачав головой. – Наверное, и школе закон Божий был вашим любимым предметом. Неужто вы и правда верите во всю эту чушь?

Траффорд встал, готовый уйти. Пускай идиоты, желающие сесть в тюрьму за богохульство, отправляются туда без него.

– До свиданья, Кассий, – громко сказал он. – Спасибо за ланч, но вряд ли я соглашусь прийти сюда еще. Если захотите со мной побеседовать, можно сделать это в офисе.

– Каждый второй, – тихо сказал Кассий. – Умирает каждый второй, Траффорд.

Траффорд застыл на месте. В конце концов, именно эта зловещая статистика подтолкнула его к тому, чтобы принять предложение Кассия.

– Хватит твердить одно и то же! – огрызнулся он. – Вам что, нравятся эти цифры? Вы случаем не извращенец? Следите за тем, что говорите, не то я расскажу про вас на своем блоге!

– Сядьте и перестаньте кричать, – скомандовал Кассий. – Если вы на меня донесете, вас в первую очередь спросят, зачем вы вообще отправились со мной в кафе. Почему вы позволили отвести себя в такое подозрительное место? Вас обвинят за компанию, а от этого так просто не отмоешься. Вы превратитесь в человека с запятнанной репутацией, и Принцесса Любомила сожрет нас живьем.

Поколебавшись, Траффорд молча опустился на стул.

– И ради бога, перестаньте изображать истинно верующего, – продолжал Кассий, – Это очень скучно.

– Я и есть истинно верующий, – возразил Траффорд. Но он и сам понимал, что его слова звучат неубедительно.

– Как вам будет угодно, – сказал Кассий.

– Зачем вы меня сюда позвали?

– Хотел познакомиться с вами поближе. Мне показалось, что вы немножко... отличаетесь от других, вот и все.

– Мы все отличаемся от других; каждый из нас личность, сильная и прекрасная, уникальная и неповторимая.

– Да-да... но я не об этом, – ответил Кассий, и Траффорду впервые послышалось в его голосе легкое беспокойство. – Я имел в виду, *по-настоящему* отличаетесь. Я подумал, что у вас есть... секреты.

Траффорд сразу понял, что лицо его выдало.

– Пожалуйста, не волнуйтесь, – поспешил добавить Кассий. – Вы не единственный. У меня тоже есть секреты. Причем один из них – очень важный и интересный.

Траффорд пожал плечами, показывая, что готов слушать, но сам ничего не признаёт.

– Вы обвинили меня в том, что мне нравится показатель детской смертности, – продолжал Кассий.

– Да, обвинил.

Вдруг глаза Кассия вспыхнули гневом.

– А вам не кажется, что он нравится не мне, и правительству и Храму? Что они им

вполне довольны? Что они *не желают ничего менять*?

– Я стараюсь вовсе об этом не думать.

– Черт побери, Траффорд! Пришла пора немного задуматься! – яростно воскликнул Каспий. – А еще вам пришла пора спросить себя, что можете изменить вы сами!

– О чем вы говорите? Что я могу изменить? Я буду молиться, и мы капнем ей на подушку лавандового масла, а еще...

– Молиться? Он будет молиться!

Траффорд был поражен. Никогда за всю свою жизнь он не слышал, чтобы это слово произносили с презрением.

– А знаете ли вы, – продолжал Каспий, – что болезни, которые убивают детей, можно предотвратить?

Траффорд знал одно: что ему надо немедленно уйти, поскольку разговор становится все более опасным и чреватым самыми печальными последствиями. Но он не ушел.

– Я... я знаю, что когда-то люди в это верили, – сказал он. – Но теперь нам известно, что то неправда.

– Это правда, – ответил Каспий.

– Откуда вы знаете?

Каспий заказал кофе.

– Эспрессо, – громко сказал он. – Без молока, без пенки, без сахара, и самое главное – никаких взбитых сливок и сладкого желе.

Им принесли две крошечные чашечки. Траффорд никогда не видел, чтобы в такие наливали кофе – его умещалось там не больше, чем в наперстке, – а сами чашечки были фарфоровые. Траффорд привык к тому, что кофе подают в литровых картонных стаканах.

– Ваше здоровье, – сказал Каспий, подняв свою чашечку с напряженной улыбкой, и добавил: – Если бы я был полицейским и по какому-то невероятному совпадению сейчас наблюдал за нами, я никогда бы не поверил, что человек, который собирается рискнуть жизнью, начав беседу на богохульственную тему, способен на такой неординарный поступок – заказать эспрессо, да еще безо всяких сладостей.

Траффорд мысленно признал его правоту и тоже поднял чашку. Затем, попробовав ее горькое содержимое, невольно скривился.

– Привыкнете, – уверил его Каспий.

У Траффорда не было настроения обсуждать кофе.

– Откуда вы знаете, что было время, когда дети умирали не так часто?

– Я знаю это, – ответил Каспий, – потому что я вакцинатор.

8

Конечно, Траффорд слышал о вакцинаторах. Это была зловещая тайная секта, практикующая темные искусства, корни которой уходили глубоко в Допотопную эру. Члены этого нечестивого братства калечили детей во имя древней и давно уже дискредитировавшей себя «науки».

– Вы колете детей отравленными иглами? – и ужасе прошептал Траффорд.

– Я предпочел бы слово «прививать». Да, именно это я и делаю, когда могу. Если

возникает такая возможность и если у меня есть вакцина. Много больших здоровых семей, члены которых возносят хвалу Господу, на самом деле обязаны своим счастьем мне и моим товарищам. Мы выискиваем тех, кто, на наш взгляд, способен мыслить самостоятельно и у кого должно хватить решимости помочь своим детям выжить. Вот для чего и обратился к вам.

– Но почему... почему ко мне?

– Я некоторое время наблюдал за вами, – ответил Кассий. – Как я уже говорил, мне показалось, что у вас есть секреты.

Траффорд промолчал.

– Вы ведь потеряли ребенка, верно? – продолжал Кассий. – Ласковую Голубку. Ее сгубил столбняк?

– Да. А кто из нас не терял ребенка?

– Вы очень трогательно об этом писали. Я читал архив вашего блога. Это прекрасно, подумал я, хоть и горько. Полагаю, у вас нет желания вновь пережить такой удар.

– Вы хотите сделать прививку моему ребенку?

– Это мой долг. Я поклялся спасти детей. Эту торжественную клятву приносят все вакцинователи.

– Я обязан донести на вас в полицию, – сказал Траффорд.

Каждый знал, что вакцинация – не более и не менее чем посягательство человека на исключительное право Бога вершить судьбы. Храм разрешал лечить болезни, поскольку это было всего лишь реакцией на Божье соизволение, но в основе вакцинации лежала идея о том, что можно предвидеть Божьи планы и изменить их. Предотвратить то, что предопределено. Конечно, это была самая настоящая черная магия. Только Бог мог знать будущее и только он мог творить будущее. Иммунизация же детей, равно как и взрослых, была очевидной попыткой ограничить Бога в его выборе, обмануть его, а потому не могла не считаться кощунственной. Для последователей этого культа Храм приберегал свои самые пламенные обвинительные речи.

– Вы будете не первым, – грустно сказал Кассий. – Многие мои братья и сестры навсегда исчезли в подвалах инквизиции, потому что об их деятельности сообщили те самые родители, которым они пытались помочь. Некоторых растерзала или сожгла толпа. С точки зрения общества, вакцинователи – враги веры, а значит, именно так с ними и следует поступать. Любопытно, не правда ли?

– Любопытно?

– Видите ли, очень похожие научные методы вполне законным образом применяются в том, что осталось от медицинской практики. Особенно в имплантационной хирургии. Что такое лекарства, препятствующие отторжению чужеродной ткани, если не своего рода иммунизация организма? Разве косметическая медицина – не попытка переиначить божественные планы? Однако бьютификация, как вам известно, есть моральный долг каждого существа женского пола.

Траффорд пожал плечами. Он привык к избытию противоречий в учении Храма.

– Разумеется, все это обычное лицемерие, – продолжал Кассий. – Лично я убежден, что старейшины из Верховного совета пользуются вакцинацией, чтобы предохранить от болезней членов своих семей. И до них в истории было полно деспотов, которые втихомолку наслаждались вещами, запретными для их подданных.

– Но вакцинация не дает никакого результата, и никогда не давала, – запротестовал Траффорд. – Я знаю это, потому что изучил вопрос достаточно хорошо.

– Так значит, вы ею интересовались?

– Я ее прогуглил. Признаю. Еще в Допотопную эру люди начали сознавать, что вакцинация детей порождает больше проблем, чем призвана решить.

– Согласен, так действительно думали.

– Я читал статьи об этом. Чего она только не вызывала, от аутизма до ожирения. Так что от этой практики отказались еще до Просвещения. До основания Храма.

– Верно. В ту счастливую пору, когда детской смертности почти не существовало, люди и впрямь были настолько развращены, что по своей лени и тупости отвернулись от вакцинации. Накануне Потопа и прихода так называемого Просвещения даже умные люди полагали, что в ней есть нечто подозрительное. Конечно, они были абсолютно неправы.

– Да почему вы знаете?

– Просто чувствую, – с улыбкой ответил Кассий. – Такова моя вера.

Ответить на это было нечего. Чувства всегда признавались законными. Даже во время этой чрезвычайно опасной беседы социальные инстинкты Траффорда не позволяли ему оскорбить Кассия, выразив сомнение в правомочности его чувств.

– Я спасаю детей, Траффорд, – сказал Кассий твердым, ясным голосом. – И почти наверняка могу спасти вашего ребенка. В то время, когда вакцинация была принята повсеместно, в период ее расцвета в третьей четверти двадцатого столетия Допотопной эры, все общество признавало ее необходимость, и в младенчестве умирало не больше одного ребенка из тысячи.

– Это ложь!

– Теперь их умирает пятьсот.

– Это ложь. Я видел цифры, статистику. Я отыскал их в сети. Они записаны, эта информация дошла до нас, и она говорит, что в эпоху обезьянолюдей детская смертность была не меньше нынешней.

– Я тоже видел статистику.

– Вы хотите сказать, что она неверна?

– Нет.

– Я сам никогда в жизни не заносил в компьютер неверных цифр. И ни один руководитель отдела не просил меня это делать.

– Когда имеешь дело с цифрами, не обязательно лгать, чтобы заставить их говорить то, что тебе хочется услышать. Надо только интерпретировать их нужным образом. Пойдемте, – сказал Кассий, поднимаясь из-за стола. – Мы уже долго пропадем, пора возвращаться на работу. Даже тому, чья профессия – быть стариком, иногда приходится изображать служебное рвение.

9

Когда Траффорд с Кассием тихонько проскользнули обратно в офис, там уже полным ходом шло другое празднество. В Израз приняли новую служащую, только что окончившую колледж, и эту девушку по имени Фиеста Целеста встречали буквально с распростертыми

объятиями.

Каждый считал своим долгом обнять новенькую, со всех сторон раздавались восторженные выкрики, повсюду были сияющие лица. Фиеста Целеста пролепетала, что она в полном экстазе от того, что встретила здесь такой потрясающий коллектив, и все заверили ее, что они в не меньшем экстазе от того, что она попала именно к ним. Затем было выражено общее убеждение, что сегодняшняя волнующая и счастливейшая встреча станет началом крепкой многолетней дружбы всех присутствующих.

Этой ритуальной церемонией неизменно сопровождалось появление каждого нового сотрудника, и не присоединиться к ней со всем возможным энтузиазмом было бы роковой ошибкой. Жесткие социальные условности требовали выражения буйного, почти истерического восторга в предвидении пылко-эмотивного и бесконечных улыбок, которые сулило новое знакомство, а равнодушие со стороны любого отдельно взятого работника расценивалось как подрыв позитивной установки всего коллектива и решительно осуждалось. Поэтому все столпились вокруг новоприбывшей, загодя распахнув объятия и дожидаясь удобного момента, чтобы доказать свою душевную открытость и готовность расширить свой тесный дружеский круг во имя Любви.

Траффорд подозревал, что многие его коллеги с удовольствием вернулись бы к работе после того, как каждый получил шанс обнять новенькую, расцеловать ее и выплеснуть наружу безудержную радость, вызванную ее появлением, однако Принцесса Любомила не собиралась на этом останавливаться.

– Ты такая *молоденькая!* Еще совсем *ребенок!* – воскликнула она своим громким, трубным голосом, который звучал еще противнее из-за ее излюбленной манеры по-детски присюсюкивать. – Подойди сюда, крошка. Сейчас же подойдите сюда, мисс Фиеста Целеста, и обнимите меня еще раз! Обнимите меня, обнимите скорей, обними-и-и-ите!

Фиеста Целеста сделала, как ей было велено, то есть шагнула вперед, позволив тесно прижаться себя к пышной груди Принцессы Любомилы. Последовали новые ликующие восклицания, выкрики и аплодисменты.

– У нас славная команда, – продолжала Принцесса Любомила, не выпуская Фиесту Целесту из своих сокрушительных объятий. – Счастливая команда и сильная, гордая команда. Мы все счастливые, сильные, одухотворенные люди. Но мы не любим снобов и мизантропов, верно? А еще мы не любим фальшивых сучек и говорим им это прямо в лицо. Если в тебе много фальши, гуляй куда подальше. Правда, девочки? Да, мы такие – хотите принимайте нас, хотите нет, но мы уже не изменимся. Согласны? Не слышу ответа!

И все окружающие, включая Траффорда и Кассия, покорно изобразили очередной приступ всеобщего ликования.

– А теперь позвольте сказать вам, мисс Фиеста Целеста, что я знаю о вас гораздо больше, чем вы думаете, – заявила Принцесса Любомила. – Кстати, какое чудесное имя!

Последовала новая серия выкриков, под которые Принцесса Любомила и Фиеста Целеста продолжали тискаться и обниматься, точно любовницы, хотя с момента их первого знакомства прошло меньше пяти минут.

– Да-да. Знаю я вас, девчонок! – крикнула Принцесса Любомила в макушку Фиесте Целесте. – Потому что я прогуглила тебя, подружка! Да-да, я просмотрела твои фотки и ролики, и скажу тебе прямо, детка, *мне понравилось то, что я увидела!*

– Ой, нет! – взвизгнула новенькая сквозь гигантское кольцо-сережку, свисающее с уха

Принцессы Любомилы. – Вы правда прогуглили меня, девочки? Ой, нет! Я щас умру!

– Да, я тебя прогуглила! Во всех подробностях, детка! Мало того, я еще взяла и скачала кое-что из того, что увидела, ясно? Так что смотри и слушай, Фиеста Целеста, девочка, потому что это *твоя жизнь!*

– Ой, не надо! – завизжала Фиеста Целеста. – Па-жа-лу-СТА!

– Помнишь свой пятый день рождения, когда ты измазала тортом носик? Как это забавно! Какая миленькая ты была малышка!

Принцесса Любомила тронула клавишу своего лэптопа, и на видеостене стала отображаться запись пятого дня рождения новоприбывшей. Раздались одобрительные возгласы, и Фиеста Целеста опять завизжала в притворном ужасе.

– Стоп, стоп, стоп! – скомандовала Принцесса Любомила. – Это еще только начало. Ага, вот!

Маленькая девчушка на экране ткнула носом и кусок торта, и весь офис задрожал от ликующих возгласов. Затем пошли разные эпизоды из жизни подрастающей Фиесты Целесты: детские праздники в закусочных с бургерами, катание на велосипеде, неизбежное пение под караоке – и наконец на экране появилась девица в розовом бикини на школьном выпускном балу.

– Да-да, маленькие девочки становятся большими, не так ли, Фиеста Целеста? – поддразнила ее Принцесса Любомила. – А ведь та ночь после выпускного стала для тебя особенной, правда?

– Нет! – завопила Фиеста Целеста. – Ты этого не сделаешь!

– Еще как сделаю, – сказала Принцесса Любомила и снова дотронулась до клавиатуры, включив запись любовной сцены в исполнении двух голых подростков. Фиеста Целеста визжала и стонала, спрятав лицо на обширной груди Принцессы Любомилы, а все вокруг хлопали в ладоши, поощрительно кричали и уверяли ее, что им тоже очень неловко смотреть записи, на которых они теряют невинность.

– Ты классно выглядишь! Так сексуально, детка! – подбодрила ее Принцесса Любомила. – Когда меня оприходовали, я еще даже не успела сделать себе бикини-эпиляцию! Посмотрите на моем персональном сайте, девочки, я смонтировала такой ролик, вы умрете!

В следующем эпизоде Фиесте Целесте увеличивали грудь.

– Мне было всего шестнадцать, – объяснила Фиеста Целеста серьезным тоном, – но я так просила, так умоляла, что мама разрешила мне сделать это пораньше.

– Твоя мамочка супер! – пронзительно воскликнула Принцесса Любомила. – Это чудесное событие, когда мамочка ведет свою девочку выбрать ее первые бубики!

– Я просто знала, что мне это нужно, и ужасно этого хотела! Понимаете? Быть настолько красивой, насколько я могу. Во имя Бога-и-Любви. Ведь Любовь требовала от меня, чтобы я была красивой!

Снова аплодисменты, снова одобрительные крики – и все стали внимательно смотреть домашнее видео, на котором шестнадцатилетней Фиесте Целесте, лежащей под наркозом на операционном столе, разрезали грудь, вынимали оттуда куски плоти и вставляли на их место имплантаты.

– В *шестнадцать лет*, друзья! – воскликнула Принцесса Любомила, торжественно воздев кулак. – Какое уважение к Господу! Так что давай, девочка, показывай!

Все закричали и захопали, и покрасневшая новая сотрудница закатала свой крошечный топ, расстегнула атласный кружевной лифчик и гордо продемонстрировала коллегам нагие груди размером с хорошие арбузы.

– Они очень помогли мне как женщине, – призналась Фиеста Целеста, – и научили меня любить себя, расти над собой и еще больше верить и себя и моего Создателя и уважать его по полной программе.

– Молодец, девочка! Умница! – закричала Принцесса Любомила. – Потому что помните все – мы суть лик и тело Господа, и когда люди смотрят на нас, они смотрят на Бога!

Снова раздалась возгласы, на сей раз благоговейные; головы присутствующих склонились к полу, и кто-то произнес «аминь».

– Разве я не права, Сандра Ди? – добавила Принцесса Любомила.

В этих словах отчетливо прозвучала ядовитая нотка, и все взоры обратились на Сандру Ди.

На вид Сандре Ди можно было дать лет двадцать пять. Она появилась в их рабочей группе недавно и тут же стала главным объектом издевательских нападок Принцессы Любомилы. Отчасти причина этого состояла в том, что грудь Сандры Ди не подверглась увеличению. Бог-и-Любовь благословил ее грудью всего лишь среднего размера, и однако же она позволила ей остаться такой. Формально у нее было на это право: закон не обязывал всех лиц женского пола увеличивать грудь, данную им от природы. Тем не менее Храм безусловно ожидал этого от неполногрудых женщин, и нежелание оправдывать эти ожидания воспринималось как грубый вызов общественному мнению. В некоторых наиболее консервативных семьях девушек, отказывающихся от увеличения груди, принуждали к этому силой. Их братья, отцы, дяди или кузены подмешивали им в еду снотворное, а потом везли их в больницу, где они вскоре просыпались с гигантскими грудями, какие полагалось иметь порядочным женщинам. Эти операции назывались «почетным увеличением».

Сандра Ди ответила Принцессе Любомиле сердитым взглядом, но ничего не сказала. Траффорд был восхищен ее мужеством. Мало у кого хватало духу на то, чтобы не спасовать перед Принцессой Любомилой, когда она принималась за свою «критику». Принцесса Любомила была свирепа и неумолима, она гордилась тем, что не даст спуска никому на свете и что все об этом знают. Тут уж ничего не попишешь, говорила она: такой у нее характер, а если он кому-то не нравится, это его проблемы.

– Интересно, что думает Создатель, когда смотрит на тебя, Сандра Ди, – продолжала Принцесса Любомила самым язвительным тоном, на какой только была способна.

– Мы не можем знать мыслей Любви, – спокойно ответила Сандра Ди.

– Аллилуйя! – воскликнул Траффорд, выбросив вверх кулак.

Все воззрились на него. Было ясно, что он пытается поддержать Сандру Ди, но, с другой стороны, Принцесса Любомила с ее прихвостнями не могла к нему придраться, поскольку подобные возгласы всегда считались уместными.

– Аллилуйя! – повторили все. Как ни крути, а этого требовали правила проведения общественных ритуалов.

– Слава Любви! – завопил Траффорд, снова подняв кулак над головой.

– Слава Любви! – эхом откликнулись остальные, и Траффорд заметил, что Калуа, Кассий и двое-трое других его коллег, обычно старающихся быть как можно незаметнее, на сей раз присоединились к общему хору с повышенным энтузиазмом. Однако Сандра Ди

повторила его восклицание спокойным голосом, словно соблюдая необходимую формальность и при этом не сводя упорного взгляда со своей мучительницы.

Принцесса Любомила так и кипела; она не привыкла, чтобы ее останавливали в атаке на полном скаку.

– А по-моему, в этом случае мысли Любви вполне очевидны! – рявкнула она.

– Да ну? – отозвалась Сандра Ди, саркастически подняв бровь.

Траффорд ощутил прилив восторга: на его памяти никто никогда не перечил Принцессе Любомиле. Сам он осмелился вмешаться, лишь прикинувшись, что охвачен религиозным пылом. Он хотел снова воспользоваться тем же приемом, но понял, что на второе «аллилуйя» у него не хватит смелости. Сейчас большинство коллег смотрели на Сандру Ди осуждающе, а действовать вопреки общему эмоциональному настрою всегда бывало опасно. Одна такая выходка сошла ему с рук, но повторить ее значило проявить неуважение к мнению разгневанной толпы, а те, кто на это отваживался, неизменно становились ее очередной жертвой. Все, что он мог сделать, – это просто смотреть на Сандру Ди, надеясь, что она прочтет в его взгляде осторожное сочувствие.

– Послушай-ка меня, Сандра Ди! – прогремела Принцесса Любомила. – Мне кажется, что ты не оправдываешь надежд своего Создателя! Он дал тебе утробу и розочку, сотворив тебя женщиной, дочерью Евы и сестрой Дианы, которая любит всех деток, но он не был особенно щедр по части бубиков, не так ли, моя дорогая?

– Думаю, мне придется жить с тем, что у меня есть, – ответила Сандра Ди.

– Ах вот как? И мы, все остальные, тоже должны жить с тем, что у нас есть? Да только тебя никто не заставляет жить с тем, что у тебя есть, верно, Сандра Ди? Ты *сама* решила так жить, и мне сдается, что пора тебе изменить свой взгляд на мир, Сандра Ди! Пора стать настоящей женщиной – такой, какой тебя хочет видеть Господь!

– По-моему, Господь хочет, чтобы я была собой, – спокойно ответила Сандра Ди. – Именно поэтому он создал меня такой, какая я сейчас.

Услышав эти слова, кто-то из присутствующих едва слышно ахнул – Траффорду показалось, что Калуа, но кто бы это ни был, он выразил общее настроение. Неужели Сандра Ди не понимает, что с этого момента ее жизнь превратится в крошечный ад?

– А может быть, ты лесбиянка, Сандра Ди? – зловеще осведомилась Принцесса Любомила. – Ты случаем не практикуешь однополую любовь?

Принцесса Любомила прибегла к своему стандартному пыточному методу – обвинять наобум. Очевидно, у нее не было ни малейших оснований обвинять Сандру Ди в гомосексуализме, который считался тяжким преступлением.

– Нет, – ответила Сандра Ди.

– В таком случае сделай себе приличные бубсы и перестань оскорблять Господа и бросать тень на весь наш коллектив!

На этот раз Сандра Ди промолчала, избрав тактику пассивной обороны. Праздничная атмосфера в помещении сменилась напряженной и крайне дискомфортной. Как виновница торжества, Фиеста Целеста почувствовала себя обязанной что-нибудь сказать.

– У тебя классная прическа, Сандра Ди. Правда, у нее классная прическа, друзья?

– Как это *мило* с твоей стороны, Фиеста Целеста, и как *благородно*, – провозгласила Принцесса Любомила. – А теперь... давайте есть торт!

Траффорда поразило то, что она решила замять дело. Стойкость Сандры Ди, не

сломившейся под ее натиском, явно выбила Принцессу Любомулу из колеи. Мать Траффорда всегда повторяла, что забиякам нужно давать достойный отпор, но поскольку попытка дать отпор Принцессе Любомуле легко могла привести к клеветнической кампании и гибели смельчака в застенках инквизиции, он никогда не видел, чтобы эту теорию применяли на практике.

Тем временем праздник перешел в следующую фазу. В офис внесли огромный торт и коробки с разноцветными глазированными пончиками и начиненными шоколадом булочками. Однако Сандра Ди просто вернулась за свой стол и возобновила работу. Принцесса Любомула и ее приспешники бросали на нее взгляды, полные возмущения и ярости, так как отказ от поедания торта в обществе коллег расценивался как снобизм и зазнайство наихудшего сорта, но Сандра Ди словно не замечала вызванного ею негодования. Когда она проходила мимо, Траффорд снова попытался тайком выразить ей свою солидарность, но она никак не отреагировала на его потуги – возможно, потому, что в этот момент рот у него был набит пончиком с карамельной начинкой.

10

Когда празднество по случаю приема на работу новой сотрудницы наконец завершилось и Траффорд вернулся на свое место, Кассий подошел к нему, пододвинул стул и присел рядом.

– Мне очень хочется немножко посмотреть, что вы делаете весь день за этими огромными экранами, – жизнерадостно сказал он. – В конце концов, пускай я старик, но я еще способен учиться, расти над собой и делать все, чтобы стать хоть чуточку лучше!

– Молодец! – крикнула Принцесса Любомула из угла комнаты, где она посвящала Фиесту Целесту в тайнства местной пейнтбольной лиги. – Слава Любви!

– Слава Любви! – откликнулся Кассий, молитвенно сложив руки, а затем выбросив вверх кулак.

Траффорд покосился туда, где тихо сидела за своим компьютером Сандра Ди, и понял, что демонстрация Кассием своей набожности не ускользнула от ее внимания. Ему даже почудилось, что на ее обычно бесстрастном лице промелькнула едва заметная усмешка.

Спустя минуту-другую, когда Кассий убедился, что о них с Траффордом все забыли, он подался вперед и стал набирать что-то на клавиатуре.

– Значит, вот как вы это делаете? – невинно спросил он, тем временем ловко отыскивая путь в самые потаенные архивы Госбанда. – Так это здесь хранится вся наша жизнь до последней секундочки?

Кассий адресовал поисковую программу к 15-му году Допотопной эры.

– Тогда он назывался 2014-й. Я выбрал навскидку, – пробормотал он. – Годится?

Траффорд кивнул, и Кассий нажал клавишу ввода.

В один миг экран заполонили цифры почти вековой давности. Числа, места, даты – все они представляли десятки тысяч детей, умерших прежде чем начать жить по-настоящему и прежде чем родились сами Кассий с Траффордом.

– Видите? – сказал Траффорд. – Два месяца... неделя... день. Выходит, что до Потопа дети умирали еще быстрее, чем теперь. Большинство из тех, что умерли, не дотянули даже

до своего первого дня рождения. Старая наука не спасла их, – шепотом добавил он.

– На первый взгляд – нет, – громко и уверенно ответил Кассий. Затем он снова наклонился к клавиатуре и забегал по ней пальцами. – Но что, если я сделаю так?

Траффорд нажал ввод, и все цифры на экране мгновенно изменились.

– Что вы сделали? – спросил Траффорд.

– Передвинул точку отсчета, – невнятно сказал Кассий, жуя сладкую булочку. – Я вычел из возраста всех детей по девять месяцев. Обратите внимание на то, что большинство цифр стали отрицательными.

– Ну и что?

– Как видите, дети, которые раньше были отмечены как умершие в возрасте четырех с половиной лет, теперь отмечены как умершие в возрасте трех лет и девяти месяцев. Ребенок, который в прежней таблице значился как погибший в три месяца, теперь умер как бы в возрасте минус шесть месяцев.

– Ну конечно, вы ведь уменьшили все цифры на девять месяцев, – подтвердил Траффорд.

– Именно. Детям, которые в первой таблице были обозначены как умершие через несколько месяцев после рождения, теперь соответствуют *отрицательные* цифры. Смотрите: четыре месяца превратились в минус пять месяцев. Один – в минус восемь. Тысячи и тысячи отрицательных величин, представляющих детей, которые *умерли, не успев родиться*.

– Но это же явная чепуха. Нельзя умереть, не успев родиться. Что вы хотите этим сказать? – спросил Траффорд. Он почувствовал прилив раздражения. Кассий говорил с ним менторским тоном, что было бы обидно даже в том случае, если бы его слова имели хоть какой-то смысл.

– Я хочу сказать, что эти дети *действительно* умерли, не успев родиться, – ответил Кассий.

– Не понимаю. Вы просто взяли и вычли одну и ту же цифру...

– Не просто цифру. Девять месяцев – это срок, за который женщина вынашивает ребенка. При определении уровня смертности в годы Допотопной эры за точку отсчета брали не дату рождения, а приблизительную дату *зачатия* каждого умершего.

– И все-таки я не...

– Поймите, что в этих показателях учтены и аборты, и посткоитальная контрацепция.

– Что такое посткоитальная контрацепция?

– Лекарство, которое женщина могла принять сразу после секса. В результате ее матка отторгала чужеродные клетки.

– Вы имеете в виду химический аборт?

– Можно сказать и так.

– Но это противозаконно.

Траффорд был достаточно хорошо образован и знал, что в Допотопную эру раннее прерывание беременности химическим способом считалось более гуманным, чем удаление плода. Однако Храм не делал различия между этими процедурами. Всякое прерывание беременности называлось абортом и приравнивалось к убийству. Пресловутые «утренние таблетки» занимали не последнее место в числе факторов, вызвавших гнев Любви и таким образом ставших причиной Потопа.

– Какая разница, Трафффорд? – ответил Кассий все с той же вежливой улыбкой. – Я всего лишь подчеркиваю: тот, кто составлял эти таблицы детской смертности, исходил из предположения, что жизнь ребенка начинается в момент его зачатия.

– И это совершенно справедливо! – нервно озираясь, воскликнул Трафффорд.

– Пожалуй, – откликнулся Кассий. – Но в наши дни Храм запрещает и аборты, и даже посткоитальную контрацепцию, вследствие чего смертность подсчитывается исходя из даты *рождения*. Чтобы сравнить тогдашний уровень смертности с нынешним, вы должны выбрать в этой таблице, составленной до Потопа, только *положительные* цифры, так как только они относятся к детям, умершим *после* рождения.

Пальцы Кассия снова запорхали над клавиатурой. Последний щелчок – и все отрицательные цифры исчезли с экрана. Он вдруг почти опустел.

– Как видите, – продолжал Кассий, – было время, когда лишь ничтожному проценту от общего числа детей не удавалось достичь зрелости. В Британии умирал примерно один ребенок из двухсот, а не один из двух, как теперь. Остальных спасала вакцинация. Именно поэтому я и стал вакцинователем. Спасать детям жизнь – мое призвание и моральный долг. Если хотите, моя вера. Я не сомневаюсь, что когда-нибудь мне придется заплатить за свои убеждения собственной жизнью, но это меня не останавливает.

Кассий собрал их бумажные тарелки и стаканы.

– Знаете, Трафффорд, – тихо сказал он, – когда-то прививку от столбняка делали всем поголовно. Если бы ваша первая дочь родилась в те дикие, первобытные времена, она имела бы все шансы стать взрослой.

11

Когда Трафффорд вернулся домой, Чантория кормила грудью их новорожденного ребенка. Она устроилась на кушетке нагая, если не считать шлепанцев и полотенца, прикрывающего двухдневную щетину на лобке.

– Привет, дорогая. Привет, малышка, – поздоровался с семьей Трафффорд. – Привет, Куколка, – добавил он, кивнув в сторону экрана. Как там у нас в чате – все нормально?

– Все отлично. Спасибо, Трафффорд, – ответило ему цифровое изображение Куколки, хрустя засахаренным миндалем.

Трафффорд перегнулся через столик для видео игр, чтобы поцеловать жену. В крохотной, загроможденной мебелью комнатке ему было нелегко привести свои губы в соприкосновение с подставленной щекой Чантории. Она сидела, подобрав под себя ноги, и Трафффорду пришлось опереться на них обеими руками.

– Ай! Мои вены!

– Извини.

На их кушетке могли сесть рядом только двое – она была лишь немного больше плоской коробки, в которой ее привезли, и тем не менее целиком занимала собой одну из стен. И все же Трафффорд с Чанторией понимали, как повезло им с жильем. Ведь в этой квартире с отдельными гостиной и спальней их было всего трое, хотя по закону здесь могли бы разместиться шестеро. А в действительности почти все соседние здания были заселены еще плотнее. Многие разросшиеся семьи из десяти или даже двенадцати человек теснились в

квартирах с площадью меньшей, чем у них. Гнев Любви превратил Лондон в очень маленький город, который к тому же неуклонно продолжал сжиматься.

– Кто-нибудь делит с тобой удовольствие? – Поинтересовался Траффорд.

– Трое, – без особенного энтузиазма ответила Чантория, кивнув на веб-камеру, которую она кое-как пристроила на подлокотнике кушетки, чтобы желающие могли наблюдать за процессом кормления.

Траффорд тронул кнопку на своем коммуникаторе, и на стене появились лица трех человек, которые делили с Чанторией удовольствие. Два из них были тоже матерями из их жилого комплекса – обе, конечно, сидели обнаженные, причем одна кормила младенца грудью, как Чантория, другая, только что потерявшая годовалого ребенка из-за коклюша, просто эмотировала за компанию. Нажав другую кнопку, Траффорд добавил громкости.

– Я уже привыкла к мысли, что все на свете делается с какой-то целью, – говорила та, у которой умер ребенок. – Сейчас мой малыш там, где ему хорошо. Сейчас ему тепло и уютно в объятиях Любви...

– Привет, Незабудка, – сказал Траффорд, вложив в голос как можно больше сочувствия. – Как ты?

– Потихоньку. Спасибо, Траффорд. Стараюсь быть сильной, – откликнулась Незабудка, промокая глаза розовым кухонным полотенцем. – Я как раз говорила, что это испытание должно сделать меня лучше – я знаю, что так запланировала Любовь. Я часто обращаюсь к ней после того, как умер мой Сникерс, и она явно хочет, чтобы я была си... силь...

Но тут силы, которые Любовь стремилась вдохнуть в Незабудку, оставили ее. Она не выдержала и расплакалась. Траффорду был слышен хор сочувственных голосов, на все лады утешающих несчастную:

– Ну-ну... не надо...

– Будь сильной, женщина. Господь позаботится о твоём Сникерсе.

– Время лечит. Рано или поздно боль пройдет.

Траффорд включил счетчик онлайнеров, и в углу экрана появились цифры, сообщающие, что в данную минуту вместе с ним и Чанторией горе Незабудки разделяют сорок семь человек.

– Сорок семь друзей и подруг, – бодрым голосом сказала Чантория. – Да это же чудесно, Незабудка! Мы все за тебя переживаем.

Чантория не стала добавлять, как резко это число контрастирует с жалкой тройкой, обозначающей количество тех, кто делит с ней удовольствие кормить Мармеладку, но Траффорд понял, что она об этом подумала. Он знал, как огорчает Чанторию недостаток внимания со стороны соседей. Их не то чтобы презирали – их просто не замечали, и когда Чантория видела, что на них с дочерью смотрят всего три человека, ее начинала грызть тревога. Люди, которые не пользовались известностью ни в хорошем, ни в дурном смысле, легко становились мишенью для травли. Пока с семьей Траффорда этого не случилось – по крайней мере, в сколько-нибудь заметной степени, – но если бы кто-то из местных авторитетов и впрямь захотел доставить им неприятности, они оказались бы беззащитны. В таком тесном сообществе, как у них, изоляция была чревата печальными последствиями.

Именно по этой причине Чантория без усталости пилила Траффорда за то, что он недостаточно любезен с Куколкой. Куколка была глазами и ушами всего здания, огромным, разбухшим, прикованным к креслу часовым, который одновременно присутствовал во всех

квартирах, не покидая при этом своей. Куколка могла быть могучим союзником, но и опасным врагом, а ее выбор в этом отношении зависел от того, сколько лести и экранного времени достается на ее долю. Траффорд же, несмотря на все свои искренние старания, был попросту не в силах выказывать ей уважение в той мере, какую она полагала для себя достойной.

– А у меня всего трое, – сказала Чантория с натянутым смешком и добавила театральным шепотом: – Да и то один из них извращенец.

Третий наблюдатель на экране, мужчина средних лет, сделал вид, что не слышит. Как и у Чантории, его пах был прикрыт полотенцем.

Пока Чантория докармливала Мармеладку, Траффорд разморозил две порции лазаньи и остудил трехлитровую бутылку пепси. Они поели за столиком для видеоигр. Траффорд хотел постелить на него скатерть, чтобы не видеть бесконечной рекламы новых игровых программ, которые вскоре должны были появиться в интернете. Ему было трудно сосредоточиться на ужине среди всех этих прыгающих, кувыркающихся, стреляющих и дерущихся уродцев, но Чантория настояла на том, чтобы поверхность стола осталась открытой.

– Мы в онлайн, Траффорд, – предупредит она. – Тебе надо, чтобы нас считали ненормальными?

Траффорд покорился, признав ее правоту. Если видеоигры и скачущие уродцы считаются хорошим развлечением, значит, чем больше их у тебя перед глазами, тем тебе должно быть веселее. Что тут может не нравиться?

Они ужинали в тишине – во всяком случае, не разговаривая друг с другом. Разумеется, до настоящей тишины в комнате было далеко. По обоим ноутбукам шло караоке-реалити-шоу, а смартфоны и прочие электронные устройства, разбросанные по квартире, ловили и отображали новостной поток. На коробке с рисовыми хлопьями мельтешила реклама последнего блокбастера, а стенной экран, конечно же, был занят эмоционирующими соседями. Кроме того, сквозь пластиковые перегородки просачивался шум, издаваемый всеми остальными ноутбуками, коммуникационными устройствами и коробками с сухим завтраком, которые находились в их многоквартирном доме.

Как всегда, было утомительно жарко. Траффорд видел на верхней губе Чантории блестящие капельки. Пот ручейками сбегал и по ее обнаженной груди. Малышка раскричалась: в жару все дети непрерывно капризничали.

– А вы двое чего молчите? – рявкнул голос Куколки. – Почему не участвуете?

Чантория встрепенулась, как испуганная птица, и сразу же увеличила громкость, чтобы расслышать Незабудку, которая снова появилась на большом экране.

– Я чувствую себя одинокой и совсем разбитой, – раздался ее голос на фоне приглушенного гомона вокруг. – Внутри точно все онемело. – Юное лицо Незабудки исказила страдальческая гримаса – муки несчастной матери были так сильны, что даже толстый слой ботокса не помешал им прочертить складки на каменно-гладкой поверхности ее лба. – Как будто оттуда вырезали кусок. Страшно подумать, что бы я сделала, если б не знала, что Господь всегда со мной.

– Я тоже с тобой! – выпалила Чантория, и Траффорд вздрогнул: так явно прозвучала натянутость в ее возгласе. Неужто она не понимает, что слабых чаще всего превращают в козлов отпущения? Если Чантория не хочет, чтобы над ней издевались, нельзя показывать, что она в любой момент готова стать жертвой чужих нападков

На мгновение мысли Траффорда вернулись к Сандре Ди, которую пыталась смешать с грязью Принцесса Любомила. Эта женщина с натуральной грудью не была жертвой. Она смело встретила злобный взгляд Принцессы Любомилы, и этот отважный поступок помог ей защитить себя. Траффорд и прежде замечал подобное. Жажущую расправы толпу нередко сбивали с толку проявления личного мужества. Только вот демонстрировать такое мужество было очень трудно.

– Спасибо, Чантория, это ужасно мило с твоей стороны, – сказала Незабудка сквозь слезы. Чантория улыбнулась, но Незабудка тут же ядовито прибавила: – Хотя я и не уверена, что мне сейчас так уж приятно общество молодой мамочки, которая в любой момент может дать бубик своему здоровому ребенку.

Чантория отпрянула, словно ее ударили. На ее щеках выступил пунцовый румянец. Траффорд смотрел, как не только ее лицо, но и плечи, руки и вся грудь покрываются красными пятнами унижения. Ее соски почти исчезли, потому что кожа вокруг них побагровела от смущения и стыда.

– Я не хотела... – пробормотала Чантория.

Но Незабудка уже забыла о ней и двинулась дальше: ее переполняли чувства. В конце концов, она имела право излить свою скорбь.

– Спасибо моему медиуму, – продолжала она. – Знаете Медовушку? Она беседует с моим мальчиком с тех пор, как он меня покинул, и он сказал ей, что счастлив там, куда его взяли. Медовушка в этом уверена: он счастлив и ждет меня вместе со своей старшей сестричкой, которая ушла раньше.

– Значит, в раю Сникерс научился говорить? – спросил Траффорд.

Это вырвалось у него невольно. Незабудка разозлила его бесцеремонной отповедью, которой она наградила Чанторию в ответ на попытку ее утешить. Вдобавок, его бесила идиотская вера в сверхъестественные способности Медовушки. Для Траффорда было очевидно, что Медовушка, их самозванный экстрасенс, – глупая толстуха, сплетница и завистница да к тому же врунья. Одна мысль о том, что это слабоумное существо может разговаривать с младенцами, которые умерли, даже не успев обрести дар членораздельной речи, выводила его из себя своей нелепостью.

Конечно, Траффорд понимал, чем вызвана его реплика, и тем не менее он предпочел бы сдержаться. Лицо Чантории из ярко-алого стало мертвенно-бледным. Она смертельно испугалась. Траффорд оскорбил безутешную мать, позволив себе ехидное замечание об ее погибшем ребенке! Нельзя было и представить себе более наглого выпада в адрес всего общества.

Куколка, которая, похоже, умела следить за полусотней разговоров одновременно, среагировала на это в мгновение ока.

– Что ты сказал? – прогремела она.

– Я... – Траффорд запнулся.

– По-твоему, Медовушка не беседует с маленьким Сникерсом? – негодуя спросила Куколка.

– Он не то имел в виду! – проблеяла Чантория.

– Медовушка... чувствует мысли моего сыночка, – вмешалась Незабудка.

Она была в растерянности. Неужели человек, находящийся в здравом уме и трезвой памяти, осмелился проявить неуважение к эмотирующей матери, которая недавно

похоронила свое дитя? Это казалось просто невероятным, и она сомневалась, что правильно расслышала слова Траффорда.

– Конечно, чувствует! – яростно воскликнула Куколка. – Медовушка – прекрасный медиум! Тут и спорить нечего. Благодаря Медовушке мы все...

– Да-да, ты права, – поспешно перебил ее Траффорд, понимая, что надо исправлять свою ошибку, прежде чем к разговору подключатся остальные сорок с лишним соседей, делящих с Незабудкой ее боль. Иначе последствия его промаха могли стать роковыми. – Именно это я и хотел сказать!

– Чего? Что ты хотел сказать? – подозрительно спросила Куколка.

– Как... как это чудесно, что благодаря Медовушке Незабудка знает о чувствах своего ребенка.

– Тогда зачем ты спросил, научился ли Сникерс говорить? – поинтересовалась Куколка с явным сомнением в голосе.

– Я подумал, что раз Сникерс не умел говорить, когда был живым, то теперь его душа чувствует еще сильнее. Она почти говорит... даже лучше! Невинное дитя может сказать своими чувствами гораздо больше, чем мы способны передать словами, и спасибо Любви за то, что у нас есть Медовушка, которая... которая умеет это улавливать. Как будто Сникерс и правда научился говорить.

Траффорд улыбнулся в объектив. Его лицо было воплощением благочестивой искренности, и Куколка немедленно попала на удочку.

– Ах, вот оно что, – протянула она. Весь ее гнев испарился, сменившись приторным восхищением. – Разве это не прекрасная мысль, Незабудка?

Незабудка на экране широко улыбнулась: теперь она поняла, что никто ее не обижал, и ей было очень приятно, что все так ее любят.

– Да, Траффорд, спасибо, – сказала она. – Как это мило! Спасибо, что ты со мной.

– Можешь на меня рассчитывать, – весело ответил Траффорд, с облегчением глядя на то, как щеки Чантории снова приобретают свой обычный цвет – Я всегда рядом!

12

– Не знаю, что со мной будет, если я потеряю Мармеладку Кейтлин, – сказала Чантория.

Их трапеза подошла к концу. Остаток ужина Чантория провела в оживленной виртуальной атмосфере домашнего чата, без умолку болтая и отчаянно эмотируя в робкой попытке продемонстрировать свой компанейский характер и подлизаться к Куколке после выходки Траффорда, едва не завершившейся для них катастрофой. С полчаса Траффорд слушал, как соседи соревнуются в пустопорожних излияниях и напыщенной религиозной риторике, но потом его терпение иссякло, и он нажал одну из кнопок на коммуникаторе.

Теперь их с Чанторией по-прежнему можно было видеть, можно было и обратиться к ним, но их собственный разговор стал неслышным для остальных. Храм считал такой уровень приватности социально и морально допустимым, даже весьма желательным в этот вечерний час. Когда день близился к концу, людям полагалось возобновлять более тесное общение с теми, на ком они были женаты в настоящий период, и условно уединяться друг с

другом во имя Любви.

– Я бы скорее умерла сама, – продолжала Чантория.

– Да, – отозвался Траффорд, не сводя взгляда с застывших остатков своего ужина. – Когда мы с Небесной Клубничкой потеряли Ласковую Голубку, у нас тоже было такое чувство. Оно и сейчас иногда ко мне возвращается, стоит только о ней подумать. Насколько лучше было бы умереть вместо нее! Хотя тогда я, конечно, не встретил бы тебя и у нас не появилась бы Кейтлин...

В этот момент Мармеладка Кейтлин хихикнула. Она вообще часто смеялась – намного чаще, чем плакала. Казалось, ее забавляет почти все, что она видит, а веревочка с разноцветными шариками и погремушками, натянутая над ее кроватью, и вовсе служила ей неиссякаемым источником удовольствия. Она била по ним своими пухлыми ручками и ножками, так что они бешено крутились, и чем больше они крутилась, тем больше она смеялась, пока Траффорд с Чанторией тоже не выдерживали и не начинали хохотать – и, наверное, с минуту-другую они втроем заливались смехом, причиной которого были всего-навсего несколько вертящихся кусочков яркой пластмассы.

– Думаю, я пошел бы на все, чтобы защитить Кейтлин, – сказал Траффорд, глядя на свою крошечную дочку.

– Да, конечно. Мы оба пошли бы на все, – подтвердила Чантория.

Как раз на такое начало и рассчитывал Траффорд, чтобы заговорить о вакцинации, но сейчас он замешкался. Он не сомневался в безграничной любви Чантории к малышке, но знал, что жизнь в их многоквартирном доме сделала ее робкой и пугливой. Не так-то просто будет подбить ее на богопротивный поступок.

Он упустил свой шанс. Внимание Чантории вновь перекинулось на экран, где продолжала беззвучно эмотировать Незабудка. В этом и заключалось коварство вездесущих экранов: даже если убавить громкость до нуля, взгляд человека почти неизбежно возвращался к изображению.

– Обоих детей потеряла, – сказала Чантория. – Придется бедной Незабудке начать все сначала. Только не с этим подонком Кавалеристом – надеюсь, Любовь сосватает ей кого-нибудь получше.

Как и прочие обитатели дома, Траффорд с Чанторией были осведомлены обо всех подробностях бурной семейной жизни Незабудки и Кавалериста, поскольку и она сама, и ее агрессивный, неуравновешенный муж постоянно эмотировали в сети. Оба гордились своими бесчисленными комплексами. Их яростные ссоры и сексуально насыщенные примирения непрерывно транслировались в онлайн и, конечно, широко освещались на публичных исповедях. Вдобавок, тонкие межквартирные перегородки давали возможность отслеживать все перемены в их отношениях – удар за ударом и оргазм за оргазмом – и в реальном режиме.

Кавалерист изменял жене направо и налево.

Незабудка давно и прочно сидела на таблетках.

Кавалерист не пропускал мимо ни одной ее подружки.

С Незабудкой ему все равно ловить было нечего.

Разумеется, были и многократные публичные примирения, когда отец Бейли напоминал поссорившимся супругам, что только Бог-и-Любовь может показать им дорогу к знаниям и самосовершенствованию. После этого под восторженные крики паствы Незабудка

позволяла Кавалеристу заключить себя в объятия и оприходовать прямо на полу исповедали, и некоторое время все снова шло хорошо.

– Его все равно в тюрьму посадят, – сказал Траффорд, хотя у него и не было ни малейшего желания обсуждать судьбу Кавалериста.

– Думаешь?

Недавно Кавалериста арестовали и вскоре должны были судить за то, что он вломился в мусульманское гетто на машине с целой шайкой головорезов. Они похитили оттуда двоих парней и насмерть забили их бейсбольными битами.

– Год точно получит.

– После того как они подложили бомбу в наш торговый центр? Да нет, вряд ли.

– Бомбу подкладывали не те мальчишки, которых убил Кавалерист.

– Ты почему знаешь?

– Знаю. Те взорвались вместе с бомбой разлетелись на миллион клочков.

– В общем, я желаю Незабудке в следующий раз выйти за нормального парня, – сказала Чантория. – Теперь, когда она потеряла Сникерса, ей нужно на кого-то по-настоящему опереться.

И вновь Чантория предоставила Траффорду шанс, которого он ждал. На этот раз он осторожно завел беседу о том, что было у него на уме.

– Я сегодня познакомился с одним человеком, – сказал он. – Ну, не то чтобы познакомился: мы и раньше встречались, на работе, за чаем, ели вместе всякие там торты и пончики... А сегодня разговорились. Вернее, это он со мной заговорил. Пригласил на ланч. Мы ели фалафель.

– Просто в голове не укладывается, что это ты вдруг ляпнул Незабудке! – неожиданно воскликнула Чантория. – Какая муха тебя укусила? Будешь выдавать такие комменты – тебе в сети все косточки перемоют!

– Мне не понравилось, как она тебя отшила, когда ты выразила ей сочувствие.

– У нее же ребенок умер!

– Ладно, не хочу я говорить о Незабудке. Я рассказываю тебе про того человека.

– Про какого еще человека?

– Про того, который пригласил меня на ланч. Его зовут Кассий. Он уже довольно старый.

– Ну и что?

– Он как будто... как будто бы знал меня.

– О чем это ты?

– Ну, то есть он догадался, что... что иногда... я люблю оставлять свои мысли при себе.

Во второй раз за этот вечер краска отхлынула с лица Чантории.

– Я тебе говорила, что рано или поздно люди заметят! – прошипела она. – Всё твои дурацкие секреты! Тебе обязательно быть таким психом? Почему надо держать что-то при себе? Какой в этом смысл? Ох, доиграешься ты!

– Ни до чего я не доиграюсь, солнышко, – терпеливо сказал Траффорд. – Это просто помогает мне жить. Ты и сама иногда так делаешь.

Траффорд покосился в другой конец комнаты, где лежал на кухонной банкетке их старый карманный компьютер. Они составляли на нем списки продуктов и вели с его помощью домашний бюджет, но Траффорд знал, что Чантория иногда пользуется им как

блокнотом, записывая случайные мысли и наблюдения, которые потом не переносит в ноутбук и не выкладывает на своем блоге, – мелочи, которые никто не узнает и не прочтет, кроме нее самой. Иногда она даже придавала своим тайным мыслям рифмованную форму. Было время, когда Чантория показывала эти наброски Траффорду. Когда они вместе смеялись и плакали над странными, бессвязными заметками, которые ей почему-то хотелось внести в компьютер и которые он считал прекрасными, а она – чепухой. Но эти дни давно прошли. Только могущество молодой любви на краткий период наделило Чанторию силами, необходимыми для того, чтобы делиться своими секретами с близким человеком.

– Я этого уже почти не делаю, – возразила она.

– Знаю, – грустно ответил Траффорд.

– А кроме того, в этом нет ни капельки неуважения к Создателю, – продолжала Чантория. – Какой может быть вред от стихов?

– Если от них нет вреда, зачем ты держишь их в тайне?

– Я ничего не держу в тайне! Я просто не... Просто я забываю их выложить, вот и все. Я не псих. Я не считаю себя какой-то особенной. А вот ты – тебя уже поймали, и теперь нам придется плохо. Они знают, что у тебя есть секреты.

– Кассий – не они, – уверил ее Траффорд. – Он – это он, и его нам бояться нечего.

– Откуда ты знаешь, что он не из полиции?

– Чтобы полицейский годами сидел в углу моего офиса, дожидаясь удобного случая подловить *меня*? – откликнулся Траффорд. – Выходит, я гораздо более важная персона, чем полагал.

Он слегка смутился, почти дословно повторив язвительные слова Кассия, которыми тот ответил на его собственные параноидальные опасения. Но это был хороший ответ, продиктованный логикой и фактами. Чантории *казалось*, что Траффорд может угодить в лапы инквизиторов; он же *вывел путем умозаключений*, что это крайне маловероятно.

– Вдобавок ко всему прочему, – продолжал Траффорд, – у Кассия и у самого есть секрет, да побольше, чем любой из наших. Если кому и стоит опасаться полиции, так это ему.

– Тогда все еще хуже. Зачем ты вообще с ним связался? Он что, мусульманский террорист? Или содомит? Какие у него проблемы?

И Траффорд рассказал Чантории, что ему предложили прибегнуть к услугам вакцинатора. Чантория слушала молча, но на ее лице был ясно написан страх. Когда Траффорд закончил, она сердито потребовала, чтобы он сейчас же донес на Кассия служителям Храма.

– Думаешь, стоит? – спросил Траффорд.

– Я думаю, – с нажимом прошептала Чантория, – что если он вак... один из этих ужасных людей и его поймут – а его точно поймут, никуда не денется, – то первым делом проверят все видеозаписи, на которые он попал, и найдут ту, где вы с ним едите фалафель, и тогда тебе придется здорово постараться, чтобы объяснить, почему ты на него не донес.

– По-моему, надо рассуждать логически.

– Я и рассуждаю логически, и не говори со мной как с идиоткой. Это твоя вечная манера, а на самом деле идиот-то ты. *Логически* любому дураку очевидно, что когда они поймут этого малого, то захотят поговорить с теми, с кем говорил он. А он говорил с тобой, Траффорд, – и что, по-твоему, тогда будет? Если рассуждать логически?

– Я не о себе говорю, да и не о тебе, коли уж на то пошло. Я говорю о Кейтлин. А если этот человек и вправду может спасти ее от болезней?

– Ничего он не может.

– Ну хорошо, допустим, что шансы – один к ста. И ты даже не попробуешь?

– Я не понимаю, о чем ты. И обсуждать это не хочу.

– Да задумайся ты хоть на минутку, ради всего святого. Чантория! Допустим, есть один шанс из ста, что он поможет. Разве мы не должны попробовать? Разве имеем мы право упустить хоть маленькую, хоть самую крошечную возможность дать дочке вырасти здоровой? Даже один шанс из тысячи лучше, чем ничего! Когда умерла моя Ласковая Голубка, я прошел через такое, что второй раз мне этого не вынести. Честное слово, Чантория!

– Траффорд, вакцинаторов сжигают на костре.

– Только тех, кого им удастся поймать. А он считает, что ему это не грозит, – ответил Траффорд. – По его мнению, они мало что замечают.

– Они замечают всё.

– Так мы думали раньше. Но, возможно, мы ошибались.

– Ты должен его сдать, Траффорд.

– Я его не сдам.

– Он враг веры. Оберегать его – значит подставлять нас всех.

– Я считаю, что мы должны поставить здоровье Кейтлин выше своих собственных интересов.

– Еще бы! Кто спорит!

– Тогда нам нужно сделать ей прививку.

– Это что, какая-то подлая изуверская шутка? – негодуя спросила Чантория.

– Нет, конечно.

– Тогда какого черта ты скалишься?! – завопила Чантория прямо ему в лицо.

Траффорд действительно улыбался, следуя совету Кассия не привлекать к себе внимания заговорщицким видом. Он расслабил лицевые мышцы, сообразив, что если сейчас по сети и рыщут какие-нибудь соглядатаи, то именно разъяренная Чантория и покажется им наименее подозрительной. Обитатели их огромного муравейника гораздо чаще орали друга на друга, чем улыбались.

– Я считаю, что нам нужно позволить Кассию сделать Кейтлин прививку, – повторил Траффорд.

– Ушам своим не верю. Пожалуйста, скажи, что ты пошутил.

– Я считаю... я считаю, мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы обезопасить нашу дочь.

– Ты хочешь позволить абсолютно чужому человеку втыкать в нее грязные иглы? И это, по-твоему, называется обезопасить?

Чантория подошла к Мармеладке Кейтлин, взяла ее на руки и прижала к себе, точно боялась, что Траффорд, не откладывая дела в долгий ящик, вынет из-за пазухи здоровенную иглу и проткнет ею несчастного младенца прямо на столике для видеоигр. Наверное, страх матери как-то передался и Кейтлин, потому что теперь обе они, казалось, смотрели на Траффорда с укором. Внешне Кейтлин гораздо больше походила на Чанторию, чем на своего отца: у нее была такая же кожа чудесного оливкового оттенка и такие же огромные темные

глаза. Сейчас обе эти пары глаз были устремлены на Траффорда, и на мгновение он почувствовал себя чужаком в собственной семье.

– Вряд ли они пользуются грязными иглами, – спокойно ответил он.

– Ты сам говорил, что их наполняют тем самым ядом, от которого якобы хотят защитить детей! Траффорд, у них в иглах смертельная болезнь!

– Послушай, ты же неглупая женщина и не хуже моего знаешь теорию, – ответил Траффорд, раздраженный тем, что его заставляют обороняться.

– Это не теория, а гнусное колдовство.

– Небольшая доза бактерий активизирует иммунную систему ребенка.

– Ты серьезно? – с недоверием спросила Чантория. – Да это же вуду, Траффорд. Черная магия. Это...

– Между прочим, я просмотрел цифры за целое десятилетие в конце Дopotопной эры...

– Эпохи обезьян.

– Называй ее как угодно, но факт остается фактом: в то время дети практически не умирали.

– Я в это не верю. Этого просто не может быть. Любовь призывает малышей к себе, вот и все. Так уж устроена жизнь, и ее не изменишь.

– Но тогда ее изменили, Чантория! И не Бог, а люди. До Потопа почти никто из детей не погибал.

– Ах, так? Значит, до Потопа? А почему Любовь обрушила на обезьянолюдей этот самый Потоп? Из-за их тщеславия! Из-за их гордыни! Из-за того, что они сочиняли истории и думали, будто могут помешать исполнению Божьей воли, втыкая в своих детей наполненные ядом иглы, как поганые колдуны! Да они ими и были!

– Ты не знаешь наверное, что Потоп стал результатом Божьего гнева, вызванного человеком. Тебе только так сказали.

– Мы знаем, что Потоп был. Знаем, что полмира утонуло. Знаем, что мусульманам досталось больше, чем нам. Кто, по-твоему, послал его, если не Бог? И зачем, если не для того, чтобы наказать людей за их наглость и своеволие?

– В мире произошло потепление – вот все, что мы знаем. Оно продолжается и сейчас. Лед растаял, уровень моря поднялся. *Это все, что мы знаем.*

– Мы знаем, что заслужили наказание.

Траффорд не верил в ее искренность. Он знал, что она умна и пытлива. Он был убежден, что Чантория, как и он сам, не могла принять без доказательств ортодоксальное учение Храма. И однако же угроза обвинения в ереси сделала ее не менее благочестивой, чем Куколка или Принцесса Любомила.

В конце концов, именно так людям и прививали веру. С помощью страха.

– Подумай, пожалуйста, не о себе, а о Кейтлин, – сказал он. – Если мы хотим помочь ей, то нам нельзя пренебрегать ни единым шансом. *Ни единым.*

– Я не желаю это обсуждать. И не буду!

Чантория отказалась продолжать разговор.

Они закончили ужин в полном молчании, после чего Чантория сменила Мармеладке Кейтлин памперс, а Траффорд убрал со стола. Потом они легли в постель. Оба были измотаны. Мармеладка Кейтлин почти не давала им спать по ночам, и у них выработалась привычка ложиться пораньше, чтобы урвать для сна хотя бы один лишний часок.

Конечно, сразу заснуть им не удалось. Как и все остальные дети в их доме, Кейтлин плохо переносила жару и непрерывно хныкала. Кроме того, многие соседские дети были больны – они чихали и кашляли, и Траффорду чудилось, что все это происходит в их с Чанторией спальне.

Промаявшись с полчаса, Чантория включила звук на видеостене.

– Это обязательно? – сердито спросил Траффорд.

– Не могу больше слушать этих несчастных детишек. По крайней мере сегодня.

Вокруг кричали и плакали не только дети. Казалось, будто весь город не спит и эмотирует на пределе своих возможностей. Никто и не думал ложиться; люди орал и визжали, ссорясь друг с другом, орал и визжали во время секса. А те, кто не визжал и не орал, – такие, как Чантория, – увеличили громкость своих видеостен, чтобы заглушить шум. Но по всем каналам, на всех сайтах не было ничего, кроме ора и визга. Так и катилась ночь под оглушающий аккомпанемент секса, насилия, полицейских реалити-шоу, попсовых телеконкурсов и бесконечного, вездесущего караоке – под какофонию громадного, перегруженного людьми лондонского архипелага, протянувшегося от трущоб Рединга на западе до Кенсингтонского побережья на востоке.

13

На следующий день Траффорд работал дома, а у Чантории было запланировано посещение фитнес-центра.

– Я уже месяц туда не ходила. Люди удивятся, – сказала она погромче, чтобы веб-камера поймала звук ее голоса. Она сидела на краю унитаза, упираясь коленями в противоположную стену, и натирала кожу в паху кремом для депиляции.

– Вперед, девочка, сгоняй жирок, – промывчала Куколка. Сегодня утром ее рот был набит кукурузными чипсами. – С радостью сходила бы с тобой за компанию, но ты же знаешь: я женщина в теле.

– Я сделаю за тебя пару лишних приседаний, Куколка, – крикнула Чантория, соскабливая крем с внутренней поверхности бедер и морщась от боли.

– Повеселись как следует, девочка.

– Обязательно, Куколка. Мне это нравится!

Траффорд слушал их разговор из кухни. Он знал, что Чантория лжет. Ей это никогда не нравилось – не понравится и сейчас. Чантория ненавидела фитнес-центры; это было одним из ее секретов, а то, что Траффорд знал об этой ненависти, было одним из его секретов.

Подавляющее большинство женщин ожидало очередного визита в фитнес-центр с нетерпением, поскольку почти никаких физических упражнений там делать не требовалось. Множество спонсируемых Храмом заведений, которые женщинам полагалось посещать для восстановления после родов, предлагали своим клиенткам сеансы массажа, паровые ванны, семинары по аутотренингу, коллективные холистические процедуры и экстравагантные религиозные ритуалы. В основном же клиентки просто болтали друг с дружкой, завернувшись в простыни, и по ходу дела в огромных количествах потребляли разнообразные «целебные батончики» и «укрепляющие напитки». Таким образом, фитнес-центры активно поощряли лень, безволие и чревоугодие, не отягощенное чувством

вины. В результате посетительницы чаще набирали чем сбрасывали вес. Да и вообще, многие женщины успевали снова забеременеть, так и не успев восстановить фигуру. Тем не менее было очень важно *продемонстрировать* свою неукротимую тягу к самосовершенствованию. Если ты занимаешься спортом себе в угоду, значит, ты себя любишь, а любовь к себе считалась одной из форм любви к Богу.

Но для Чантории походы в фитнес-центр были сущим мучением. Ей не хватало самоуверенности для того, чтобы чувствовать себя в обществе свободно. Траффорд знал, что она пристроится где-нибудь на отшибе, закутавшись в простыню, и вскоре волей-неволей отправится делать упражнения. В итоге она проведет день с командой «качков» – убежденных холостяков и старых дев, потев на тренажерах и даже не останавливаясь по примеру многих из них, чтобы вколоть себе стероиды.

– Траффорд! – позвала Чантория из туалета. – Помоги мне побриться. У меня живот дряблый, ничего из-за него не вижу.

Траффорд не стал возражать. В фитнес-центре Чантории придется зайти в общую душевую, а показаться на людях с волосами на интимном месте было немыслимо. Женщинам не запрещалось иметь на теле волосы, однако все знали, что это – клеймо Любви, которым она наградила дочерей Дианы ради того, чтобы подвергнуть их женственность подлинному испытанию. Появление волос на теле девочек-подростков считалось доказательством нечистоты, а кем может быть женщина, если она нечиста? Только проституткой или, хуже того, лесбиянкой. Всякая женщина, которая была настолько нескромна и настолько не уважала себя, что выставляла напоказ свою богоданную розочку, не удалив с нее волосяной покров, заслуживала самого сурового порицания со стороны общественности, и можно было не сомневаться, что она свое получит.

Где-то в глубине души, там, где он хранил свои секреты, Траффорд задавал себе вопрос: а зачем Любовь вообще наделила женщин волосами на теле, если эти волосы так ее раздражают? Неужто нельзя было придумать более простой способ проверки женской чистоты и добронравия, чем заставлять бедняжек тратить столько времени и сил на депиляцию? И второе: если самым гнусным преступлением на свете считается педофилия, зачем общество настаивает на возвращении женских половых органов к тому состоянию, в каком они находились прежде достижения половой зрелости? Траффорд видел женщин с невыбритым пахом только однажды – во время школьной экскурсии в Музей естественной истории. Женщины, которых умелый художник изобразил танцующими среди динозавров на заре творения, были невинными дикарками, первыми людьми, еще не успевшими уразуметь, чего ждет от них Бог-и-Любовь. Траффорд был очарован их внешностью, и это очарование не развеялось до сих пор. Значит, вот как в действительности выглядит обнаженная женщина! Если ее и впрямь создал Бог, то именно такой – и тем не менее он покорялся настояниям жены и упорно соскребал щетину с ее розочки, покуда она не становилась похожей на розочку десятилетней девчонки. Втайне Траффорд мечтал видеть свою жену не полуробенком, а истинной женщиной, но об этом не могло быть и речи: ведь только язычница способна позволить своей розочке зарости, как физиономия у бородатого мужика. Поэтому Траффорд всунулся в крошечный туалет, кое-как пролез между унитазом и стеной, присел на корточки между раздвинутыми ногами Чантории и послушно принялся орудовать мылом и бритвой.

Чантория стиснула зубы и крепко вцепилась обеими руками в сиденье унитаза. Швы,

оставшиеся после родов Мармеладки Кейтлин, были еще свежими и только что не кровоточили.

– Уж здесь-то, может, не надо? – спросил Траффорд. – Просто держи ноги вместе.

– Не дури, – с трудом выговорила Чантория. – Мне рисковать нельзя. Сам знаешь, что бывает с нескромными женщинами, особенно если их ловят на нескромности другие женщины. Делай свое дело и не рассуждай.

Траффорд старался как мог, и вскоре Чантория решила, что ее внешний вид уже достаточно скромен. Тогда она надела трусики, спортивный бюстгальтер и тапочки, прицепила к складке кожи над пупком большую пластмассовую копию драгоценного камня, соответствующего месяцу ее рождения, взяла Мармеладку Кейтлин – ребенка надо было кормить даже в фитнес-центре – и покинула квартиру.

Некоторое время Траффорд бесцельно слонялся по комнате. Он убрал со стола остатки завтрака, выпил стакан фанты и только потом уселся за ноутбук. На экран немедленно выпрыгнуло сообщение от Куколки.

Приятной работы, Траффорд.

Спасибо, и тебе приятного дня, в свою очередь написал Траффорд. Затем обернулся и помахал видеостене.

Куколка помахала в ответ и набрала на клавиатуре: *Слава Любви!*

Аминь, отозвался Траффорд, надеясь, что на этом их утренняя беседа завершится. Но его надежды не оправдались.

В 14-В Лунная Карамелька убажвает Полярного Медведя оральным сексом, написала Куколка, сопроводив эту фразу цепочкой смайликов. Интересно, подумал Траффорд, известила ли Куколка Полярного Медведя и Лунную Карамельку о том, что у них с Чанторией вот уже несколько месяцев не было ни орального секса, ни какого-либо другого. Наверное, не преминула. Траффорд покорно включил прямую веб-трансляцию из квартиры 14-В и стал смотреть, как голова Лунной Карамельки прыгает на уровне талии Полярного Медведя.

– Классная девчонка, да? – раздался из динамиков голос Куколки. – А парень-то счастливчик!

– Да, – ответил Траффорд. – Молодцы. Но мне, к сожалению, пора за работу.

Конечно, он допустил ошибку и сразу же это понял.

– Ну извини, – сердито сказала Куколка. – Я как-то не подумала, что я тебя задерживаю. Действительно, ты ведь у нас такой занятой!

– Да нет, просто... я не...

– Знаешь ли, Траффорд, некоторые из нас любят поболтать с утра. Между прочим, мы живем одной дружной семьей. У нас отличный коллективу и кое-кому не мешало бы побольше общаться с соседями, а не считать, что они лучше своих товарищей. – Куколка взяла тоном выше: – Как будто другие им и в подметки не годятся!

– Да нет же, Куколка, я вовсе не хотел...

– Ладно, проехали. Грустно, что тебе не хватает хороших манер, Траффорд, но это твои проблемы. Все равно, я желаю тебе удачного дня.

– Спасибо, Куколка. Заглядывай в любое время.

Траффорд снова повернулся к видеостене и изобразил улыбку, но Куколка уже отвлеклась от разговора с ним.

– Давай, подружка, жми! – кричала огромная голая женщина на экране.

Траффорд услышал задыхающийся голос Лунной Карамельки: та сообщала, что она в экстазе от начинки Полярного Медведя и, глотая ее, чувствует себя настоящей женщиной.

– Слава Любви, девочка! – сказала Куколка.

– Слава Любви, – откликнулась Лунная Карамелька, и Траффорд нажал кнопку отключения звука.

Он вошел на сайт Израза и постарался сконцентрироваться на работе. Вместе с огромным количеством своих коллег он трудился над составлением программы, названной «Далеко или близко», – она должна была определять *физическое* расстояние между людьми. Конечно, спутниковая навигация родилась не позднее, чем появился на свет Госбанд. Все люди носили с собой специальные датчики, и их местоположение на Земле постоянно отслеживалось и записывалось, причем этой практике было уже добрых полвека. Если бы правительство, полиция или телерепортеры захотели узнать, где находился тот или иной человек в тот или иной момент прошлого, отделенный от сегодняшнего дня не более чем пятьюдесятью годами, им достаточно было бы отправить в Госбанд соответствующий запрос. Однако никто раньше не определял, где находятся разные люди *по отношению друг к другу*. Госбанду было известно, где находится мистер А, а также мистер Б, а также где они находились в любой момент, начиная с самого их рождения. Но ему не было известно, *каково расстояние между ними*. Пока эту информацию можно было получить лишь посредством нанесения на карту двух точек и измерения отрезка между ними с помощью линейки.

Израз заметил этот вопиющий информационный пробел и принялся за его ликвидацию. Задача перед ним стояла архисложная: требовалось сочинить программу, которая бы вычисляла и записывала местоположение каждого гражданина страны по отношению к каждому из всех остальных граждан страны, причем эти данные должны были постоянно обновляться, а кроме того, следовало использовать архивы Госбанда для определения относительных положений всех граждан на протяжении всего периода после ввода в действие глобальных систем спутниковой навигации. А когда эту информацию соберут, можно будет перейти к поиску закономерностей в относительном движении людей, абсолютно не знакомых друг с другом. Суждено ли человеку находиться ближе к некоторым из тех, с кем он не знаком, чем к прочим незнакомцам? Если, к примеру, рассмотреть перемещения двух граждан, В и Г, в некий момент времени очутившихся на одинаковом расстоянии от третьего гражданина, Д, можно ли извлечь что-либо из последующих расстояний между гражданами В и Д, с одной стороны, и Г и Д – с другой? Не менее важно и то, как будет эволюционировать расстояние между В и Г. Повлияет ли прежняя одинаковая удаленность от Д на их относительное расположение в будущем?

Разработчики программы надеялись, что данные подобного рода продвинут человечество гораздо дальше в понимании того, что такое судьба, рок и случай, а также внесут крупный вклад в развитие астрологии и нумерологии. Траффорду эти надежды казались, мягко говоря, эфемерными: он был практически уверен, что собранной информацией никто никогда не воспользуется.

Его концентрации хватило ненадолго. Через несколько минут его мысли разбрелись в полном согласии с Законом о здравоохранении, безопасности и уважении, призванным защищать права всех служащих.

Автоматически, совершенно неожиданно для самого себя Траффорд набрал в поисковике имя Сандры Ди. Он не собирался гуглить ее, но поддался внезапному импульсу – и открыл ее блог.

Первые же абзацы удивили его. После той впечатляющей демонстрации силы духа, которую Сандра Ди устроила в офисе, он ожидал увидеть что-нибудь необычное, что-нибудь любопытное, но это оказалась полная чушь. Бессвязная, бессмысленная ахиня самой отталкивающей разновидности.

Вот и еще одно чудесное утро, слава Любви... Я вся такая расслабленная, но тааааак уверена в себе... На работе все было супер, у нас такой классный коллектив, просто финиш... Мне так повезло! Полный экстаз... Посмотрела свой гороскоп – там все супер, столько всего обалденного впереди, но я должна быть осторожна и типа не отдавать чересчур много, может я слишком доверчивая, но Близнецы всегда такие... Попробовала новый элитный барбекю-бургер в «Макдоналдсе», это умереть можно! Круче не бывает... Я вся такая одухотворенная, иногда мне кажется, что в прошлой жизни я была служанкой царицы Савской... Не знаю, но мне типа так кажется...

Сначала Траффорда охватило глубокое разочарование, но он продолжал читать и вскоре начал догадываться, что у них с Сандрой Ди есть кое-что общее.

Как и у него, у нее были свои секреты.

Блог Сандры Ди, как и ее лицо, ровным счетом ничего не выдавал: он состоял из стандартных записей, сделанных явно лишь ради соблюдения приличий. Траффорд понял, что девушка, смело встретившая злобный взгляд Принцессы Любомилы, не может быть пустоголовой идиоткой, образ которой встает за этим дневником. Он щелкнул на панельку «просмотреть все», а затем по наитию перетащил несколько строчек в поисковое окошко и нажал «поиск». Компьютер мгновенно уведомил его о том, что найдены сотни соответствий. По спине Траффорда пробежал холодок восторга. Он понял, что Сандра Ди решила вопрос заполнения своего блога путем наименьших затрат труда: она повторяла небольшой набор первых записей ad pauseam, меняя только даты.

Потом Траффорд перетащил те же строчки в окно главного поисковика и с растущим волнением обнаружил, что даже их Сандра Ди сочинила не сама. Она просто скопировала эти записи из блога молодой женщины по имени Марципанка.

Это потрясло Траффорда до глубины души. Какая отвага! Какое хладнокровие! Все были обязаны по крайней мере раз в день отчитываться на блоге о своих мыслях и чувствах. Таким образом каждый истинно верующий человек показывал, что гордится собой и высоко ценит себя как личность (а значит, столь же высоко ценит и Творца, чьим подобием он является). Только стопроцентная откровенность и готовность поделиться с другими своими переживаниями давала ему возможность выполнять свой священный долг – быть достойным представителем Бога на земле.

Но Сандру Ди все это, похоже, ни капельки не беспокоило. Она не пыталась даже притвориться, что горда собой и высоко ценит себя как личность. Она не хотела сообщать людям, что делала в тот или иной день и тем более что она в это время думала.

У Траффорда аж дух захватило от восхищения. С помощью элементарной уловки

Сандра Ди одним махом избавилась от ненавистного бремени ежедневной исповеди, а главное, сохранила свои секреты. Врать в блоге мог каждый – Траффорд сам делал это постоянно, – однако, придумывая очередную ложь, человек волей-неволей чуточку приоткрывал себя. Как бы вы ни старались замести следы, лживая запись должна была попасть в блог, но для этого ее следовало выдумать, а значит, хотя бы отчасти показать другим, как работает ваша фантазия. Решение, найденное Сандрой Ди, было настолько элегантным, настолько надежным, что Траффорд искренне не понимал, как оно не пришло в голову ему самому. Впрочем, эта женщина явно была гораздо храбрее его. Она прекрасно понимала, что никто не читает чужих блогов, исключая разве что блоги знаменитостей – поп-звезд, местных шишек и религиозных лидеров, да, может быть, еще близких соседей. Если же не высовываться, то тебя и не заметят – а искусством не высовываться Сандра Ди, похоже, владела в совершенстве.

Сделав первое открытие, Траффорд переключился на выложенные Сандрой Ди видеофайлы. Здесь от нее требовалась большая осторожность: Траффорд знал по своему собственному недавнему опыту, что священники просматривают видеоматериалы своей паствы и ни один прихожанин, каким бы нелюдимом он ни был, не имеет права перекрыть обществу доступ к подробным цифровым архивам, в которых запечатлены важные события его жизни. Сандре Ди тоже не оставалось ничего, кроме как опубликовать достаточно обширную подборку своих личных и весьма интимных видеодневников.

Среди них были обязательные детские дни рождения и подростковые вечеринки. Кровавая документальная лента об удалении аппендикса. И, разумеется, кадры, увековечившие потерю невинности. Траффорд ожидал, что Сандра Ди найдет способ уклониться хотя бы от этого, но нет: ни одна девушка не могла позволить себе нарушить общепринятые нормы, сохранив в тайне этот священный и прекрасный, жизнеутверждающий и богоугодный момент своего превращения в полноценную женщину.

Было здесь и множество других секс-видео, подтверждающих, что Сандра Ди свято соблюдает обычай регулярной смены половых партнеров. И действие на экране, как всегда, происходило под бесконечное караоке.

Перебирая ролик за роликом, Траффорд немного приуныл. Раньше, читая блог Сандры Ди, он начал подозревать, что ему посчастливилось отыскать носительницу истинно свободного духа, подпольную революционерку, которая считает свою жизнь своим личным делом и всеми силами борется против ее экспроприации обществом. Однако теперь ее блог казался ничтожной потугой на протест по сравнению с видеодневниками, где ее вынудили спасовать по всем статьям. В действительности она была не свободней его самого.

Потом Траффорд заметил шрамы. И отсутствие таковых.

Он смотрел один из любовных роликов Сандры Ди – плохие, зернистые кадры с изображением обычной шумной и грязной возни. Все подобные записи были примерно одинаковы. Такой секс именовался «фантастическим». Его участники «ничего не стеснялись» и «брали от жизни все». Сандра Ди оседлала какого-то сопящего жеребца одноразового употребления – она наклонила голову, так что лица было не видно, а ее туловище прыгало над любовником вверх-вниз, точно поршень. И с каждым из этих бешеных рывков ее груди прыгали в обратном направлении. Конечно, это были небольшие груди, поскольку Сандра Ди не стала их накачивать, но, глядя на них, Траффорд подумал, что для натуральных они имеют что-то уж чересчур правильную форму. Кроме того, по

своему личному опыту он знал, что натуральные груди двигаются не так, как прооперированные. Те, на которые он смотрел сейчас, вели себя отнюдь не естественно: они дергались, как плотные, увесистые мешочки, что позволяло заподозрить наличие имплантатов.

Он нажал на «паузу». Переходя от кадра к кадру с интервалом в полсекунды, он отыскивал момент, когда обе синхронно подскакивающие груди очутились в наивысшей точке своей вертикальной траектории. Потом увеличил изображение. Запись была плохого качества, освещение слабое, и все же Траффорду показалось, что он различает у основания груди Сандры Ди два маленьких шрама – верное доказательство того, что туда вставлены имплантаты. Может быть, Сандра Ди все-таки согласилась на операцию? Может быть, это один из ее секретов? Если так, подумал Траффорд, то это жалкий секрет; по своей подрывной мощи он не идет ни в какое сравнение с отказом калечить собственное тело в угоду Храму. Но потом его осенила внезапная догадка, и он уменьшил картинку так, чтобы в кадр вернулась талия Сандры Ди.

Чего-то здесь не хватало. На животе у Сандры Ди не было шрама! Только что он наблюдал, как ей удаляют аппендикс, но у этой Сандры Ди, столь увлеченно занимающейся сексом, никогда не было аппендицита. Траффорд уменьшил картинку еще сильнее, чтобы взглянуть на лицо женщины. Но не увидел: оно мелькало в поле зрения, но мотающиеся перед ним волосы мешали рассмотреть его как следует. Траффорд снова принялся изучать те записи, которые уже просмотрел. Все они были низкого качества, с темным нечетким изображением, и везде лицо главной героини частично закрывали волосы – исключение составляли только те ролики, на которых девушка была снята со спины. Но теперь, когда его внимание обострилось, Траффорд понял, что на всех записях сняты *разные девушки*. У них были даже разные татуировки. Более того, Траффорд почти не сомневался, что среди них нет настоящей Сандры Ди. Он перезагрузил ролик с потерей невинности. Там тоже оказалась не она: молоденькая девица, которая визжала от боли, вознося хвалу Богу-и-Любви, имела примерно такие же черты лица, как и у Сандры Ди (насколько ему удалось их рассмотреть), и такую же светлую кожу, как у нее, но определенно не была Сандрой Ди. Что касается детских видео, то при их выборе Сандра Ди почти не старалась найти своих двойников, и малютки, которые разворачивали пакеты с подарками и делали книксен, получив яблоко, не так уж сильно походили друг на дружку.

Это было невероятно, чудесно. Девушка, которую он едва замечал в офисе (теперь-то ему стало ясно, что это тоже часть ее гениальной стратегии), не публиковала о себе ничего, кроме лжи. По крайней мере, она сумела утаить всю правду о себе до последней капли – и это особенно восхищало Траффорда. Вместо того чтобы разместить в интернете свои ролики, она поступила так же, как и со своим блогом: попросту украдала у других несколько свидетельств их самоупоения, постаравшись избежать слишком явных физических различий между ними и собой, и тем ограничилась.

Траффорду было совершенно ясно, что эта удивительная девушка пришла к тому же выводу, что и Кассий. Она тоже решила, что смелость – лучшая защита. Она понимала, что никто ею не интересуется. Все вокруг интересовались только собой – в конце концов, именно заикленность на себе считалась верхом благочестия. Если бы кому-нибудь – например, ее исповеднику – вздумалось прогуглить или протюбить ее, он с первого взгляда убедился бы в том, что она выполняет все, чего ждет от нее общество, хотя ее видеозаписи и

грешат неважным качеством.

Когда Траффорд закрыл веб-страницы, посвященные Сандре Ди (а на самом деле переполненные незнакомками, за которыми она спряталась), он был твердо уверен в одном: ему еще никогда не доводилось встречать такую потрясающую женщину. Конечно, он ничего не скажет – во всяком случае, ей. Она спрятала свою жизнь за семью замками, и он не имел права их взламывать. Да и не хотел, потому что это разрушило бы все очарование.

Он сохранит ее секрет в секрете.

И это будет его секрет.

Траффорд напечатал в окне поисковика слово «роды» и нажал «поиск». Секунда – и компьютер предложил ему миллионы ссылок. Он добавил «девочка», и количество ссылок уменьшилось вдвое. Тогда он выбрал страницу с порядковым номером десять тысяч и принялся щелкать на строчки. Через три попытки он нашел то, что искал: напрягшееся, искаженное мукой лицо роженицы, похожей на Чанторию. Траффорд скачал ролик и скопировал его на свою собственную персональную страницу. Он назвал новый файл «Привет, Мармеладка Кейтлин! Добро пожаловать в наш мир! Родильное видео Траффорда и Чантории Сьюэлл».

14

Когда Чантория вернулась из фитнес-центра, он рассказал ей о своем поступке. Торопясь выложить все начистоту, он рискнул и обеззвучил их квартиру в сети задолго до наступления сумерек, то есть гораздо раньше, чем было принято.

Он ждал, что она перепугается до полусмерти, и его ожидания оправдались.

– Ты поместил на наш блог чужое родильное видео? Взял его у *абсолютно незнакомых людей*? Но зачем?

– Затем, что не хотел показывать наше всем подряд.

– Но такие вещи нельзя прятать, Траффорд! Из-за тебя мы попадем в беду. Нас могут даже об винить в жестоком обращении с ребенком и забрать Кейтлин!

– При чем тут жестокое обращение?

– При том. Кейтлин заслуживает уважения не меньше, чем остальные дети. Ее должны любить, ею должны восхищаться. А ты отнимаешь у нее это право!

– Все равно никто не стал бы его смотреть.

– Боже, ну почему надо быть таким психом! – взывала Чантория. – Немедленно загрузи настоящее видео. Сейчас же!

– Вряд ли это хорошая идея, – ответил Траффорд. – Одно дело подsunуть чужую пленку и совсем другое – сразу ее заменить. Это как вернуться на место преступления. Именно из-за таких оплошностей и хватают преступников.

– Значит, все будут смотреть на нашего ребенка, а он вовсе не наш! И на чужую розочку, между прочим, тоже. Я не хочу, чтобы люди смотрели на розочку какой-то другой женщины и думали, что она моя. Это противоестественно!

– Я же тебе говорил, смотреть все равно никто не станет. Разве ты не понимаешь? В этом вся соль. Мы можем зарядить туда любую запись с любым ребенком – это ровным счетом ни на что не повлияет, потому что ее никто не увидит. Исповедник Бейли проверит,

что она есть, просто ради порядка, но после этого она больше никого не заинтересует. Кому мы нужны? Да никому. У кого может возникнуть желание посмотреть, как ты рожала Кейтлин, кроме тебя и меня? Ни у кого. Мы сами *никто*. Разве это не прекрасно? Неужели это не помогает тебе чувствовать себя чуточку более свободной? Более раскрепощенной?

Чанторию явно не порадовала оценка, данная Траффордом их социальному положению.

– Никто? – сказала она, и в голосе ее вдруг послышался уже не гнев, а печаль.

– Ну да!

– Ну уж нет! Никто не может считать, что он никто. Каждый человек – особенный.

– Раз так, значит, в том, чтобы быть особенным, нет ничего особенного.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь! Я знаю только, что ты затеял какую-то дурацкую, бессмысленную игру, а с отцом Бейли дурацкие игры не проходят. Скрытность – это извращение, Траффорд, а ты сам знаешь, что инквизиция делает с извращенцами.

– Никто не...

– А как же Куколка?

– Куколка не хочет делить с тобой радость, Чантория. Ей нравится делить с людьми не радости, а горести. Возможно, она и заглянет мельком на наш сайт, но я в этом сомневаюсь. Пожалуйста, Чантория, ну подумай сама. Половина людей в нашем доме загружает в интернет *всю свою жизнь*: скандалы, любовь, роды, похороны. Разве кому-нибудь под силу все это просмотреть?

– Моя мать смотрит про нас.

– Ты отправила ей запись, она ее видела. Зачем лезть за ней на сайт?

– Мало ли! Вдруг захочется!

– Не захочется.

– Может, ее подругам захочется.

– Чантория, никого не интересует никто, кроме себя. А потом, даже если подруги твоей матери посмотрят вместо нашего видео чужое, кого это волнует?

– Меня!

– А меня не волнует.

– Это не твоя вагина!

– Хватит, прошу тебя.

– Почему надо быть таким психом?

– Перестань называть меня психом. В последние дни ты только это и твердишь.

– Потому что ты псих!

Траффорд пожал плечами и отвернулся. Все равно у них больше не оставалось времени на ругань, поскольку вечером они шли на концерт. Вчера им прислали билеты по электронной почте, и несмотря на то, что сегодня оба страшно устали, деваться было некуда: надо было надевать праздничные повязки и готовить баннер. Не пойти на мега-гала-представление в рамках Фестиваля Веры, если тебе выпала удача получить билет, не осмелился бы даже самый заядлый домосед: подобный демарш, несомненно, привел бы к громогласному осуждению смельчака на очередной публичной исповеди.

Сегодняшний концерт, одно из многих аналогичных мероприятий, назывался «Торжество Любви» и был непревзойденным по своему размаху, пышности и количеству звезд среди участников. Он устраивался не только для лондонцев: ожидалось, что его эхо

достигнет самых отдаленных уголков земного шара и заставит всех заново задуматься о себе, о бедности, о проблемах окружающей среды и об отношениях людей с Богом и со своими ближними. После этого концерта (естественно, с широким освещением в СМИ) возврат к прежней жизни будет уже немислим.

В воздухе витало счастливое предвкушение. Как чудесно было жить в мире, где человеку подвластно буквально все, где один-единственный концерт способен кардинально преобразить вселенную, где люди могут изменить мир к лучшему, просто захотев этого – просто собравшись вместе, покричав, послушав музыку и поглотив несколько тонн фастфуда. Все знали, что тогда жизнь и вправду станет совершенно безоблачной.

Откуда-то уже просочились слухи, что этот концерт будет еще грандиознее и преобразит мир еще радикальней, чем тот, который отгремел на прошлой неделе. Это было поразительно, невероятно – особенно если учесть, что предыдущий концерт до сего момента считался самым грандиозным и самым эпохальным Фестивалем Веры всех времен и народов, значительно превзошедшим тот, что состоялся за неделю до него.

Стиснутый потными человеческими телами, Траффорд держал Чанторию за руку и размышлял про себя, не окажется ли следующий Фестиваль Веры еще более пышным и судьбоносным, чем этот. Но вслух он, естественно, ничего не сказал. Эта мысль была еще одним маленьким секретом, предназначенным для его личного пользования. А внешне он присоединил свой голос к четверти миллиона голосов других людей, которые высыпали из катеров, переправивших их через Лондонское озеро, и двинулись вверх по склону Уэмбли-хилла.

Призыв, сверкающий на всех уличных развлекранах, не мог быть яснее.

Все зависит от тебя!

Только захоти – и мечты сбудутся!

После изнурительной толкотни и давки, взмокшие и задыхающиеся во влажном, зловонном, насыщенном малярией воздухе, Траффорд с Чанторией наконец очутились на стадионе. Концерт, разумеется, уже начался; так оно всегда и бывало. Траффорд, наверное, ни разу в жизни не попадал вовремя ни на одно крупное увеселительное мероприятие. Мало кто мог похвастаться обратным. Начало праздников видели только те, чья истовая вера помогала им пробиться в первые ряды, а поскольку эти люди чаще всего оказывались самыми могучими и агрессивными, за ними, как правило, ничего не было видно, даже если вам удавалось найти более или менее сносное место в толпе.

– Это в наших силах! – кричал со сцены известный поп-музыкант. – Так будет, потому что мы этого хотим! Все зависит от нас!

Публика отвечала ему оглушительным ревом.

– Здесь и сейчас, – продолжал оратор, – сию минуту и на этом самом месте! Мы говорим «НЕТ» голоду! Мы говорим «НЕТ» бедности! Мы говорим нашим вождям, что им наконец пора прислушаться к своему *народу*!

– Да! Да! Да! – откликнулись зрители, и в воздух разом взметнулись тысячи кулаков с зажатыми в них гамбургерами, хот-догами и пончиками. – Ура! Ура! Ура! – кричали они, дружно топая ногами в кроссовках, сделанных далеко-далеко от Уэмбли людьми, жившими в той самой бедности, которую толпа так решительно вознамерилась искоренить.

Между призывами к улучшению мира была музыка. Самые знаменитые группы исполняли самые знаменитые хиты, и публика бушевала, как расходившееся море. Потом

наступил этап, который внушал Траффорду наибольший ужас, – этап, во время которого ему полагалось держать Чанторию у себя на плечах. Это было важной частью фестивального ритуала: в какой-то момент девушки должны были сесть на плечи к своим парням, высоко подняв баннеры и гордо выставив груди на всеобщее обозрение. Однако большинство женщин были слишком увесистыми, а большинство мужчин – слишком хилыми для успешного выполнения этого трюка, и организаторы из Храма заранее привозили на стадион похожие на стремянки алюминиевые рамы, чтобы женщины могли усесться на них, а мужчины – стоять под ними. Но их, конечно же, оказалось мало, а Траффорду не хватило расторопности, чтобы добыть себе такую раму, поэтому он, как и многие другие, вынужден был рассчитывать только на свои скудные силы. Чантория была не особенно тяжелой, но и Траффорд был не особенно силен, и ему пришлось как следует напрячься, чтобы продержаться Чанторию хотя бы до конца одной песни – это был тот минимум, которого требовало элементарное благочестие.

Песни чередовались со все новыми речами. На сцену выбегали ведущие телешоу и звезды реального телевидения, о которых никто никогда не слышал, и подогревали толпу своими выкриками.

– Судьба мира в руках каждого из нас! Бедность, войну, преступления, наркотики и нетерпимость можно победить! И мы победим их – стоит только захотеть! Каждый из нас незаменим и уникален! Любая дальняя дорога начинается с первого шага!

Были документальные фильмы о том, как люди умирают на затопленных равнинах Другого Мира, и небольшие, но душераздирающие выступления суперзвезд, победивших наркотическую зависимость: они рассказывали, через какой ад им пришлось пройти, прежде чем они научились любить себя по-настоящему.

Потом устроители преподнесли публике сюрприз. Это был чудесный сюрприз, вызвавший у толпы такой пароксизм восторга, какого она до сих пор еще не испытывала. Сегодня, если будет на то воля народа, вступит в свои права новый Закон Уэмбли.

Публика притихла, когда неведомые знаменитости, кишевшие на сцене до этого, уступили место старейшинам Храма. Каждый приход, жители которого получили билеты на концерт, был представлен здесь своим исповедником, и Траффорд узнал большое красное лицо отца Бейли, появившееся среди прочих больших красных лиц на огромных подвесных экранах.

Сцена постепенно наполнялась все новыми уважаемыми личностями – евангелистами, целителями, священниками и грешниками, на днях пережившими второе рождение, – пока наконец под экстатические крики зрителей, под фанфары и фейерверки к ним не присоединился сам епископ Соломон Кентукки, член Верховного религиозного совета и глава Лондонского диоцеза.

Закона, который Соломон Кентукки собирался представить народу (если будет на то его воля), ждали уже давно; этот закон был сейчас нужен как никогда; из этого закона люди могли черпать силы, нужные им для того, чтобы двигаться вперед и с честью исполнять на земле заветы Бога-и-Любви; благодаря этому закону они могли наконец стать достойными тех жертв, которые принесли ради них Диана и Младенец Иисус; этот закон давно уже существовал среди духовных постановлений в Путеводном Краю по ту сторону Атлантики и наконец-то дошел сюда, в Великую Англию, Великую Шотландию, Великий Уэльс и даже в Изумрудную Страну за проливом, дабы стать местным жителям незаменимой подмогой и

опорой.

Итак, стоя на этом самом месте и в эту самую минуту, Соломон Кентукки взял на себя смелость провозгласить, что (если будет на то воля народа) каждый человек без всякого исключения официально и бесповоротно объявляется знаменитым.

– Слушайте! – воскликнул Соломон Кентукки, и капельки слюны, изрыгнутые из его глотки, заплясали в лучах мощных прожекторов. – С этого дня, если будет на то ваша воля, каждый из вас становится знаменитым! По закону! По праву! Согласно священному писанию и божественному соизволению – отныне вы знамениты! И баста! Никаких проволочек! Никаких экивоков и сатанинских палок в колеса! Знамениты – коротко и ясно! Знамениты – просто и в самую точку! Знамениты – не более и не менее! Хотите ли вы этого?

Ответ был таким громоподобным, что у Траффорда заложило уши.

– Я спрашиваю, ХОТИТЕ ЛИ ВЫ БЫТЬ ЗНАМЕНИТЫМИ? – снова взревел епископ Кентукки.

– Да! Да! Да! – ударили с трибун плотные звуковые волны.

– Я задаю вам прямой и честный вопрос, люди! И хочу получить на него прямой и честный ответ. Не надо юлить. Не надо вилить. Только дьявол кривит душой. Только сатана действует исподтишка. А истинно Божьи дети ВЕРЯТ! Крепка ли ваша вера? Верите ли вы, что в вас хватит любви, хватит красоты, хватит подлинного *духовного величия* на то, чтобы стать знаменитыми?

И вновь двести пятьдесят тысяч голосов (включая голос Траффорда) ответили ему утвердительно.

– В таком случае, ВЫ ЗНАМЕНИТЫ! – объявил Соломон Кентукки. – Это закон, а с законом нельзя спорить. Даже не пробуйте! Теперь каждый из вас знаменит. Каждый верующий в этом городе, по всей этой стране – настоящая знаменитость! Разве вам не приятно это сознавать?

Сознавать это было приятно, о чем публика и сообщила епископу с явным воодушевлением.

– Я хочу услышать от вас «да»! – выкрикнул Кентукки.

– Да! – отозвалась толпа.

– Я хочу услышать от вас «да-да»! – потребовал Кентукки.

– Да-да! – проревела толпа.

– А теперь я хочу услышать от вас «да-да- да»! – гнул свою линию Кентукки.

– Да-да-да! – раздался еще более громкий ответ.

– И я вас хорошо понимаю! – заверил зрителей Соломон Кентукки. – Мне тоже очень приятно. А теперь скажем: да здравствует Любовь!

– Да здравствует Любовь! – прогремел стадион.

– Скажем: моря любви!

– Моря любви!

– Скажем: нивы радости!

– Нивы радости!

– Ниврад!

– Ниврад!

– Нив-нив-ниврад!

– Нив-нив-ниврад!

– Отлично! – подвел итог Соломон Кентукки.

Затем на сцену вынесли огромный Свод законов, где и было с должной тщательностью запечатлено сие последнее гражданское установление.

Каждый человек знаменит. Согласно закону.

После этой эффектной и крайне волнительной интерлюдии концерт достиг максимума своего эмоционального накала и одновременно подошел к концу. Завершить столь многолюдное мероприятие можно было лишь одним способом: воздать дань почившим детям, сообщая излить свою скорбь по заново родившимся младенцам – тем, что умерли здесь, на земле, но без всякого сомнения жили теперь в раю.

Был плач, и было пение, и люди рвали на себе скудную одежду, пока не остались совсем голыми. Они дергали себя за волосы, били себя в грудь и падали ниц. Они обнимались, целовались и скатывались в огромные потные кучи; многие любили друг друга, а некоторые стали говорить на неведомых языках.

Они кричали, что изменят мир к лучшему. Они обещали, что посвятят всю свою жизнь любви, Иисусу, деткам и самим себе, дабы стать достойными той огромной ответственности, которую возложила на них судьба.

Концерт закончился так же, как и все прошлые концерты: все звезды вышли на сцену заодно с политическими и духовными лидерами и запели «Мы – это мир». В это время на экранах появились лица умерших детей, а десятки тысяч их родителей корчились на ковре из оберток и упаковок от фастфуда.

Трафффорд с Чанторией не участвовали в оргии. Они потихоньку отодвинулись в сторону вместе с теми, кто всемерно одобрял происходящее, но сам не сумел довести себя до такого экстаза, чтобы ради торжества высших ценностей совокупляться с незнакомцами.

После того как отзвучали последние музыкальные аккорды и голос со сцены велел всем идти по домам и начинать новую жизнь, Трафффорд услышал неподалеку другой голос.

– Покайтесь! – кричал кто-то. – Вы, поклоняющиеся наслаждению во имя Господа, покайтесь в своих грехах!

Лица людей стали оборачиваться туда, откуда неслись обвинения. Там стоял какой-то худощавый человек в набедренной повязке: он залез на ящик и обращался ко всем с пламенной речью.

– Иисус очистил храм! – вещал незнакомец, подняв над собой книгу в простой обложке, совсем не похожую на обычные руководства по самосовершенствованию. – Он изгнал оттуда алчных, ненасытных, похотливых и тех, кто искал лишь телесных удовольствий! Он верил в умеренность и чистоту...

Это был хрисламит – человек, который почитал Младенца Иисуса, но в постыдной, извращенной, жизнеотрицающей форме, как и все прочие поклонники антибожества ислама. Трафффорд слышал о таких людях, но его поразило то, что этот осмелился проповедовать свои антиобщественные взгляды среди толпы, когда ее чувства разогреты до точки кипения.

– Эй! – взвизгнул кто-то прямо над ухом Трафффорда. – Ты, чертов педофил! У тебя вредные идеи! Мне не нравится тебя слушать!

В один миг отдельные раздраженные выкрики сменились жутким многоголосым воем. Хрисламита стащили с ящика, и если бы не вмешалась полиция, его бы как минимум жестоко избивали. А так он был просто арестован за возбуждение религиозной вражды и неуважение к воле большинства, и полицейские увели его прочь.

В тот же вечер, когда они забрали Мармеладку Кейтлин у няньки, которая присматривала за всеми малышами в их доме, Траффорд снова поднял тему прививок.

– Ты видела тех детей на экранах? – спросил он у Чантории, укладывающей Кейтлин в кроватку.

– Конечно, видела, – ответила Чантория.

– Хочешь, чтобы и Мармеладка Кейтлин стала одной из них?

Чантория сердито взглянула на него.

– Прекрати немедленно! Я ее родила – она часть меня!

– Тогда ты должна хотеть ее спасти.

– Спасти ее может только Бог. Разве в наших силах изменить судьбу?

– Ну хорошо, если все и так predetermined, тогда какая разница, что мы сделаем?

– Не умничай, Траффорд. Вот почему ты многим не нравишься. Люди знают, что ты считаешь себя умником.

Чантория перепеленала ребенка и принялась готовиться ко сну сама. Их маленькая складная душевая кабинка давно сломалась и теперь использовалась как дополнительный шкаф, поэтому Чантория просто залезла в тазик и стала обтираться губкой, окуная ее в крошечную раковину, привинченную к стене в уголке спальни. Обычно в это время она включала на большом экране видовой фильм с красивыми водопадами, но сегодня решила обойтись без них.

– Я вообще не понимаю, с чего ты взял, что эта ужасная штука сработает, – сказала она, смывая с себя грязь.

– Я в этом не уверен. Вовсе нет. Откуда мне быть уверенным? – кисло ответил Траффорд. Было уже четыре утра, и голова у него разламывалась. – Но если подумать, это кажется возможным... вполне возможным. По крайней мере, я понимаю соображения, которые за этим стоят. И по-моему, все это очень привлекательно.

– Привлекательно?

– Ну да. С точки зрения логики.

– Траффорд, – прошипела Чантория, – мы говорим о нашей дочери. А еще мы говорим о ереси! При чем тут твоя идиотская логика?

Траффорд взял коммуникатор и стал переключать каналы локальной сети. На стене по очереди появлялись соседские квартиры. Большинство жителей дома уже спали. Некоторые скандалили, две-три пары занимались сексом, кто-то наблюдал, как они занимаются сексом, а еще кто-то смотрел порнушку или реальное телевидение. Куколка, конечно, была на посту, но громко храпела в обнимку с ведром жареных куриных ножек, которые не успела доесть.

– Скажи мне, пожалуйста, Чантория, – попросил Траффорд, посыпая сахаром ободки двух стаканов и наполняя их пивом из кукурузного сиропа. – Тебе не надоело ничего не знать?

– О чем это ты? Я знаю не меньше других.

– То есть ничего.

– Траффорд, прошу тебя, не начинай. Нам нужно поспать. Кейтлин скоро придется

кормить: она весь вечер провела на молочной смеси.

– Хорошо, я скажу по-другому. Тебе никогда не хотелось хоть что-нибудь *понять*?

– Я ложусь спать.

– Бог сотворил небо и землю. Бог сотворил нас. Бог хочет того, Бог хочет сего. Мы не знаем, как и зачем он все это сделал, нам не положено знать – так оно есть, и точка. Нам ничего не объясняют, вокруг одни чудеса. Дети рождаются, кто-то из них умирает – на то Божья воля, от нас ничего не зависит. Тебе не кажется, что все это выглядит как-то... ну, как-то...

– Как?

– Жалко?

Похоже, этого Чантория никак не ожидала от него услышать.

– Почему жалко?

– Я имею в виду, что мы... опускаем руки. Всё оставляем на милость Божью. Зачем, например, он нас создавал, если единственная наша задача – жить, веря в него, а потом умереть? Ты не считаешь, что это немножко... бессмысленно?

– Мне не нравится, когда ты так говоришь, Траффорд. Так говорят только психи. Наша обязанность здесь, на земле – хранить веру. А верить – значит признавать, что на свете есть кое-что побольше и поважнее нас, и я очень надеюсь, что это правда. Что тут жалкого?

– А может быть, я хочу в жизни чего-то другого, чего-то *кроме* веры?

– Кроме веры? И что же это?

Траффорд замялся в поисках нужного слова. Он знал, что такое слово есть, он слышал его в разных ситуациях, но придумано оно было именно для той ситуации, какая сложилась сейчас.

– Разум, – ответил он.

– И что он тебе даст, твой разум?

– Понимаешь, я хочу дойти до чего-нибудь своим умом. Хочу прийти к какому-нибудь выводу путем своих собственных рассуждений, а не потому, что мне кто-то его подсказал. Хочу отнять у Бога кусочек своей жизни.

– Траффорд, – с ужасом прошептала Чантория, – нельзя отрицать Бога! Тебя сожгут!

– Я вовсе не отрицаю Бога, – поспешно возразил Траффорд. Несмотря на все свои смелые речи, он был далек от желания выглядеть в глазах людей еретиком. – Разве нельзя совершать независимые поступки и при этом не отрицать Бога? По-моему, любой Бог, если у него есть хоть капля ума, должен был бы ожидать такого поведения от своих детей!

– Траффорд!

– Скажи, разве сама вера не ценилась бы гораздо больше, если бы к ней приходили через вопросы и сомнения? Какой прок в слепой вере? Честное слово, нетрудно утверждать, что ты веришь, если в противном случае тебя сожгут живьем. Но разве это значит, что ты веришь *по-настоящему*? Помнишь того хрисламита, которого мы сегодня видели? Вот у него была вера.

– Его чуть не забили на смерть. Ты хочешь, чтобы это случилось с нами обоими? Так, что ли? Тот человек был сумасшедший.

– Конечно, сумасшедший, раз на такое решился. Рисковать жизнью ради своей веры! Ты бы на это не пошла. И я тоже. Для нас вера – это то, во что нам приказано верить. Если бы отец Бейли заявил, что вишневая газировка – это кровь Дианы, мы бы стали молиться на

нее без всяких возражений. Но тот человек...

– Которого чуть не убили...

– ... тот человек пришел к своей вере *вопреки* тому, что ему говорили. Его вера была его собственной. Он *обдумал* что-то и стал действовать в согласии со своими выводами. Вот и я так хочу.

– Хочешь, чтобы тебя забили до смерти?

– Ты меня не слушаешь! Я говорю только, как было бы здорово поступать независимо! Обдумывать что-то самостоятельно! Решать, как себя вести, а потом выполнять свое решение. Разве это не было бы очень приятно?

– Вот уж не знаю! Никто никогда так не делает!

– То же и с прививками. Неужели не понимаешь? Я изучил факты, которые имелись в моем распоряжении, и пришел к определенному выводу.

– Какие еще факты?

– Раньше была такая наука – она защищала детей от детских болезней...

– Ты не можешь этого знать!

– О том и речь! Конечно, точно я этого не знаю. Это же не вера! Это не то, во что можно верить без оговорок. Это вывод, вот и все, – предположение, основанное на фактах, а именно на статистике смертности за пятнадцатый год Допотопной эры. Я пришел к нему *независимо*, путем собственных размышлений! Неужели это не кажется тебе хотя бы достойным внимания?

– Я не стану травить своего ребенка только из-за того, что у тебя появились собственные мысли.

– Чантория, – мягко сказал Траффорд не громче, чем было нужно для того, чтобы его голос не тонул в общем ночном шуме. – Ты умная женщина. Я знаю это, потому что мы прожили вместе почти два года, а брак может продержаться так долго, только если люди по-настоящему понимают и уважают друг друга.

– Траффорд, нам давно пора спать.

– Если Мармеладка Кейтлин умрет, а по статистике вероятность этого пятьдесят процентов...

– Замолчи!

– Если она умрет, – повторил Траффорд, – ты действительно веришь, что она сразу воскреснет в каком-то лучшем и более счастливом мире?

Чантория оперлась на локоть и посмотрела Траффорду прямо в глаза.

– Да, – твердо сказала она, – я верю в это всем сердцем.

– Тогда почему ты не хочешь, чтобы она умерла сию же минуту?

– Это абсолютно дурацкий вопрос. Спи.

– Нет, Чантория. Совсем не дурацкий. Он напрашивается. Что наша жизнь? Шелуха. Что у тебя сегодня было хорошего? Одна дрянь. Ты провела день в фитнес-клубе, притворяясь кем-то другим из страха, что люди обнаружат, какая ты на самом деле. Мы живем поганой жизнью в поганом городе, задыхаясь среди миллионов поганых людей. Зачем тебе желать такой жизни для Мармеладки Кейтлин, если она может оказаться в раю?

Сердитое лицо Чантории погрузнело. Она не стала отрицать справедливость слов Траффорда.

– Потому что я буду по ней скучать, – ответила она, и на ее глаза навернулись слезы.

Траффорд покачал головой.

– Конечно, ты будешь по ней скучать, но ты не эгоистка. Ты бы на все пошла, чтобы ей было хорошо, даже отпустила бы ее от себя. Истина в другом: тайно, в глубине души, ты сомневаешься в том, что, если Кейтлин умрет, она и впрямь окажется в объятиях Дианы. Ты понимаешь, что все эти картины и фрески на стенах Дворца Веры просто лгут. Дети умирают постоянно, они не могут все быть в объятиях Дианы, она же не осьминог. Ты знаешь, что рай не может быть полон прекрасных ангелоподобных людей, потому что умирают по большей части дети и старики. Значит, на самом деле рай должен быть забит орущими младенцами и жирными старыми маразматиками.

– Это не буквально! Наш исповедник всегда об этом говорит.

– Но почему? Все остальное, чему нас учат, требуется понимать буквально. Сотворение мира, Судный день, астрология, говорение на иных языках, чудеса, карты таро, преисподняя, ангелы – если верить отцу Бейли, все это реально. А что же рай? Если он не реален, тогда что он такое?

– Любовь.

– И куда же попадет Мармеладка Кейтлин, если она умрет, что по статис...

– Прекрати! Прекрати немедленно!

– Ты просто не знаешь! Поэтому и боишься ее смерти! Разум заставляет тебя бояться, что Кейтлин умрет! Если бы тобой двигала только вера, ты ожидала бы ее возможной гибели с радостью, потому что в раю приятнее, чем на земле. Но *разум* заставляет тебя подозревать, что после смерти она может вовсе никуда не попасть, а тогда пускай уж лучше останется в живых. И мы можем ее спасти! Черт возьми, все ведь логично! Каждый знает, что у тела есть иммунная система. Против этого не возражает даже Храм. Помнишь, нам говорили, что, когда Бог разгневался на содомитов, он отменил ее действие и наслал на них чуму? А на прививках эта система как бы учится. Это же чистая логика!

– Но втыкать отравленные иглы в беспомощных младенцев... Мне просто не верится, что это правильно.

– Согласен. Не верится. Но тебе нужно сделать выбор, Чантория. Выбрать между тем, во что тебе *верится*, и тем, что подсказывает разум.

И тут Мармеладка Кейтлин проснулась и заплакала.

– Я больше не хочу это обсуждать, – решительно заключила Чантория и отправилась кормить дочь.

16

В течение следующих дней Траффорд неоднократно пытался убедить Чанторию в том, что их долг – сделать Мармеладке Кейтлин прививки. Это приводило к ужасным ссорам, но ему так и не удалось заставить жену изменить свое мнение, и когда наступил день очередного физиприса, он решил действовать без ее согласия.

Несмотря на огромную толпу перед дверями метро, к которым ему предстояло пробиться, Траффорд находился в приподнятом расположении духа и чувствовал, что может горы свернуть. Ему не испортила настроения даже новость о том, что на местной насосной станции подорвался террорист-смертник, хотя это означало многочасовую задержку. Его не

раздражали ни гигантское волосатое брюхо, упирающееся ему в спину, ни огромная волосатая задница, к которой он был притиснут. Ни жареная курица, с чавканьем поглощаемая в нескольких дюймах от его правого уха, ни гамбургер, разделяющий ее судьбу рядом с левым. Ни безостановочное «тум-тум, тум-тум» из бесчисленных наушников вокруг, ни новостной цикл на всех пластиковых стаканах с кофе. Ни один из тысячи человек, ни одна из миллиона вещей, которые прежде вызывали у Траффорда такое интенсивное отвращение, что по коже у него ползли мурашки, на лбу выступал пот, а сердце стучало вдвое сильнее обычного, сегодня нисколько его не огорчали, потому что нынче утром, несмотря ни на какой риск, он собирался начать борьбу за будущее здоровье и благополучие своей дочери Мармеладки Кейтлин.

Впрочем, у охватившего Траффорда радостного возбуждения была и вторая причина, вовсе не связанная со спасением дочери. Он влюбился.

Конечно, это случалось с ним и раньше. Он любил свою первую девушку, любил первую жену и, безусловно, любил Чанторию. Он безоговорочно любил ее в те дни, когда она умела смеяться, когда она была хозяйкой своей собственной души и когда в ее темных глазах блестели тайная страсть и подспудное веселье. Он и теперь любил ее скучной, послушной любовью, как мать своей дочери и ту женщину, какой она была до тех пор, пока ее не изгрыз страх. Но эта новая любовь совсем не походила на все остальные. Она была странной, волнующей и экзотической. Она не превышала по силе его любовь к Чантории, но отличалась от нее в принципе, потому что о женщине, к которой его тянуло, Траффорд не знал *ровным счетом ничего*.

Траффорд не знал, сколько лет Сандре Ди, есть ли у нее дети и была ли она когда-нибудь замужем. Он не знал, под каким знаком Зодиака она родилась и какой камень считает своим талисманом, какая вечеринка запомнилась ей лучше всего и что она скажет Господу Богу на Страшном суде. Не знал, какое воспоминание вызывает у нее наибольший стыд, что ей нравится, а что нет. Не знал, как она отдыхает по выходным, какие передачи смотрит по вечерам и какие позы предпочитает в постели. Не знал, какой у нее любимый цвет и за какую футбольную команду она болеет. Не знал ни причин, побуждающих ее любить и уважать себя самое, ни того, за что она ежедневно благодарит Любовь в своих молитвах. Конечно, вся эта информация имела в свободном доступе на ее персональном сайте – заходи и читай. Но Траффорд знал, что там одна ложь, скроенная из обрывков тех бездарных типовых излияний, которыми забиты бесчисленные сайты других людей. И это, пожалуй, было единственным, что он *знал* о Сандре Ди. У нее были секреты. Он знал, *что ничего не знает*. Что практически все, относящееся к ее жизни, вплоть до самых незначительных мелочей, Сандра Ди держит при себе. И при этой мысли Траффорда охватывал ликующий трепет, ибо не было на свете ничего более важного, более смелого, более оригинального и более эротичного – истинно, глубоко, пугающе эротичного, – чем секреты.

Траффорд даже не знал, как выглядит тело Сандры Ди. Трудно было поверить, что в мире, где властвует почти полная нагота, может существовать женщина, которой удастся все время прятать от посторонних глаз большую часть своей кожи. О теле Принцессы Любомилы, или Калуа, или любой другой из его знакомых Траффорду было известно гораздо больше. То же самое он мог бы сказать и о телах незнакомцев и незнакомок, устраивающих ежедневную давку перед входом в метро. Там его окружали чужие груди,

животы и ягодицы. Согласно этикету, в общественных местах люди должны были прикрывать только гениталии, каковые из тех же соображений приличия им полагалось честно и откровенно демонстрировать на своих персональных сайтах. Но Сандра Ди ни разу не обнажила на работе свою грудь. Даже ее живот и тот редко бывал доступен взору коллег. Внезапно Траффорд сообразил, что он *никогда не видел ее пупка!* С огромной вероятностью она была единственным известным ему существом женского пола, чьего пупка он не видел. Напоказ выставлялись даже тела маленьких девочек – одной из давно замеченных Траффордом несообразностей нынешней жизни, о которых он на всякий случай помалкивал, было то, что в обществе, испытывающем хронический ужас перед педофилами, матери одевали своих дочек, включая самых младших, в такую же подчеркнута сексуальную одежду, какую носили сами.

Но даже в самую изнурительную жару рабочий костюм Сандры Ди не ограничивался только узеньким топом и трусиками. Как правило, она предпочитала легкие юбки, порой закрывающие ноги чуть ли не до середины бедра. Конечно, ее неблагочестивое поведение вызывало недоуменный шепоток: разве можно так не уважать себя, чтобы не гордиться своим телом! Но Сандре Ди было наплевать – она презирала условности. А когда Принцесса Любомила принималась отчитывать ее за недостаток женственности и плохой вкус, она заставляла ее умолкнуть одним пристальным взглядом. Как-то раз Сандра Ди сказала, что ей, светлокожей и склонной к появлению веснушек, извинительно носить на себе несколько больше ткани, чем принято: в конце концов, солнце ведь есть не что иное, как машина по производству рака. Для Принцессы Любомилы это было дополнительным оскорблением. Густой темно-коричневый загар считался у белых женщин исключительно модным, а рак – ну что ж, это, конечно, риск, но на него стоит пойти ради того, чтобы порадовать Господа своей эффектной внешностью.

И все-таки, несмотря на давление со стороны окружающих, Сандра Ди умудрилась сделать из своего тела тайну, и Траффорду казалось, что ничего более эротичного нельзя себе и представить. Он воспылал тайной любовью к тайне. Что может быть более соблазнительным? Более противозаконным? Более совершенным?

Когда Траффорд пришел на работу, там царил праздничное возбуждение. По комнате были развешены разноцветные вымпелы, а в стаканчиках для карандашей рядом с каждым компьютером торчали бенгальские огни и хлопушки. Принцесса Любомила прикрепляла к осветительной арматуре транспарант «Слава Любви» из мигающих лампочек и флаги всех Стран Истинной Веры.

– Что у нас за торжество? – простодушно поинтересовался Траффорд.

– Что за торжество? – ошеломленно повторила Принцесса Любомила. – Что у нас за *торжество*? Боже! А как ты сам думаешь?

– Гм... не знаю.

– Мы все *знамениты*, вот что у нас за торжество! Всю жизнь мы мечтали стать знаменитыми, и вот наша мечта сбылась! Мы знамениты, и мы собрались вместе в первый раз после того, как это случилось. Ты считаешь, что это не повод для торжества?

После Фестиваля Веры, на котором был принят новый Закон Уэмбли, прошла уже целая неделя, и Траффорд почти забыл о нем. Тогда это стало крупным событием: на улицах спонтанно возникали шумные кутежи, да и городские пабы были битком набиты людьми, отмечающими свою нежданную удачу. Народные гулянья не прекращались всю ночь, и

банды новоиспеченных знаменитостей рыскали по подворотням в поисках извращенцев, время от времени затевая драки с полицией.

Но с тех пор минула неделя, и в течение этого времени мир не стоял на месте. Были новые взрывы, новые беспорядки и новые кошмарные задания для миротворцев за океаном. Для многих людей их новообретенная слава уже утратила прелесть новизны, но Принцесса Любомила явно не собиралась принимать это в расчет. Нельзя же было и вправду упускать такой уникальный случай! Как она объяснила коллегам, даже если бы один-единственный член их коллектива прославился в мгновение ока, это послужило бы поводом для всеобщего ликования – так что же они должны чувствовать, когда это произошло со всеми сразу?!

Заиграла музыка, и Принцесса Любомила взяла на себя ведущую роль в караоке, а потом в танцах. Поначалу она не трогала самых робких, которые жались по углам или сидели на своих рабочих местах, старательно изображая энтузиазм, покуда она и ее прихвостни топали, вопили и дергались на расчищенной от столов площадке и центре комнаты. Однако потом Принцессу Любомилу, естественно, разлил такой недостаток корпоративного духа, и она накинулась на тех, кто держался в сторонке.

– Эй вы! Хватит киснуть! – свирепо выкрикнула она, мотая своими огромными, почти обнаженными силиконовыми грудями в такт очередной песне. – Праздник у нас или нет?

Один за другим сотрудники отдела стали присоединяться к танцующим, застенчиво пытаясь воспроизвести нелепые псевдозротические па Принцессы Любомилы и ее приспешников. Траффорд заметил, что Кассий включился в процесс довольно рано – не настолько рано, чтобы возбудить подозрение Принцессы Любомилы, но и не настолько поздно, чтобы навлечь на себя ее гнев. Он делал вид, что происходящее доставляет ему немалое удовольствие, и для человека с таким большим секретом за пазухой это получалось у него вполне убедительно – по крайней мере, на взгляд Траффорда. Последними на танцплощадку вышли Траффорд с Сандрой Ди. Сандра Ди даже не пыталась снискать одобрение Принцессы Любомилы, и в каком-то смысле это служило ей средством защиты, поскольку явно внушало Принцессе Любомиле невольное уважение. В обычной ситуации Траффорд пошел бы танцевать раньше, но мужество Сандры Ди вдохновило и его. Вместе, но по отдельности они сопротивлялись могучему социальному давлению до тех пор, пока Принцесса не велела всем встать в одну цепочку. После этого сопротивляться было уже невозможно.

Итак, двадцать пять или около того старших администраторов-аналитиков Отдела изучения различий, занимающего северо-западный угол семьдесят второго этажа Государственного банка данных, выстроились в затылок друг другу и, ведомые Принцессой Любомилой, принялись скакать и дрыгать ногами среди рабочих столов, празднуя свою официально закрепленную славу. Одни танцевали отчаянно, словно махнув на все рукой. Другие улыбались, сжав зубы. А некоторые, в особенности Сандра Ди, даже не старались выдавить из себя улыбку.

И только Траффорд танцевал, опьяненный настоящим восторгом, ибо он сумел занять место позади Сандры Ди. Ее густые волосы, светлые с земляничным оттенком, прыгали перед его лицом, а сквозь тонкую ткань хлопкового платья он осязал ее талию. Ему казалось, что он никогда в жизни не испытывал ничего более волнующего. Вот это тело, которое она прячет от целого мира – и все же он почти что прикасается к нему. То, что принадлежит только ей, отделено от него лишь тоненькой преградой из горячей влажной материи. Он

держал в своих руках живой, дышащий секрет; он касался ее интимных частей, потому что все ее части были интимными. Это было потрясающе – ровно тот самый уровень близости, который порождал глубочайшее эротическое наслаждение. Чуть ближе – и аромат тайны развеется, но ведь именно тайна и делала эту девушку такой непобедимо прекрасной.

Когда танец кончился, Сандра Ди отправилась на свое место, даже не обернувшись, чтобы заговорить с ним или хотя бы просто улыбнуться. Но Траффорд не обиделся: он обожал ее тайну. Он любил в ней все, о чем не знал. Ища взглядом свободный стул, он искренне верил в то, что, если бы она сейчас подошла к нему и предложила вместе отлучиться в кладовку или в уборную, как порой делали их коллеги, он бы ее отверг. Реальный половой акт не мог соперничать с секретом, который он был волен лелеять в своей душе и о котором она ничего не знала. По эротичности живая плоть не шла ни в какое сравнение с той, которая существовала только в его воображении, нетронутая и неведомая.

17

– Как насчет перекусить? – спросил Траффорд.

Кассий поднял глаза, и Траффорд улыбнулся. Целое утро он ждал этой минуты с алчным нетерпением, несмотря на опасность, которой был чреват предстоящий разговор. Их привычный офис вдруг превратился для Траффорда в хранилище секретов, захватывающе интересное место, где находились только три человека: он сам, Кассий и Сандра Ди. Все прочие, с точки зрения Траффорда, были не более реальными, чем мечущиеся на экранах перед ними герои компьютерных игр, которые помогали им скоротать долгие и бессмысленные рабочие часы.

– С удовольствием, – ответил Кассий.

– Слава Любви, – сказал Траффорд.

– Аллилуйя, – с готовностью подтвердил Кассий.

Теперь пришел черед Траффорда выбирать ресторан, и он пригласил Кассия в «Макдоналдс».

– Мы что-нибудь отмечаем? – осведомился Кассий.

«Макдоналдс» была самой старой и почтенной из многочисленных сетей общественного питания с отделениями во всех торговых пассажах и крупных универмагах. Основанная еще до Потопа, она функционировала и сейчас, в эпоху Истинной Веры, чем могли похвастаться очень немногие компании. Поэтому она обладала в глазах публики особым благородным шармом и стояла на голову выше конкурентов. Здесь не разрешалось обнажаться полностью, и лучшего, более аристократического места для того, чтобы отпраздновать крестины, солнцестояние или свадьбу, было не найти во всем городе.

– Да. Да, мы кое-что отмечаем, – ответил Траффорд, когда они везли свои маленькие тележки с едой к только что освободившемуся столику. – Сегодня я начинаю сопротивляться Храму.

– Чудесно, – обронил Кассий, принимаясь за очистку столика от стандартного мусора: объедков, пустых картонок и сопливых салфеток. – И как же вы собираетесь осуществить это благородное намерение? – спросил он в своей обычной манере, словно наставник бойцов кунг-фу из популярной видеоигры, хотя Траффорд и сомневался, что он перенял этот стиль

поведения именно оттуда.

– Я хочу последовать вашему совету, – сказал Траффорд.

Он произнес это внятно и громко, с чувством внутреннего облегчения. Еще один секрет, еще один акт неповиновения, на сей раз такой, который может отнять у Храма очередную плененную им душу.

Выражение лица Кассия не изменилось. По-прежнему улыбаясь, он раскрыл принесенные картонки с едой и откусил от гамбургера. Это на мгновение согнало улыбку с его губ, но он тут же приклеил ее обратно и стер с подбородка липкий сладкий майонез.

– А ваша жена согласна? – спросил он, прежде чем пробормотать себе под нос: – Идиоты, они даже в майонез напихали сахару.

– Нет, Чантория мне запретила, – с вызовом ответил Траффорд. – Но я все равно на это пойду.

– Если нас поймают, вас закидают камнями или сожгут, – сказал Кассий. – Впрочем, вы и сами знаете.

– Я потерял ребенка. Больше этого уже ничего быть не может.

– Легко сказать, но представьте себе, как языки пламени лижут вам ноги. Если под пыткой вы получите шанс спастись, принеся в жертву то, что любите, разве вы от него откажетесь?

– Наверное, не откажусь... но, к счастью, мне предлагают выбирать в другом порядке. Во всяком случае, пока я готов рискнуть.

Некоторое время они оба жевали в молчании, под гул сотен голосов, обсуждающих еду, животрепещущие новости из жизни звезд и последние декреты Храма.

– Так вы не против? – спросил Траффорд. – Вы сделаете прививку моей дочери?

– Конечно.

– Несмотря на несогласие моей жены?

– Если бы я мог, я делал бы детям прививки даже против воли обоих родителей, точно так же как попытался бы спасти ребенка, если бы ему приставил нож к горлу его собственный отец. Тут не о родителях надо думать, а о детях. Спасать их – мой долг. Я же вам говорил, это моя вера.

– Вакцинаторы верят в Бога?

– Некоторые верят. Многие – нет. Это не требуется. И уж, во всяком случае, среди нас нет почитателей того Бога, каким его изображает Храм: злобного, мстительного, безнадежно оторванного от реальности и непоследовательного существа, у которого хватает времени и охоты лезть в душу каждому человеку и выслушивать его молитвы и который тем не менее убивает и калечит всех без разбору.

Его последние слова утонули в оглушительной музыке. За соседним столиком собралась шумная компания, празднующая чьи-то именины, и несколько ее членов решили порадовать своими любимыми песнями весь ресторан. Перед каждым из гостей уже стояло по огромному стакану со взбитыми сливками, посыпанными леденцовой крошкой, а кто-то под восторженные крики и восклицания открывал большие сумки, чтобы извлечь оттуда дополнительные килограммы сластей. Интерактивные воздушные шары, когда по ним хлопали ладонью, пели «Ура, Звездочет, тебе уже пятьдесят!», а на большом плоском экране воспроизводились громкие пространственные видеопоздравления тех, кто не смог явиться на торжество лично. Все это вкупе с той какофонией, которая и раньше наполняла зал, сделало

шум в ресторане почти невыносимым.

– Как мы это устроим? – прокричал Траффорд Кассию, хотя тот находился не больше чем в полуметре от него.

– Мне надо разобраться, какие вакцины я смогу достать и когда, – ответил Кассий, тоже напрягая голос до предела. Странно было вести такой опасный разговор на уровне крика, но Траффорд понимал, что их едва ли подслушают, а если даже и запишут через микрофон, то все равно потом ничего не разберут. – Малыши чем только не болеют, – продолжал Кассий. – Одним уколом от всего не спасти. Но что сможем, то сделаем.

– А где вы берете вакцины?

Как раз в это мгновение шум неожиданно стих. Траффорду повезло. Если бы он заговорил хоть на долю секунды позже, страшное слово «вакцины» прозвучало бы в относительной тишине – и кто знает, к чему бы это привело!

Минутная пауза в общем гапе объяснялась тем, что дежурный администратор попросил компанию, отмечающую именины, слегка сбавить обороты, поскольку в непосредственной близости от нее справлялись поминки. Сначала гости категорически отказались, заявив, что они заплатили за свою еду и что они не хуже всех остальных и имеют столько же прав делать все что им угодно и где им угодно, как и другие свободные граждане. Однако когда администратор сообщил, что их соседи поминают умершего ребенка, друга Звездочета, поворчав, согласились вести себя потише.

Разумеется, постепенно шум снова начал усиливаться, но на некоторое время Траффорд с Кассием получили возможность говорить не надсаживаясь.

– Существует целая сеть, – сказал Кассий, отвечая на вопрос Траффорда. – Одни лекарства синтезируются на кухнях, превращенных в лаборатории, или здесь, в Лондоне, или за городом. Другие тайно привозят из-за границы. Североевропейские страны, входящие в Блок Истинной Веры, смотрят на эти вещи чуть либеральнее, чем принято у нас. В Скандинавии вакцинация вообще не была запрещена законом, но пятнадцать лет назад давление со стороны Большого Союзника положило этому конец. Тут вот такая логика: нет веры – нет и ядерного прикрытия, так называемого военного зонтика, а при том что больше половины мира затоплено и все тамошние жители очень хотят перебраться к нам, без военного зонтика не обойдешься, ведь так? Точнее было бы сказать, без военных сапог.

В этом месте разговор снова прервался, потому что на их столик навалился задом какой-то здоровенный кутила из соседней компании, весь и татуировках. Столик был привинчен к полу, но содрогнулся под тяжестью двух гигантских, практически голых волосатых ягодиц, которые, рухнув на него, расплзлись по пластиковой поверхности и даже слегка раздвинули в стороны картонные стаканы Траффорда и Кассия с молочным коктейлем. Все друзья именинника снимали происходящее на мобильные телефоны, и этот гость пытался отойти подальше, чтобы увеличить обзор своей видеокамеры. Казалось, видеосъемка – основное занятие этих весельчаков, если не считать еды. Можно было подумать, что они и собрались-то лишь ради того, чтобы запечатлеть свое сборище на электронных носителях.

Траффорд с Кассием сидели тихо. Они не стали упрекать человека, который вторгся в их личное пространство и буквально уселся на их обед. С каждым днем в Лондоне становилось все теснее, нервы у горожан были взвинчены, и они разделились на две вполне определенные группы: тех, кто постоянно искал возможность затеять свару, и тех, кто

старался замять любой конфликт в зародыше. Как и прочие любители спокойной жизни, Траффорд давно уже понял, что люди, которые наиболее рьяно отстаивают свое право делать все, что им вздумается, никогда не упустят шанса обвинить в неуважении людей, которые пытаются отстоять свое право на то, чтобы им не мешали люди, делающие все, что им вздумается. Было ясно как дважды два, что любое замечание в адрес человека, сидящего на их столике, не вызовет ничего, кроме праведного гнева, обвинений в неуважении и, возможно, вспышки насилия. Поэтому Траффорд и Кассий не сговариваясь решили подождать, пока он уберется сам.

Но тех, кто ищет скандала, трудно остановить пассивной обороной, и незваный гость, похоже, заподозрил в их молчании намеки на пресловутое неуважение.

– Вам чего, не нравится, что я тут сижу? – раздраженно спросил он, пытаясь развернуть верхнюю часть своего могучего торса так, чтобы очутиться с ними лицом к лицу.

– Нет-нет, что вы, – быстро ответил Кассий.

– Потому что если у вас какие-то проблемы, можем разобраться с ними прямо здесь. Понятно, о чем я?

– Абсолютно никаких проблем. У вас праздник, почувствуйте себя как дома.

– Потому что мне надо отойти с этой долбаной камерой, – пояснил человек, уже понимая, что желанная драка вряд ли завяжется, но еще не потеряв последней надежды.

– Конечно. Пожалуйста, не стесняйтесь. Вы нам вовсе не мешаете, – заверил его Кассий. – Мы можем перейти за другой столик, если вам так удобней.

– Ладно. Рад, что все утряслось, – сказал человек и отвернулся, чтобы продолжить съемку.

Кассий с Траффордом мирно сидели, дожидаясь, пока он уйдет. Имея перед глазами огромную полуголую задницу, они просто не могли вести беседу на какую бы то ни было тему. Все, что им оставалось, – это сидеть и смотреть, как пот ручейком сбегает в ложбину пониже спины незнакомца и, просочившись сквозь его коротенькие атласные шорты, снова появляется на столе, образуя там лужицу, в которой потихоньку намокают их картонки с едой.

Наконец, едва не сломав отчаянно заскрипевший столик, человек поднялся, чтобы вернуться к друзьям. Напоследок он громко пукнул, неслезанно позабавив этим всю свою компанию.

– Приятного аппетита, – пошутил он.

Траффорд и Кассий через силу улыбнулись.

Если бы они покинули ресторан или сменили столик, это наверняка повлекло бы за собой обвинение в неуважении. В конце концов, незнакомец имел полное право страдать метеоризмом, а кроме того, ни один закон не запрещал пускать ветры в общественных местах.

Вскоре неприятное впечатление рассеялось, и Кассий с Траффордом возобновили свой диалог о жизни и смерти – диалог, который мог означать жизнь для дочери Траффорда и смерть для них с Кассием.

– Кто готовит сыворотку? – спросил Траффорд.

– Химики. Люди, которые тайно изучают запрещенную науку.

– Разве не любая наука запрещена?

– Не смешите. Конечно, нет. То, что осталось от нашей страны, функционирует

благодаря науке. Она откачивает из метро воду, она приводит в движение поезда и автобусы. Она консервирует продукты, она снабжает нас микроволновками и холодильниками.

– Понимаю. Вы имеете в виду мудрость.

– Нет, я имею в виду не мудрость, – кисло ответил Кассий. – Мудрость всегда отражает чье-то мнение, чью-то точку зрения на вещи. А наука занимается фактами. Храм называет мудростью те обрывки науки, которым учит ради своих собственных целей. Но это всего лишь очередной обман.

– Наука, мудрость – какая разница? – спросил Траффорд. – Это же просто слова.

– Да, слова с абсолютно разным значением. Мудрость субъективна. Наука объективна. Неужели вы не понимаете, насколько это важно? Наука не имеет никакого отношения ни к *вере*, ни к *чувствам*. Науку интересует то, что можно выяснить путем наблюдений и умозаключений, то, что можно *доказать*.

– Да-да, конечно. Я понимаю, – с азартом подтвердил Траффорд.

Он был увлечен, даже взволнован. Все, что говорил Кассий, напрямую перекликалось с его тайными мыслями, которые ему еще никогда и ни с кем не приходилось обсуждать.

– Беда Храма и его прислужников из правительства в том, что наука им нужна, – продолжал Кассий. – Хотя они и заявляют, что все, открытое в Допотопную эру, заслуживает презрения, на самом деле они целиком зависят от этих знаний. Тут и операции, которые навязываются женщинам, и техника, которая позволяет удерживать в воздухе уцелевшие самолеты и обрушивать на головы иноверцев ракеты со взрывчаткой, и химикалии, с помощью которых выращивается и хранится эта дрянь, наша еда, а в первую очередь – микротехнологии, обеспечивающие круглосуточный поток бессмысленной информации, в которой нас топят. И все это плоды трудов того самого интеллектуального сообщества, которое они презирают и осуждают, того, которое когда-то разработало вакцины и помогло человеку попасть на Луну...

На этом месте Траффорд прервал его монолог.

– Вы правда верите, что люди когда-то побывали на Луне? – с изумлением спросил он.

Так называемые полеты на Луну были для Храма излюбленным примером тех лживых мифов, которыми изобилвала Допотопная эра. По его словам, их сфальсифицировали в съемочном павильоне с единственной целью: показать, что человек умнее Бога.

– Полеты на Луну – реальность, – твердо сказал Кассий.

– В это трудно поверить, – возразил Траффорд, которого вдруг одолели сомнения. – Разве это возможно – ходить по Луне? Летать в космосе?

– А почему же нет? Что вас смущает? В руках у того идиота, который испортил нам воздух, было устройство, способное с идеальным качеством записывать звук и изображение и мгновенно передавать их через интернет в самые отдаленные уголки планеты. В это вам поверить не трудно? Мне трудно. Самый дешевенький детский мобильник – продукт технологий во много раз более сложных, чем те, что перенесли человека на Луну. Для этого требовалось только использовать гравитацию и провести элементарные баллистические расчеты.

Глаза Траффорда были широко раскрыты. То, что говорил Кассий, противоречило всему, что он знал.

– Но гравитация – это же сила, которая притягивает все предметы к Земле, – нерешительно возразил он. – Разве можно использовать ее для того, чтобы попасть на Луну?

– Гравитация, – ответил Кассий с плохо скрытым нетерпением, – это сила, которая притягивает все ко всему. У Земли нет монополии на гравитацию, потому что она отнюдь не находится в центре вселенной.

– Вы правда так считаете?

– Разумеется. У вселенной вообще нет центра. Подобно всему прочему, что существует на свете, Земля висит посреди времени и пространства, а гравитация окружающих небесных тел как раз и удерживает ее на своем месте.

Потрясенный той легкостью и уверенностью, с какой Кассий сделал это святотатственное утверждение, Траффорд тихо сказал:

– Я хочу знать то, что знаете вы. Хочу понять. Не могли бы вы...

– Тут все зависит скорее от вас самого, чем от меня. Заставить человека что-то понять нельзя, точно так же как нельзя заставить его по-настоящему верить. В отличие от Храма, который предпочитает не убеждать, а принуждать, люди моей профессии только убеждают, но ни в коем случае не принуждают. Если я не смогу убедить вас в том, что знаю, с помощью рациональных доводов, тогда мои знания не будут иметь никакой цены.

– Это закон вакцинаторов?

– Я принадлежу к более широкому кругу. Мы все – сторонники разума.

Несмотря на сильную жару, по спине у Траффорда пробежал холодок. Ведь именно к разуму апеллировал он сам, пытаясь убедить Чанторию в необходимости сделать прививку Мармеладке Кейтлин.

– Я... я тоже хочу быть сторонником разума, – сказал он.

– Минуту назад вы не могли поверить в то, что люди когда-то высадились на Луне.

– Нет-нет. Я могу поверить. Теперь я верю!

– Нам, гуманистам, все равно, во что вы верите. Нам важно то, что вы *понимаете*.

– Так помогите мне понять. Я хочу понять. Я тоже хочу стать этим, как его...

– Гуманистом.

– Да. Гуманистом. Не знаю, что это такое, но я хочу им стать.

– Зачем?

– Затем, что в жизни должно существовать что-то большее, и я знаю, что этого не найти снаружи, по крайней мере в этом ужасном, перегретом, полузатопленном муравейнике, который мы называем городом, а значит, надо искать внутри. Я хочу исследовать новые миры и знаю, что они могут быть только у меня в голове.

– Что ж, тогда нам, пожалуй, стоит как-нибудь побеседовать снова. А пока надо позаботиться о безопасности Мармеладки Кейтлин.

– К каким лекарствам у вас сейчас есть доступ? – спросил Траффорд.

– Лекарствами я не занимаюсь. Моя задача – не лечение, а профилактика. Я занимаюсь вакцинами. Понимаете разницу?

– Да, конечно. Конечно, понимаю.

– Это хорошо, потому что слова имеют значение, Траффорд. Без них не может быть ясности мысли. Логики. Точности. И главное – понимания. Вы ничего не поймете, если слова для вас ничего не значат.

– Да-да, понятно. Все правильно. Так какие у вас есть вакцины?

– Вам повезло. Наш брат нынче неплохо обеспечен. Я могу защитить вашу дочь от того, что называется сыпучкой, мертвым кашлем, чертовой тряской, мокроязвенницей и

окостенением, а раньше называлось корью, коклюшем, менингитом, оспой и столбняком.

– И когда это можно будет сделать?

– Как только вы доставите мне ребенка.

18

Чантория с благодарностью приняла предложение Траффорда забрать у нее ребенка на несколько часов. Она совсем сбилась с ног. В субботу Незабудка выходила замуж, и весь дом бурлил, готовясь к этому празднику.

Свадьбы считались важнейшими событиями, безусловно центральными для жизни всего общества. Храм неустанно подчеркивал огромное значение и святость брака.

– Это торжественное провозглашение союза между мужчиной и женщиной, – громко вещал исповедник Бейли на каждой церковной сходке, – союза, заключаемого ради того, чтобы появлялись на свет детишки и продолжалась семейная жизнь, лежит в основе бытия всякого мирного богобоязненного общества.

Браки были глубоко положительным явлением. Из этого сам собой следовал вывод, что люди, которые постоянно меняют супругов, заслуживают одобрения и подражания, ибо они более благочестивы и любвеобильны, нежели их сограждане.

Конечно, в прежние времена духовные лидеры населения, погрязшие в слабостях и невежестве, не понимали истинного смысла, вложенного Богом-и-Любовью в великий институт брака. Тогда полагали, что добрые слова Иисуса, произнесенные им на свадьбе в Кане Галилейской, означают, будто наилучший духовный путь – это *оставаться* в браке. Теперь-то люди наконец поняли, что на самом деле Иисус говорил о необходимости *вступить* в брак.

– Иисус праздновал в Кане не брак, а свадьбу, – разъяснял пастве исповедник Бейли. – И не надо их путать!

Значение имела только свадьба – тот чудесный миг, когда мужчина и женщина полностью предаются друг другу телом и душой во имя Любви и Господа Бога. С точки зрения общественного блага такие события попросту не могли происходить *слишком* часто.

– Будничность и рутина губительны для истинной веры, – утверждал отец Бейли. – Зачем Господу любовь, которая настолько изнасилась, что ее приходится беречь из последних сил? Это уже не любовь! Это привычка! Нельзя брести по жизни, довольствуясь чувствами второго сорта. Жизнь – не репетиция. Второго шанса у вас не будет. Так смелей же! Ловите момент! Хватайте то, что вам нравится. Вы заслуживаете большего! Чем больше всего, тем лучше! Больше пыла! Больше страсти! Больше экстаза! Больше еды и напитков! Больше хороших товаров! Больше секса! Берите – все это ваше! Хватайте все подряд во имя Господне. Что может быть приятнее свадьбы? Что может быть приятней еды, питья и плотских утех? Ведь это дары Божьи! А на свадьбе все три этих дара представлены в изобилии, и все потребляются в строгом соответствии с нашими духовными обетами. Что здесь может не нравиться?

Для Траффорда в одержимости общества свадьбами крылось еще одно вопиющее противоречие, о котором он должен был помалкивать. С его точки зрения, весь эмоциональный заряд свадьбы порождался только абсолютной уверенностью в нерушимости

заключаемого брака. Этот день мог стать поистине счастливым лишь при молчаливой убежденности всех заинтересованных лиц в том, что событие, которое они отмечают, уникально и неповторимо, что новый союз двух любящих сердец и вправду навеки скрепляется небесной печатью. Каждая песня, каждый тост, каждая слезинка и каждое обещание были напрямую связаны с *единственностью* торжества и теми недвусмысленными обязательствами, которые брали на себя жених и невеста по отношению друг к другу, – но при этом все присутствующие, и в первую очередь сами жених и невеста, отлично знали, что их совместная жизнь продлится максимум два-три года. Повторные браки поощрялись и законами общества, и его моралью, однако начало каждого из них полагалось отмечать так, словно другого уже не будет.

– Я никогда по-настоящему не любила Кавалериста, – признавалась Незабудка своим многочисленным подружкам. – И Супермена, и Героя-Любовника. Лексус – это первая настоящая любовь в моей жизни.

Все обитатели дома искренне радовались за Незабудку и восхищались той решимостью, с какой она круто изменила свою судьбу. Разрыв с Кавалеристом не сломил ее морально и физически, да и утрата маленького Сникерса в конечном счете помогла ей стать удивительно сильной и цельной личностью.

– Я часто беседовала с Богом, – уверяла она гостей, которые толпами приходили ее поздравлять, и еще более широкую аудиторию, состоящую из посетителей ее блога. – Он говорил мне, что я прекрасна, и я ему верю.

Наблюдая за ней на большом экране, Траффорд невольно задавался вопросом об истинных масштабах ее нынешнего счастья. Она потеряла ребенка всего несколько месяцев назад, и ему просто не верилось, что от этого потрясения можно оправиться так быстро. Потягивая алкопоп, Незабудка смотрела в веб-камеру ошалевшими глазами и твердила, что она счастлива, но Траффорд почему-то не чувствовал ничего, кроме грусти. Возможно, он фантазировал, приписывая Незабудке ту же душевную опустошенность, с которой сам ежедневно вспоминал Ласковую Голубку, но это казалось ему сомнительным. Траффорд был почти уверен: она ведет себя так потому, что считает подобное поведение единственно правильным.

– А самое главное, – заявила со стены Незабудка, – самое главное, что я знаю, я точно знаю, что мой малыш, Сникерс, смотрит на меня оттуда и ему ужасно нравится его новый папочка. Честно говоря, я просто убеждена, что это Сникерс нашел Лексуса и привел его ко мне.

Неужели она и вправду в это верит? На каких фактах основано это ошеломляющее предположение? Наверное, именно такой вопрос задал бы Кассий. Да и ему, Траффорду, следовало бы задать такой вопрос, но он, конечно, не рискнул. Как и все остальные, он согласился с Незабудкой в том, что возвращение ее мертвого ребеночка на землю с целью отвести свою мать в паб, где сидел местный специалист по уничтожению вредных животных Лексус, является наиболее вероятным объяснением их счастливой встречи.

– А секс у нас просто волшебный, – в тысячный раз повторила Незабудка всем, кто ее слушал. – Мой Лекс лучше всех. Он знает, что нужно женщине. Чего мы только не делаем! Надеюсь, многие из вас сами увидят. Ого! Я такая везучая!

Чантория помогала ей с платьем. Она взялась вручную прикрепить к шлейфу тысячи разноцветных лампочек-мигалок. Как и любая другая невеста, Незабудка хотела, чтобы ее

платье было самым эффектным на свете, и на его пошив ушло не меньше десяти квадратных метров белого пластикового полотна.

– Когда я выходила за Кавалериста, я была в кремовом, – объяснила она, – но теперь могу надеть белое благодаря Лексусу, который оплачивает восстановление моего гимена, так что я опять стану девственницей. Это значит, что до свадьбы нам придется обходиться без интима целых сорок восемь часов. Правда, романтично?

Как и все жительницы их дома моложе пятидесяти, Чантория была подружкой невесты. Траффорд не сомневался, что ее пригласили только для массовости: популярность Незабудки в их небольшом сообществе требовала, чтобы ее свадьба праздновалась с размахом. Конечно, будут и карета, и двойной трон, эти неперемменные атрибуты любого бракосочетания, но истинный статус свадьбы зависел от того, каким количеством женщин в одинаковых платьях невеста сумеет себя окружить. Именно по этой причине Чантория временно попала в число ближайших подруг Незабудки и была очень этому рада. По ее мнению, такой уровень социального признания гарантировал ей защиту от травли. Траффорд не мог с ней согласиться: он знал, что дружеские связи тонки, как паутинки, и что жертвой разошедшейся толпы может стать кто угодно. В конце концов, линчевать у них в городе любили не меньше, чем гулять на свадьбах.

19

Оставив Чанторию дома наедине со степлером и тысячами лампочек, Траффорд взял Мармеладку Кейтлин, после нескольких неудачных попыток забрался с ней в переполненный автобус и поехал на центральный терминал Хитроу. В аэропорту уже давно работал только один терминал: когда-то их насчитывалось семь, но потом запасы нефти потихоньку иссякли, и почти все терминалы были переоборудованы в жилые комплексы. Зато здесь открыли музей авиации – в нем-то Кассий и попросил Траффорда его ждать.

Они договорились, что заметят друг друга как бы случайно – незапланированная встреча коллег, с кем не бывает! Траффорд продемонстрирует Кассию своего ребенка, а потом завяжется непринужденный разговор, после чего они решат сходить в кино и займут очередь за билетами.

Так все и произошло. После двухчасового стояния перед кассой, во время которого Траффорд прижимал Мармеладку Кейтлин к себе, а она, по своему обыкновению, то и дело улыбалась и гулила, они наконец протиснулись в затемненный кинозал. Перед этим, как и велел Кассий, Траффорд дал Кейтлин бутылочку с питательной смесью, куда был подмешан антигистамин. Когда они заняли свои места, Кейтлин уже спала и пропустила предваряющие сеанс рекламные ролики.

Потом начался фильм под названием «Глобальное потепление – большая ложь». «Планету затопило не от избытка CO₂, – начал повествователь. – Такова была воля Господня». В фильме рассказывалось о том, как человечество, обаянное гордыней, пыталось объяснить роковой Потоп, положивший конец его относительно благополучию, не праведным гневом Бога на своих погрязших в пороке детей, а загадочными «парниковыми газами».

«Нас не устраивало самое простое объяснение, – продолжал суровый голос за кадром. –

Казалось бы, что может быть очевиднее? Люди закоснели в грехе, а Бог их покарал. Неужто не ясно? Но нет: в ту безбожную эпоху небо коптили так называемые ученые, и у них по каждому поводу было свое мнение. Они заявили, будто землю затопило полярным льдом, растаявшим от избытка солнечного тепла, задержанного в атмосфере выхлопами работающих на бензине двигателей. Ну да, как же! Видать, они долго думали, прежде чем сочинить такую чушь!»

По просьбе Кассия Траффорд смотрел кино, положив Мармеладку Кейтлин на колени, и в какой-то момент почувствовал, что вакциратор нащупывает ее ножку. Траффорд чуть сменил позу, чтобы Кассию было удобнее. Косясь вниз уголком глаза, он видел, как старший коллега обнажил мягкую часть бедра девочки и воткнул туда иглу. «Держите крепче!» – прошептал Кассий, когда боль разбудила малышку и та громко захныкала.

Траффорд крепко держал Кейтлин, чтобы она не дернулась, пока поршень шприца не будет вдавлен до самого конца. Кассий сделал это очень бережно.

– У нее, наверно, зубки режутся? – спросил он, убирая свое оружие.

– Наверно, – ответил Траффорд. – Пожалуй, вынесу ее на свежий воздух.

Он встал, и Кассий протянул ему руку.

– Рад был повидаться, – сказал вакциратор.

Они обменялись рукопожатием, и Траффорд почувствовал, как что-то легло ему в ладонь.

– Как-нибудь еще встретимся, – добавил Кассий.

Позже, в вагоне метро, Траффорд дождался удобной минуты и разжал кулак. Там оказался комочек бумаги. Траффорд развернул его: внутри, вместе с адресом, датой и временем, стояли слова: «Присоединяйтесь к нам. Это будет разумно».

20

Придя домой, Траффорд обнаружил, что Чантория по-прежнему сидит в груди белого пластика.

– Другие девушки собирались помочь, – объяснила она, – но Незабудке нужна поддержка. Она сейчас вся на нервах. Так что я тут одна, а остальные поддерживают Незабудку.

Траффорд взглянул на стену, включенную в мультитримном режиме. Квартира Незабудки была набита битком: там сидело не меньше дюжины молодых женщин из их дома. Все они пили алкопоп, закусывая его чипсами и шоколадками.

– Ей сейчас очень-очень нужны подружки, – подала голос Куколка из своего угла экрана. – Подружки и шоколад – что еще нужно девушке в трудную минуту!

– Ты права, Куколка. Ей сейчас было бы ужасно тяжело без друзей, – сказала Чантория. Ее пальцы распухли и покраснели от возни со скрепками и толстым пластиком. – Мы все стараемся помочь Незабудке по мере сил.

– Да, вы все замечательные девушки, каждая по-своему, – согласилась Куколка. – Незабудке повезло, что у нее такая классная команда.

– Она всегда была отличной подругой для меня... для всех нас, – отозвалась Чантория. Траффорду больно было видеть, с какой готовностью и подобострастием она поддакивает

Куколке. Он понимал, что его жена мирится со своим низким положением в обществе из страха, что ее могут подвергнуть остракизму. Он перегнулся через столик и поцеловал ее.

Видимо, оценив его сочувствие, Чантория вернулась к работе над свадебным платьем с удвоенной энергией. За весь остаток вечера она почти ничего не сказала – только с мрачной сосредоточенностью прикалывала к пластиковому полотну разноцветные лампочки.

Время от времени будущая невеста скрепя сердце отвлекалась от дружеского общения и заглядывала к ним через интернет, чтобы узнать, как продвигается подготовка наряда.

– Ты у меня такая лапочка, – заплетающимся языком говорила Незабудка. – Что бы я без тебя делала! Ты просто прелесть. Ясно? Прелесть. Ты ветер в моих парусах.

Трафффорд видел, как другие женщины за спиной у Незабудки визжат и смеются. Вскоре появилась неизбежная пицца, и кто-то включил караоке.

– Мне пора, лапочка, – проямлила Незабудка. – Сейчас моя песня. Целую, лапочка.

Благодаря дружеской поддержке Незабудка определенно воспряла духом. Ее волнение волшебным образом улетучилось без следа, и к тому часу, когда Чантория наконец прекратила работу и стала готовиться ко сну, вечеринка, на которую ее не пригласили, похоже, только начала набирать обороты.

Часть вечера Трафффорд провел за тем занятием, к которому возвращался регулярно уже несколько недель подряд, а именно сидел за компьютером и проверял, какую ложь Сандра Ди решила разместить на своем сайте сегодня. Мысли об этой девушке не давали ему покоя. Он понимал, что все ее посты краденые, но его не оставляла надежда, что он сумеет отыскать в них крупицу-другую истины и разгадать хотя бы самый маленький из ее секретов.

Например, Сандра Ди часто заимствовала из чужих блогов заметки, написанные бездетными женщинами – женщинами, которые признавались в своем страстном желании обзавестись ребенком. Очевидно, у самой Сандры Ди тоже не было детей: она внимательно следила за тем, чтобы не копировать тексты, которые чересчур явно противоречили ее реальным жизненным обстоятельствам. Но как она относилась к своей бездетности? Интересно, думал Трафффорд, что означает ее выбор: вправду ли она хочет ребенка или просто притворяется такой же, как все? А может, на самом деле она рада, что у нее нет детей?

Он пришел к выводу, что верно последнее. Не опираясь на факты за полным отсутствием таковых, он решил, что Сандра Ди не хочет иметь детей. Стало быть, она прибегает к контрацепции? Закон запрещал пользоваться колпачками и презервативами, но достать их ничего не стоило, как и противозачаточные таблетки, – были бы деньги. На подобные нарушения Храм смотрел сквозь пальцы, особенно когда их совершали матери больших семейств. Однако если зачатия упорно избегала бездетная женщина, это означало для нее немалый риск: узнай об этом широкая общественность, и преступницу наверняка сначала высекли бы, а потом заковали в колодки. А после всего этого, уже понеся официальное наказание, она вполне могла стать еще и жертвой изнасилования.

Но если Сандра Ди предохраняется от беременности, то ее партнер должен быть соучастником этого преступления. Партнер... или партнерша? Конечно, Храм утверждал, что лесбийской любви предаются лишь похотливые дьяволицы (она разрешалась только в секс-играх для мужчин), и если Сандра Ди действительно развлекала себя такими забавами, нечего было и удивляться тому, что она прячет свое истинное «я» под покровом электронной лжи. Трафффорд знал, что и в видеодневниках, наглядно демонстрирующих «классный» и

«потрясающий» секс, которому она якобы предается, ее роль играют разные незнакомки из сети. Можно ли по этим записям судить о том, чего она по-настоящему хочет в постели? Того же – или, наоборот, противоположного? Вправду ли она мечтает о грубом сексе с двумя-тремя мужчинами зараз – сюжет, который часто повторялся на ее блоге? Или это двойной обман, призванный еще больше засекретить ее личную жизнь? Может, на самом деле ей не хватает ласки, чуткости или даже прикосновения другой женщины?

Впрочем, всегда оставалась вероятность того, что Сандра Ди и вовсе хранит целомудрие. Половое воздержание было приемлемо и для Храма, если только его соблюдали искренне и последовательно. Храм одобрял подобное самоотречение во имя веры, хотя и предпочитал, чтобы его сторонницы следовали зову своего сердца не поодиночке, а в составе зарегистрированных групп.

– Что ты там смотришь? – прервал размышления Траффорда голос Чантории.

– Да так, брожу там и сям, – поспешно ответил он. – Читаю всякие блоги и дневники, стараюсь жить в коллективе и с коллективом. Разве не этого ты хотела? Помнишь, что советовал нам исповедник?

– Сандра Ди, – сказала Чантория, взглянув на заголовок открытой веб-страницы через плечо Траффорда. – Похоже, та еще шлюха.

На экране воспроизводилась видеозапись: голова девушки с волосами примерно такого же цвета, как у настоящей Сандры Ди, неистово прыгала вверх и вниз.

– Да. Мы вместе работаем. Она попросила меня зайти на ее сайт. Все хотят, чтобы их сайты посещало как можно больше народу. До чего некоторые ими гордятся – это просто удивительно.

– Значит, ты изучаешь сайт по ее просьбе, – сказала Чантория.

– Ну да.

– Каждый день.

Наступила пауза, во время которой Траффорд закрыл ролик, вывешенный Сандрой Ди.

– Ты посмотрела список последних вызванных страниц? – небрежно спросил он.

– А что, нельзя?

– Да нет, пожалуйста.

– Так почему ты все время смотришь на эту твою Сандру Ди? Задница ее нравится, что ли? Похоже, она умеет ею пользоваться. А я и не знала, что ты любишь таких, стандартных. И с фигурой у нее порядок. Конечно, у бездетных-то сучек всегда с фигурой порядок, да?

Очевидно, Чантория тоже читала кое-какие посты из блога Сандры Ди.

– Я просто хочу нагнать побольше трафика, Чантория. – Траффорд старался говорить не слишком виноватым тоном. – Чтобы меня не считали психом. Ты же сама велела мне вести себя нормально, то есть почаще лазить на порносайты и вообще...

– Да, но не пялиться же все время на одну девку! Ты должен пялиться на разных.

– По-твоему, это было бы лучше?

– Естественно!

– Ладно, запомним! В следующий раз буду пялиться на другую! – воскликнул Траффорд, пытаясь изобразить праведный гнев, и захлопнул крышку ноутбука.

Наступило недолгое молчание; он по-прежнему сидел перед закрытым компьютером, она стояла позади.

– Ну? Давай, посмотри на меня! – вдруг потребовала Чантория. – Чего ж ты не

смотришь?

Обернувшись, Траффорд увидел, что Чантория облачилась в так называемую «полную бель-форму». «Бель» в этом выражении осталось от слова «белье», а означало оно женскую нижнюю одежду, предназначенную специально для полового возбуждения партнера. Мужского эквивалента для полной бель-формы не существовало, поскольку мужчинам не вменялось в обязанность стремление возбудить партнершу, хотя они были и значительной степени обязаны приходить в возбуждение, увидев бель-форму на женщине. Любая женщина, надевшая ради своего партнера полную бель-форму, особенно если их брак уже трещал по всем швам, получала очень весомое моральное преимущество. Целители и консультанты признавали это отважной попыткой оживить угасающие чувства и вернуть в семейные отношения утраченную изюминку, и мужчине полагалось реагировать на такие действия с неподдельным энтузиазмом.

Чантория надела классический, одобренный Храмом полный бель-костюм для истинно верующих женщин: черные туфли на пятидюймовых шпильках, съедобные стринги с ароматом шоколада и кожаный лифчик без чашечек.

– Я ходила в «Потаскушку Долли», – сказала она.

«Потаскушка Долли», одна из вездесущих магазинных сетей, специализировалась на нижнем белье и секс-игрушках – единственных товарах, составляющих серьезную конкуренцию фастфуду в крупных торговых пассажах.

– У нас не было мегакрутого суперсекса с тех пор, как родилась Мармеладка Кейтлин, – сказала она.

– Я знаю, – ответил Траффорд.

– Что скажут люди?

– Они всегда что-нибудь говорят. Как ни старайся, обязательно что-нибудь да скажут.

– Так ты меня оприходуешь или нет? – тихо спросила Чантория.

Траффорд посмотрел на жену. Она ему все еще нравилась. В том, что она напугана и унижена, не было ее вины. Он сам почти постоянно ходил напуганный и униженный. С другой стороны, вещи, которые она на себя надела, казались Траффорду нелепыми. Если ему не хочется заниматься с ней оральным сексом, почему он должен захотеть этого, увидев, что ее вагина покрыта шоколадом? У них в холодильнике лежит целый килограмм шоколада, причем без аромата вагины. А еще более огорчительно было то, что он знал: Чантория и сама кажется себе нелепой. Даже в раннюю, счастливую пору их совместной жизни она никогда не проявляла интереса к эротическим игрушкам и костюмам. Конечно, тогда это не имело значения: их сексуальная жизнь была достаточно богатой и насыщенной, и никто из соседей попросту не заметил, что Чантория, в общем-то, довольно застенчива в постели. Они любили друг друга обнаженные, но под простыней, а медицинский халатик и пушистые розовые наручники, ее свадебные подарки, так и остались лежать невостребованными в ящике стола. Теперь Чантория явно почувствовала необходимость принять меры, и Траффорд отлично понимал, что ей это глубоко противно. На лице у нее было не столько зовущее, сколько вызывающее выражение. Траффорд видел, что она дрожит, но знал, что эта дрожь объясняется скорее смущением, нежели страстью. Его сердце потянулось к ней, но в то же время он рассердился, что она так неприкрыто демонстрирует свои намерения.

– Я должен тебя оприходовать, потому что ты хочешь мегакрутого суперсекса или потому что беспокоишься, что скажут люди? – спросил он.

– И то и другое, – ответила она.

Но Траффорд был убежден, что знает, какая причина важнее. Считалось, что добропорядочной, истинно верующей женщине подобает проявлять сильное и здоровое половое влечение и быть «готовой на все». Каждой женщине полагалось хотеть «этого» и хотеть, чтобы это было «мегакруто». Кроме того, ей полагалось пробуждать ненасытную похоть в своем партнере, – все понимали, что иначе он, будучи мужчиной, найдет «это» где-нибудь еще. У женщины, получившей клеймо «фригидной», могли возникнуть трудности с поисками очередного мужа после неизбежного (по мнению общества) разрыва с нынешним. Молодые женщины испытывали огромное давление, заставляющее их быть сексуально привлекательными в любое время дня и ночи, и Траффорд знал: если люди заметят, что Чантории больше не удастся его соблазнить, то позором, скорее всего, заклеймят именно ее. Поэтому она и решила надеть полную бель-форму – прием, с помощью которого можно было переложить бремя вины за кризис в их отношениях на него, Траффорда.

Словно затем, чтобы подтвердить эту догадку, течение его мыслей внезапно прервал голос Куколки.

– Ух ты! Посмотрите, как *потрясно* она выглядит! Ну ты даешь, девочка, – сегодня ты круче всех!

Траффорд повернулся к стене. Зажав в каждой руке по куриной ножке и растянув сальные губы в улыбке от уха до уха, Куколка энергично кивала в знак одобрения.

– Эй, девочки! – закричала Куколка. – Взгляните-ка на Чанторию. Какая конфетка!

Молодые женщины на участке экрана, отображающем квартиру Незабудки, прервали свое хмельное веселье и стали оборачиваться, чтобы посмотреть туда, куда им велели.

– Круто! – завопили они. – Ты классно выглядишь, подружка! Чего ты ждешь, Траффорд? Она тебя хочет! Да это мечта любого парня! *Оприходуй ее сейчас же!*

Чантория робко улыбнулась в ответ на общее внимание, хотя ей было прекрасно известно, что это всего лишь простая вежливость: элементарные правила хорошего тона требовали от женщин громких похвал в адрес любой другой женщины, надевшей полную бель-форму.

Вдруг Траффорда охватила ярость. Ему захотелось с криком броситься на экран, сорвать с него эти лица и растоптать их. Да как они смеют к ним лезть! Какое у них право подбадривать его жену, когда она старается пробудить в нем чувственность!

Конечно, он сдержался. Разве может нормальный человек возражать против того, чтобы весь мир увидел его жену в самом сексуальном из нарядов? Разве это не повод гордиться ею? Разве это не повод для него гордиться тем, что она гордится собой? Разве она не прекрасна? Да что с ним такое? Разве кому-нибудь из них есть что скрывать?

Траффорд сжал кулаки и постарался подавить гнев.

– Вау! – наконец воскликнул он. – Да, моя девочка сегодня хочет горяченького!

– Если ты не оприходуешь ее сейчас, Тигр, – невнятно сказала Куколка, набив рот жареной курицей, – то после уже не получится.

– Еще как оприходуую! – сказал Траффорд. – И только попробуйте меня остановить!

Подруги Незабудки разразились поощрительными криками.

– Ну ладно, тогда оставляю вас вдвоем, – сказала Куколка.

Но, отключая звук на пульте, управляющем каналами локальной сети, Траффорд

понимал, что Куколка не оставит их вдвоем. Куколка будет наблюдать. Ей, безусловно, не терпится рассказать всему дому, что Траффорд не сумел оприходовать Чанторию даже после того, как она оделась в бель-форму. Что «у них проблемы». Что она фригидна. Что он импотент. Что их союз – жалкий обман, в котором нет места сексу, не только мегакрутому, но и вообще какому бы то ни было.

– Придется притвориться, – шепнул он Чантории, когда они шли в спальню. – Слишком уж пристально за нами следят.

– Мне все равно. Главное – постарайся, чтобы они поверили, – прошептала в ответ его жена. Она очень боялась, что ее публично высмеют как женщину, которая не сумела возбудить мужа, даже надев туфли на высоком каблуке, стринги и бюстгальтер без чашечек.

Итак, к вящему удовольствию соседей, Траффорд с Чанторией разыграли пантомиму любовного акта: кое-как сжевав шоколадные трусы жены, Траффорд лег на нее и стал возить между ее ног своим вялым пенисом, пока она стонала в поддельном экстазе.

Закончив этот спектакль, они пожелали Куколке спокойной ночи.

– Шикарно, ребятки, – ответила Куколка, открывая банку с шипучкой. – До чего же я вам завидую! Видели бы вы меня раньше – ух, и задавала я жару своим жеребцам!

Как женщина, вынужденная бороться с проблемой лишнего веса, Куколка была свободна от необходимости иметь фантастическую половую жизнь. Втайне Траффорд не мог не спрашивать себя, существовал ли когда-нибудь хоть один жеребец, которому она хоть однажды задала жару. А все остальные обитатели этого душного кроличьего садка – вправду ли они задают жару друг другу? Может быть, их соседи тоже прикидываются перед камерой? Сколько липового секса транслируется по локальной сети – не все ли сто процентов? Каждый человек помешан на сексе – таков был непреложный закон общества. Каждая реклама, каждая песня, каждое реалити-шоу были посвящены почти исключительно сексу. Вся маркетинговая политика, все публичные комментарии, все дискуссии словно исходили из убеждения, что человек может пребывать лишь в одном из двух состояний: либо он «хочет», либо «уже получает», – а если он не находится ни в одном из них, значит, с ним что-то неладно. Траффорд знал, что это чушь. Секс нравился ему, как и большинству людей, но есть ведь еще дети, которых надо воспитывать, деньги, которые надо зарабатывать, вредители, которых надо уничтожать, проблемы, которые надо решать; не может же секс быть приоритетом номер один все двадцать четыре часа в сутки! В конце концов, когда-то надо и постирать!

Неужели все вокруг лгут? Неужели каждый живет своей тайной жизнью? Если так, значит, все они еретики: и Незабудка, и Куколка, и Лексус, и Кавалерист – все. Враги Храма. Траффорду пришло в голову, что если бы всех этих людей можно было разом привести на исповедь и заставить сказать правду, случилась бы революция. На мгновение его увлекла заманчивая идея – воззвать перед камерой к их здравому смыслу. «ДА ЛАДНО ВАМ! – мысленно воскликнул он. – Неужто вы и вправду так непрерывно, по-идиотски довольны жизнью? Неужто вам никогда не хочется передохнуть? Поразмыслить? Посидеть спокойно, чтобы *никто вас не трогал?!*»

Но говорить было нельзя, и Траффорд вышел на кухню. Некоторое время он простоял над кроватью Мармеладки Кейтлин, глядя на свою спящую дочь. Ресницы у нее были длинные и темные, в точности как у матери. Траффорд задумался над тем, что ждет эту крошечную счастливую девочку в будущем: наступит ли когда-нибудь день, когда у нее, как

у Чантории, пропадет всякая способность радоваться жизни, или она найдет в себе силы, чтобы сохранить свои секреты и сделать из них броню? Спустя минуту-другую он уселся за столик и открыл компьютер. С тех пор как он в последний раз заходил на блог Сандры Ди, она успела пополнить его очередной порцией лжи: Сандра Ди очень внимательно относилась к своему прикрытию. Там были несколько свеженьких секс-видео, размытые фотографии женщины, поющей под караоке в пабе, и заметка с обсуждением новой участницы популярного реалити-шоу. «По-моему, она большая стерва, – говорилось там, – но надо отдать ей должное: она сильная личность, и я от нее в экстазе». Траффорд скопировал эту фразу в поисковик и скоро обнаружил, что на самом деле ее написала у себя в блоге женщина по имени Шампунчик, живущая на одном из островов Южного Даунса.

Мармеладка Кейтлин проснулась и заплакала. Чантория встала ее покормить.

– Как твоя новая зазноба? – язвительно спросила она, появившись из-за расшитой бисером шторки, которая заменяла им дверь между столовой и спальней.

– Она не моя зазноба, – ответил Траффорд. – Она со мной работает, и над ней издеваются. Мне ее жаль, только и всего.

– Ну-ну, – откликнулась Чантория, взяла Кейтлин на руки и вернулась с ней в постель.

Думая о своем ребенке, Траффорд ощутил прилив гордости. С его согласия ей все-таки сделали прививку! Он совершил независимый поступок, бросил вызов Храму. Это можно считать началом его собственной, личной революции.

21

Адрес, который дал Траффорду Кассий, принадлежал маленькому книжному магазинчику в Финчли. Добраться туда оказалось нелегко: пришлось пересечь с велосипедом Лондонское озеро, выйти на Паддингтонском причале, а потом несколько миль пробираться по шатким настилам и грязным, вонючим, полузатопленным улицам Килберна и Кенсал-грин. Половину пути Траффорд крутил педали, а половину брел пешком, и восторг в его душе то и дело сменялся не менее интенсивным страхом.

Если он правильно понял намерения Кассия, ему предстояло вступить в тайный союз гуманистов и пережить с их помощью интеллектуальное освобождение, которое еще несколько недель назад показалось бы ему невыносимым. С другой стороны, эти люди были еретиками, и связь с ними могла навлечь на него гнев инквизиции. Вдобавок, он уже угодил в самые опасные городские кварталы. Это был мрачный и страшный район, где питьевая вода считалась валютой, а подростковые банды брали незаконную мзду на каждом мосту, где перевозчики гребли, держа между коленями винтовки, и даже полиция и инквизиторы перемещались только группами, редко покидая свои лодки. Опустившееся и озлобившееся местное население жило в состоянии непрерывной войны с иммигрантской беднотой, которой упорно прибывало, и все жители пытались отыскать скудные средства к существованию в мусоре, плавающем в каналах.

По дороге мрачное окружение и сознание того, на какой отчаянный шаг он решился, начали действовать Траффорду на нервы. Каждый прохожий вдруг стал казаться ему шпионом Храма, каждый дырявый плот – полицейской базой. Нищие требовали денег угрожающим тоном, словно хотели сказать: «Я знаю, куда ты направляешься, парень. Плати,

или я тебя сдам».

Траффорд мысленно обругал себя за слабость трусость. Если бы с ним была Сандра Ди, подумал он, уж она-то не шарахалась бы от каждой тени и не пугалась жалких немощных попрошаек. Она смотрела бы им в глаза с той же спокойной уверенностью, с какой встречала взгляд этой наглой идиотки, Принцессы Любомилы. Эта мысль подбодрила Траффорда. Сандра Ди не испугалась бы – значит, не испугается и он. Надо быть достойным своей тайной любви к девушке, которая так любит тайны.

Наконец, после долгого шлепанья по бесконечной череде почти безлюдных переулков к югу от рынка Нэгсхед, Траффорд нашел то, что искал. Здание с вывеской «Книги и брошюры – покупка и продажа» стояло на грязноватой улочке со сплошными рядами домов, на вид чуть более приличной, чем те, которые он миновал по пути сюда. Он поднялся по мосткам к окну второго этажа и вошел в небольшой, тускло освещенный зал.

В последние годы магазинчики вроде этого начали возрождаться к жизни. Раньше руководства и брошюры, которыми они торговали, в основном заказывались по интернету, но из-за подорожания курьерских услуг и неуклонного подъема уровня воды так называемая «прямая торговля» снова вернулась в моду. Маленькие лавки опять стали окупаться. Эта была под завязку набита обычными религиозными проспектами и пособиями по самосовершенствованию, которые люди почему-то все еще предпочитали потреблять в традиционном бумажно-картонном, а не компьютерном исполнении. Траффорда со всех сторон окружали труды знаменитых гипнотизеров, целителей, эстрадных певцов, астрологов и спиритуалистов, предлагающих свои развернутые программы действий с гарантией уверенного духовного роста. Тысячи и тысячи книг обещали сделать читателя сильным, богатым, влиятельным и преуспевающим человеком. Траффорд и прежде видел множество таких книг: они были в большом ходу у населения. Очевидно, многим хотелось стать сильными, богатыми, влиятельными и преуспевающими. Удивительно, что при таком количестве подобных книг и их широчайшей аудитории Траффорд никогда в жизни не встречал людей, которые действительно *были* сильными, богатыми, влиятельными и преуспевающими, – конечно, если не считать Представителей церковной иерархии. Это было одним из многих противоречий, которые Траффорд заметил, но ни с кем не обсуждал.

Он наугад выбрал книгу – тонкую брошюрку, посвященную тому, как найти Бога в себе и использовать эту находку для привлечения более Продвинутых сексуальных партнеров. Когда он просматривал оглавление, к нему подошел продавец – маленький человечек в очках с толстенными стеклами, слегка напоминающий филина.

– Вы ищете что-то конкретное? – осведомился продавец.

– Вообще-то я надеялся здесь кое-кого встретить, – ответил Траффорд.

– А почему вы решили поискать этого человека именно здесь? – спросил человечек.

Траффорд понял намек.

– Я подумал, что *это будет разумно*, – сказал он.

– В таком случае давайте попробуем найти вашего друга. Пожалуйста, идите за мной.

Траффорд последовал за продавцом в заднюю комнату, а оттуда, по двум лестничным маршам, в подвал дома, где вопреки всякой логике не оказалось воды. Здесь стоял полумрак, и не успели глаза Траффорда привыкнуть к темноте, как он услышал знакомый голос Кассия.

– Траффорд.

– Это вы, Кассий? Вы где?

Кассий вынырнул из тени.

– Приветствую, – сказал он. – Готовы пересечь Рубикон?

– Что такое Рубикон?

– Река.

– Что за река?

– В древнеримскую эпоху Цезарь бросил вызов закону, условностям и предрассудкам, перейдя эту реку вместе со своей армией. Переступив этот рубеж, он отрезал себе дорогу назад. Вы тоже подошли к такому рубежу. Ну что, пересечете свой Рубикон?

Траффорд слышал о Цезаре и знал, что он был императором из далекого прошлого.

– Я плохо разбираюсь в реках, – ответил он, – но если речь о том, чтобы бросить вызов закону, условностям и предрассудкам, я готов пересечь любую реку, какую скажете.

– Будем надеяться, – отозвался Кассий. – Мы вынуждены быть очень осторожными, когда привлекаем новых людей.

– За меня не беспокойтесь. Я верю в то же, во что и вы.

Кассий нахмурился.

– Люди получают право приходить сюда не потому, что *верят*, а потому, что *понимают*.

– Что понимают?

– Что со временем можно понять все. Вы, без сомнения, слышали разглагольствования вашего исповедника о Любви, которая превосходит всякое понимание?

– Конечно.

– Ну так вот, я против этого тезиса. На мой взгляд, в мире не существует ничего такого, что превосходило бы всякое понимание. Зато в нем достаточно такого, чего мы *пока* не понимаем. Некоторые – даже многие – заполняют эти белые пятна Господом Богом. Но я и мои друзья стараемся заполнить их знаниями.

– Друзья... они тоже вакцинаторы?

– Не каждый, кто приходит сюда, вакцинатор, хотя вакцинаторы в большинстве своем гуманисты. Вы сказали, что хотите присоединиться к нам.

– Да-да, очень.

– Вы сознаете, что если вас поймут, то убьют, а если вы нас предадите, то вас убьют мы? Рубикон есть Рубикон.

Траффорда трудно было отпугнуть: он ждал такого момента, как этот, всю свою жизнь.

– Я понимаю, что рискую, но я никогда вас, не предаю.

– Вы знаете, кто такие гуманисты?

– Не совсем. Скорее, догадываюсь.

– Так почему же вы уверены, что хотите стать одним из них?

– Потому что вы говорили о знании и понимании, а к этим двум вещам я стремлюсь сильнее всего на свете.

– *Знаете* ли вы, что такое знание? *Понимаете* ли, что такое понимание?

– Я знаю и понимаю только одно: все, чему учил меня Храм, – ложь, хоть я и притворяюсь, что верю в это. Во всем остальном я абсолютный невежда. Кем бы вы ни были, я хочу к вам присоединиться. Я растерян. Я одинок. Каждую свою мысль я вынужден хранить в секрете. Мне внушают глубокое отвращение все догмы, веру в которые я симулирую. Лучше бы мне быть собакой, чем человеком: животные тоже ничего не знают но

они хоть *не знают*, что ничего не знают. А я знаю. Я отдаю себе отчет в своем невежестве. Я понимаю, что моя жизнь банальна и бессмысленна. Иметь разум – проклятие, если его запрещено пускать в ход. Иметь интеллект – проклятие, если вам приходится прятать его под маской торжествующей глупости. Если вы и ваши друзья может пролить свет в жалкий мрак моего существования, то я стану гуманистом и умру гуманистом.

– Что ж, последнее очень вероятно, – ответил Кассий. – Пойдемте.

Он повернулся к стене; оказалось, что в ней есть потайная дверь. Как только она открылась Траффорд почувствовал странный запах – вернее, не столько запах, сколько необычность воздуха, который проник оттуда в подвал. Он был *сухим*. Траффорду еще никогда не приходилось дышать абсолютно сухим воздухом. В городе постоянно держалась высокая влажность, и с каждым вдохом в легкие попадала приличная порция воды. Но этот воздух был другим... нет, не свежим, совсем нет, – он отдавал пылью и вообще производил впечатление какого-то *старого*, но при этом был совершенно сух.

Само помещение за порогом потайной двери тоже оказалось уникальным, под стать воздуху в нем. Очевидно, оно было хорошо изолировано, потому что, когда стена за ними опять сомкнулась, Траффорд заметил, что уличный шум исчез. Он очутился в большом помещении, объединяющем собой подвалы трех соседних домов. Поскольку даже первые этажи почти у всех городских зданий были залиты водой по щиколотку и давно превратились в приют для крыс и комаров, обжитой подвал выглядел и вовсе уж непривычно. Каким-то образом люди сумели не пустить сюда воду, а качество атмосферы, как сообразил теперь Траффорд, было результатом работы большого воздухоосушителя, подвешенного к потолку.

Кроме Траффорда и Кассия, в комнате находилось с полдюжины мужчин и женщин. Все они сидели за маленьким круглым столом, на котором стояли чайник, бутылка вина и тарелка с простым печеньем неизвестного Траффорду сорта. Все остальное пространство вокруг было заполнено книгами – старыми книгами в потертых обложках. Когда вошел Кассий, никто из сидящих за столом даже не поднял взгляда – так они были поглощены своим занятием. Перед каждым из них лежало по книге, и каждый сгорбился над нею, время от времени прихлебывая чай или вино.

– Это одна из наших читален, – шепотом объяснил Кассий.

Сначала Траффорд не понял, зачем он шепчет. Было очень странно слышать, как кто-то говорит не надсаживаясь, а эта комната к тому же была изолирована от внешнего мира. Потом он сообразил, что Кассий не хочет мешать людям за столом – не хочет нарушать их *сосредоточенность*.

Траффорд ощутил прилив восторга. На его памяти никто никогда ни на чем не сосредотачивался.

Ни один видеозэкран не показывал одну и ту же картинку дольше нескольких секунд, а в любом разговоре собеседники перескакивали с темы на тему еще быстрее. В конце концов, важным отличительным признаком истинно верующего человека была манера всегда говорить первое, что пришло в голову, причем как можно громче. Нужды сосредотачиваться не возникало никогда: Бог знал все, а вы действовали по указке Храма. Так чего же тут сосредотачиваться?

Но в этом необычном помещении сосредоточенности было в избытке. Спокойной, целенаправленной сосредоточенности. Больше всего на свете Траффорду хотелось сейчас

присоединиться к этим незнакомцам вокруг стола. Между прочим, там даже был один свободный стул!

– Это книги, которые мы собрали и продолжаем собирать, – пояснил Кассий. – После потопа, когда землю начала затягивать тьма невежества, за это дело взялись первые из новых гуманистов. Конечно, многие книги утеряны. Часть их сгнила от сырости, а потом, когда вера заменила разум, книги стали перерабатываться на сырье для религиозных брошюр и использоваться в качестве топлива или туалетной бумаги. Но кое-что мы спасли и продолжаем спасать. Даже сегодня еще можно найти старые книги где-нибудь в стенных щелях или в канализационной системе. Я сам однажды нашел Платона, Эсхила и Аристотеля в курятнике – он был выложен ими изнутри.

Траффорд никогда не слышал ни о Платоне, ни об Эсхиле с Аристотелем.

– Мы хватаем их, где только найдем, – продолжал Кассий, – чистим, сушим, восстанавливаем – а главное, читаем. Мы взяли на себя обязательство переварить и усвоить все знания и всю литературу прошлого.

– Вы их сканируете? Переводите в цифру?

– Нет. Безопасна только бумага. Власти пристально следят за тем, чтобы в сети не появлялось ничего крамольного. Мы выяснили – и дорого за это заплатили, – что они постоянно ищут там ключевые слова и фразы. Да, рассказ или стихотворение могут некоторое время оставаться незамеченными; не думаю, что обычный полицейский или старейшина Храма способны распознать сонет Шекспира, хоть бей их резиновой дубинкой. Но есть ключевые имена и области знаний, которые преследуются беспощадно. Как вы можете догадаться, это те самые имена и области знаний, которые представляют основной интерес для каждого гуманиста. В первую очередь это Дарвин и эволюция, потому что теория эволюции – кредо, лежащее в самой основе движения сопротивления, но есть еще и тысячи других: Галилей, Коперник, парниковый газ, Том Пейн и его «Права человека», Большой взрыв, Джордж Бернард Шоу, Исаак Ньютон...

На этом месте Кассия прервали: кто-то громко откашлялся. Траффорд обернулся и увидел, что один из читателей за столом поднял глаза и сердито смотрит на них. Увлечшись перечислением своих любимых тем и имен, служащих ему источником вдохновения (Траффорд не знал ни одного из них, кроме Дарвина), Кассий невольно слегка повысил голос и помешал присутствующим.

– Виноват, – прошептал он. – Почти все, что нам хотелось бы прочесть, может быть мгновенно выловлено в сети, а поймать тех, кто его разместил, – это уже дело техники. Создатели интернета думали, что он освободит знания, но по сути он их похоронил – сначала под гигантской клоакой невежества, лени, фанатизма, предрассудков и грязи, а потом под саваном полицейского надзора. Теперь, как вам известно, это виртуальное пространство существует исключительно ради распространения рекламы, сплетен и порнографии. Ну, и ради того, конечно, чтобы выслеживать крамольников. Безопасна только бумага. Книги – ключ ко всему. В книгу нельзя влезть на расстоянии, ее надо держать в руках, ее надо *читать*.

– Значит, именно этим вы и занимаетесь? Читаете книги?

– Мы учимся. Кроме того, мы организуем тайные семинары и лекции. Каждый из нас – интеллектуальный революционер. Самим своим существованием мы бросаем вызов силам невежества и слепой веры. Мы упорно собираем воедино науку прошлого, историю

прошлого, воображение прошлого.

– Воображение?

– Плоды фантазии людей прошлого. Те самые пресловутые выдумки – литературу, прекрасные сочинения, написанные тогда, когда еще можно было дать волю своему воображению...

Траффорд старался сдержать растущее волнение. Он попал к настоящим еретикам, к борцам за свободу мысли. Ему казалось, что вся его жизнь до этого момента стояла на «паузе» и только теперь он получил возможность нажать кнопку «старт».

– А мне можно что-нибудь почитать? – спросил он.

Пустой стул манил его. Огромные груды книг притягивали к себе.

– Конечно. За этим мы сюда и явились, – весело ответил Кассий. – Можете начать со знакомства с азами человеческих знаний. А потом, когда придет время, вы как истинный гуманист должны будете отправиться в народ и распространять знание даже ценой риска для собственной жизни.

Кассий протянул Траффорду какую-то старую, потрепанную книгу.

– С нее начинали все мы, – объяснил он. – Видите название? «Детский путеводитель по чудесному миру науки и природы». Ее выпустили сто с лишним лет тому назад, и она предназначалась для довольно маленьких детей. Все в ней будет для вас сложным и совершенно новым. Конечно, большая часть природного мира, который здесь описан, давно исчезла под водой, однако сведения о том, как устроена наша планета и какое место она занимает внутри галактики, и сейчас полностью соответствуют действительности. Когда вы усвоите содержимое этой книги и сумеете удовлетворительно пересказать его мне, мы перейдем к более взрослым сочинениям.

Траффорд сел за стол и начал читать. Поначалу ему было ужасно трудно. Текст был очень вязким, и Траффорд невольно поражался тому, что автор может так долго рассуждать об одном и том же предмете. Видимо, догадавшись о его затруднениях, подошел Кассий и налил ему бокал вина.

– Терпите, – прошептал он. – Скоро привыкнете.

И правда, к вящему удивлению Траффорда, вскоре это случилось: он привык. Его взгляд заскользил по строчкам, жадно поглощая слово за словом, а мозг нежилась в лучах разума, понемногу разгоняющих тьму его невежества.

Через два часа, на протяжении которых Траффорд практически не отрывал глаз от страниц книги, Кассий напомнил ему, что до дома путь неблизкий, и посоветовал собираться. Не успел Траффорд выказать свое разочарование, как его ментор извлек откуда-то пустую суперобложку брошюры с заглавием «Ваше новое «я» – двенадцать шагов к самореализации и материальному успеху». Взяв из рук Траффорда книгу, которую тот читал, Кассий сунул ее в суперобложку.

– Уловка простая, но эффективная, – сказал он. – Будьте дерзким. Я уже говорил вам, что самый быстрый способ привлечь чужое внимание – это выглядеть так, будто вы стараетесь его избежать.

Потом Кассий снял с полки другую книгу. На ней был изображен человек с трубкой, а называлась она «Приключения Шерлока Холмса».

– Это для развлечения, – сообщил он, вкладывая ее в руководство по развитию позитивного мышления с целью подтянуть мышцы живота и улучшить качество секса. –

Принесете их обратно через неделю и скажете, как идут дела.

22

Неделя оказалась чересчур долгим сроком. Траффорд проглотил обе книги, которые дал ему Кассий, – и научную, и рассказы, – уже к следующему вечеру. Он пытался читать, даже когда ехал на велосипеде от библиотеки к переправе через Лондонское озеро и в результате чуть не окупился в мутные воды Килберн-хай-роуд. Траффорду страшно понравился «Шерлок Холмс»: он еще никогда не читал нормальных рассказов, историй, которые развивались бы от начала к концу, а не просто повторяли сами себя, как компьютерные игры фэнтези с их бесконечным циклическим уничтожением виртуальных врагов. Его образование двигалось вперед семимильными шагами, и после нескольких посещений библиотеки Кассий объявил, что настала пора взяться за дарвиновское «Происхождение видов».

– Это основной гуманистический труд, – пояснил Кассий. – Для нас нет ничего важнее, а для Храма – ничего ненавистнее.

– Потому что он отрицает Бога? – спросил Траффорд.

– Вовсе нет, хотя он определенно отрицает то странное божество под именем Бог-и-Любовь, которое якобы представляет здесь, на земле, ваш исповедник. Эта книга не опровергает идею существования Творца: Дарвин не ставил перед собой такой цели. Но она весьма убедительно доказывает, что человек, как бы он ни был создан, не появился готовеньким в одно прекрасное утро несколько тысяч лет назад, и то же самое относится ко всем остальным обитателям нашей планеты.

Затем Кассий дал Траффорду еще одну книгу под названием «Гордость и предубеждение».

– Ее автор, женщина, когда-то была очень известной писательницей, – объяснил он. – Прочтите ее и задайте себе вопрос, как завораживающе сложные ритуалы человеческого ухода могли быть низведены до краткой преамбулы к сексу, которая сейчас считается достаточной для установления тесных отношений между представителями разных полов.

Кассий вложил обе книги в обложку светского журнала, обещающего выставить напоказ прыщи и целлюлит, которые знаменитости пытаются утаить от глаз публики.

– Помните, Дарвин – это очень важно, – сказал Кассий, когда Траффорд сел на велосипед перед магазином. – Эволюция – наша единственная надежда.

Так пролетали неделя за неделей, и поскольку Траффорд посвящал чтению все больше времени, не было ничего удивительного в том, что они с Чанторией неуклонно отдалялись друг от друга. Они мало разговаривали, и, если не считать постельных пантомим, которые им изредка приходилось разыгрывать ради соседей, между ними уже не было близости.

Натянутость в их отношениях была вызвана не только тем, что Траффорд читал запоем и его мысли постоянно витали где-то далеко. Траффорд знал, что с того самого дня, как Чантория обвинила его в ежедневных посещениях сайта Сандры Ди, она подозревает, что у него на стороне завязался роман. В каком-то фигуральном смысле так оно и было, потому что, несмотря на быстро расширяющиеся познания Траффорда в области истории, науки и литературы, стойкая одержимость секретами Сандры Ди по-прежнему занимала в его душе и

голове весьма важное место.

Потихоньку Траффорд и Чантория свыклись с мыслью, что их семейная жизнь подходит к естественному концу. Стыдиться им было нечего. Они прожили друг с другом немало – два года считались сроком не слишком долгим, но и не слишком коротким для одного брака, – и Храм дал бы им развод без возражений. Но этому должны были предшествовать открытое эмотирование и дача показаний, ибо ни один супружеский союз не дозволялось расторгать втихомолку. Каждую подробность совместной жизни, каждый повод для расставания следовало огласить на публичной исповеди – и быть поддержанным или освистанным прихожанами. Все эти разбирательства также транслировались по сети, что было продиктовано заботой о Куколке и прочих достойных гражданах, не способных присутствовать на исповеди лично. Затем желающих приглашали вывесить свои комментарии по поводу распавшегося брака и в зависимости от степени его удачности присвоить ему рейтинг от одной до пяти звездочек.

Наконец настал день, когда Траффорд с Чанторией по взаимному согласию отправились к отцу Бейли, дабы попросить его разместить в интернете баннеры с объявлением об их разрыве и выделить им на следующей исповеди время, чтобы они могли предъявить публике доказательства изменившегося характера их отношений. Затем они собирались смиренно подать прошение о разводе, который, разумеется, мог быть официально закреплен лишь после того, как исповедник сочтет исчерпанными все возможности по части их духовного исцеления, внутреннего роста и расширения самопознания.

Отец Бейли встретил их в просторном зале своей Духовной Обители – большого переоборудованного паба, где жил только он со своими женами и слугами. Как требовали приличия, исповедник изобразил глубочайшее сожаление, узнав о распаде столь прекрасного союза. Он дал посетителям понять, что принимает в этом деле сторону Чантории. Потрепав ее по щеке, он выразил свое изумление тем, что Траффорду наскучил секс с такой очаровательной женщиной, которую Господь благословил такой впечатляющей натуральной грудью.

– Наверно, у вас ниже пояса все отсохло, Траффорд, – пошутил священник. – Разумеется, модератор вашего чата Куколка поставила меня в известность о том, что у вас начались проблемы, а заодно и прислала мне отредактированную версию записи с Чанторией в полной бель-форме.

Исповедник нажал клавишу, и на его развлекране появилась Чантория, стоящая перед Траффордом в туфлях на шпильках, бюстгальтере без чашечек и шоколадных стрингах.

– Чудесно. Очень невинно и мило, – сказал отец Бейли, облизывая большие блестящие губы. – Вы делаете честь своему полу, Чантория. Готов побиться об заклад, что вы недолго просидите на скамейке для запасных.

– Благодарю вас, отец Бейли, – покраснев, ответила Чантория. – Вы очень любезны.

– Я действительно так думаю. Помяните мои слова. Найдется сколько угодно славных благочестивых парней, крепких ребят хорошего происхождения, которые будут соперничать за обладание вашим аппетитным непорочным задом. Честно сказать, я хотел бы во имя Любви увидеть вашу грудь прямо сейчас.

Без единого слова Чантория расстегнула бикини-топик и обнажила грудь перед своим исповедником.

– Вы сумасшедший, Траффорд, – сказал отец Бейли, насмотревшись вдоволь. – Впрочем, мы всегда подозревали, что с головой у вас не все в порядке.

Затем исповедник отметил у себя в блокноте, на какой час назначено слушание, записав и причину предполагаемого развода, которую Траффорд с Чанторией сформулировали общими стараниями:

Вместо того чтобы оприходовать меня, он получает удовольствие от просмотра видеодневников других девушек.

Траффорд не возражал против того, чтобы в роли обиженной стороны выступила Чантория. Собственно говоря, ему самому не в чем было ее упрекнуть – она не подавала никакого повода к расторжению брака. Не мог он и признаться в любви к другой женщине, так как его любовь была тайной, а потому греховной. Но это не имело значения: для развода было достаточно обиды одного из супругов, и к тому же разлад в такой неприметной семье все равно не мог привлечь внимание широкой публики. Закончив писать, отец Бейли отпустил их с миром.

В следующее воскресенье Траффорд с Чанторией, как обычно, отправились в местный молодежный центр, где проводились публичные исповеди. Обоим было немного грустно: оба понимали, что это одна из последних исповедей, на которые они идут вместе как супружеская пара.

Усевшись на свое место рядом с женой, Траффорд проглядел программу сегодняшнего вечера и обнаружил, что она весьма насыщена. Если исповедник и впрямь собирался выполнить ее целиком, ему предстояло как следует потрудиться. Траффорд с облегчением подумал, что недостатка в развлечениях нынче нет, а значит, никто не будет возражать, если они с Чанторией ограничатся лишь самыми простыми формальностями.

Их очередь должна была наступить после разбирательства еще трех аналогичных дел. Пока никто из супругов не стремился к разводу – все только просили у ближних доброго совета в надежде на то, что, пройдя через тяжелые испытания, они станут сильнее и с течением времени исцелятся. Траффорд знал все три пары: они были местными знаменитостями и обожали выступать на людях с драматическими признаниями, греясь в лучах своей скандальной славы. Указанные в программе причины семейных кризисов были таковы:

Он ненавидит мою мамулю, чего я не могу простить, но потом оприходовал ее и заодно мою сестру, хотя тут она сама виновата, сука.

Моя гадалка по картам таро говорит, что он не мой мужчина, но я его люблю. Надо ли мне уйти? Кому я должна верить – своему мужу или своей целительнице?

Она не дает мне сдачи, и я вынужден лгать, когда мои приятели рассказывают, сколько анала они получают. Может, она фригидная?

Прихожане засвистели и затопали ногами, когда перед ними появился исповедник Бейли: прежде чем пригласить на сцену первую рассорившуюся семью, он должен был обратиться к пастве со вступительной речью.

– Приветствую вас, друзья! – заговорил он. – Сегодня нам придется хорошенько поработать. Но для начала скажите-ка мне вот что. Каково было бы вам, девушки, если бы ваш муж занялся сексом с вашей мамочкой, а заодно и с сестрой? Да-да, вы не ослышались! Кого бы вы в этом обвинили – его? А может быть, их? А может, себя? Стали бы вы бороться за то, чтобы удержать любимого человека в теплом семейном кругу, или выгнали бы подлеца с позором? Сейчас мы узнаем, как поступили в этом случае члены одной семьи. Мадоннателла, Услава Ангелов, Райская Мелодия и Ниндзя, прошу вас выйти на сцену и рассказать обо всем вашим согражданам и товарищам!

Под громкие выкрики и аплодисменты четверо участников первого слушания гордо поднялись на эстраду, ухмыляясь и строя друг другу рожи, и заняли свои места.

– Прекрасно! – воскликнул отец Бейли, перекрикивая шум. – Итак, вам слово, Мадоннателла! Что у вас вообще стряслось? Давайте посмотрим, удастся ли нам разобраться во всем прямо здесь и прямо сейчас.

Мадоннателла встала и повернулась к мужчине, сидящему на самом дальнем от нее стуле. Ее широкое лицо, бугристое и странноватое с виду из-за большого количества перенесенных пластических операций, было искажено свирепым негодованием.

– Квартирка у нас маленькая, так? – начала она голосом, исполненным праведного гнева. – И с тех пор, как мою мамулю бросил мой последний отчим, она живет с нами, так? И я типа не против, потому что я дико ее люблю и по вечерам она мне лучшая подруга, хотя она, конечно, сука хорошая. Значит, прихожу я как-то домой из магазина, так? А он... да-да, он! Ты, ты, Ниндзя! Ты знаешь, о ком я говорю!

Ниндзя и две остальные женщины, находящиеся на сцене, уже давно энергично мотали головами, словно протестуя и не веря своим ушам» хотя Мадоннателла пока еще ни в чем их не обвиняла.

– Да, ты, Ниндзя, и нечего мотать башкой, потому что у тебя рыло в пуху. Он обрабатывал мою сестру на кушетке, так? А когда я сказала, что он неправ и что его антисоциальное поведение заставляет меня чувствовать себя дискомфортно, он заявил, что уже оприходовал и мою мамашу!

Свист и улюлюканье, с которыми были встречены эти показания, едва не оглушили Траффорда. Пока продолжался общий гомон, Ниндзя, Услава Ангелов – та самая сестра, о которой шла речь, – и Райская Мелодия, их мать, по-прежнему качали головами и делали возмущенные жесты.

Отец Бейли обернулся к Ниндзе.

– Итак, Ниндзя? – спросил он. – Это правда? Пока ваша жена ходила в магазин, вы занимались сексом с ее матерью и сестрой на вашей семейной кушетке?

– Она из этих магазинов не вылезит, – заявил Ниндзя, тыча в Мадоннателлу огромной татуированной ручищей.

– Вылазию! – закричала Мадоннателла, трясая в ответ кулаком.

– Отвечайте на мой вопрос, Ниндзя, – сурово повторил отец Бейли. – Действительно ли вы оприходовали вашу тещу и свояченицу на семейной кушетке?

– Ну, может, и да. Я не идеален и признаю это, – сказал Ниндзя. – Ну и чего? Подумаешь, большое дело! Жизнь продолжается. Мадоннателле надо преодолеть себя и выкинуть все из головы.

При этих словах Услава Ангелов и Райская Мелодия отчаянно закивали.

– Услава Ангелов, – сказал отец Бейли, поворачиваясь к сестре и снова до предела напрягая голос, чтобы его было слышно на фоне криков и свиста, которыми зрители отреагировали на объяснение Ниндзи. – Вы ничтоже сумняшеся легли под мужа вашей сестры. Ну и кто вы после этого – разве не подлая, хитрая, безнравственная шлюха?

Услава Ангелов встала на ноги и устремила взгляд на беснующихся зрителей. Ее татуированная грудь вздымалась и опускалась.

– Да, я шлюха! Пускай я шлюха, так? Сама знаю... но я *первосортная* шлюха!

Послышались поощрительные выкрики: зрители приветствовали это дерзкое заявление, и Услава Ангелов отблагодарила их, развернувшись на сто восемьдесят градусов и повивляв задом.

– А если моя сестра не может как следует ублажить мужа, – продолжала она, – так я считаю, что у меня есть полное право его оприходовать. Он потрясающий, и я его люблю, и у нас фантастический секс, и он хорошо понимает, что нужно женщине, и он очень нежный и заботливый и так далее, и мы с ним делаем все на свете и он говорит, что я лучшая из всех, кто у него был, и он еще никогда не получал ничего подобного.

Этой энергичной защитой Услава Ангелов завоевала симпатии львиной доли зрителей, и общее настроение в зале ощутимо изменилось не в пользу Мадоннателлы.

– Ладно. Вы нашли друг друга, и людям это нравится, – прокричал отец Бейли. – Людям нравится ваше достоинство, Услава Ангелов, им нравится ваш сексапильный стиль. Но что же насчет мамочки? Пока мы ее не слышали. Прошу вас, Райская Мелодия, подведите черту. Согласны ли вы с тем, что лечь под собственного зятя – величайшее предательство, какое только может совершить женщина-мать по отношению к дочери, выношенной ею в своем чреве?

– Я пыталась сохранить семью, – возразила Райская Мелодия. – Если бы мы с Уславой не дали Ниндзе того, что ему нужно, он пошел бы искать это где-нибудь еще. А благодаря нам он остался в семье. По-моему, Мадоннателла должна сказать нам спасибо.

Этот довод вызвал бурю аплодисментов, в которую внес заметную лепту и сам Ниндзя. Он сидел, хлопая в ладоши и серьезно кивая, – складывалось впечатление, будто он искренне считает себя обиженной стороной.

– Я понимаю вас, Райская Мелодия. Да, прекрасно понимаю! – крикнул отец Бейли. – Семья значит многое! Семейные ценности превыше всего! Нет ничего более святого в очах Господа. И хотя Храму трудно *оправдать* человека, вкусившего плотских утех в обществе тещи и свояченицы, я утверждаю, что перед Богом-и-Любовью можно согрешить и похуже. А посему я говорю вам, Мадоннателла: поищите бревно у себя в глазу, ибо если бы Ниндзя был удовлетворен единением с вашими чреслами, он не стал бы искать удовлетворения в единении с чреслами вашей матери и сестры. Посему говорю вам: обнимитесь, поставьте точку, не поминайте старое и двигайтесь вперед. Преодолейте себя и наведите в своем доме порядок!

Мадоннателла откликнулась на этот призыв заверением, что она и впрямь наведет в своем доме порядок, причем немедленно. Стянув с себя бюстгальтер, она подошла к Ниндзе

и потряхнула у него перед носом своей огромной грудью.

– Ну что, нравится? – взвизгнула она. – Уж я тебя загоняю так загоняю. По сравнению со мной Улада Ангелов покажется фригидной! Ты сам поймешь, что эта дура не лучше резиновой девки!

Настроение аудитории вновь переменялось, и в результате самоуверенная атака Мадоннателлы принесла ей победу. Зрители завопили и затопали ногами, а Ниндзя несколько раз восторженно взметнул кулак над головой и пал на жену, провозгласив во всеуслышание, что любит ее больше всех на свете и никогда больше не посмотрит ни на одну ее родственницу.

Слушание двух очередных дел проходило в том же истерическом ключе. Паства проявила чрезвычайный интерес к конфликту между личными устремлениями растерянной женщины и мнением ее гадалки по картам таро, настаивающей, чтобы она бросила любимого человека. После глубоких раздумий отец Бейли решил, что женщина должна последовать совету своей духовной водительницы. В конце концов, нельзя игнорировать веления судьбы, а планеты и звезды (каковые суть творения Любви) с очевидностью манят женщину к новым горизонтам, где фигура ее нынешнего возлюбленного, похоже, отсутствует. Отец Бейли выразил уверенность в том, что новая любовь не за горами.

Далее исповедник пригласил на сцену супружескую пару, разлад в которой наступил из-за несогласия жены на анальный секс. Это не только порождало у мужа фрустрацию, но и неблагоприятно влияло на его социальный статус в пабе, где он постоянно подвергался насмешкам товарищей, утверждающих, что их партнерши готовы на все. Здесь показания главных действующих лиц неоднократно прерывались репликами из зала, как в защиту мужа, так и наоборот. Ряд женщин и часть мужчин считали, что если у жены есть возражения против оприходования сзади, то принуждать ее к этому не следует. Многие указывали, что поскольку риск зачатия в данном случае сводится к нулю, то каждый волен решать, заниматься этим или нет, исходя из своих личных предпочтений. Муж был дружно освистан за предположение, что отсутствие интереса к содомии может указывать на фригидность. С другой стороны, многие из присутствующих склонялись к тому, что жена должна просто стиснуть зубы и потерпеть. В конце концов, было общеизвестно, что мужчина, не получающий чего-то дома, обязательно найдет это где-нибудь еще: ведь вокруг столько подлых сучек, которые только и дожидаются шанса умыкнуть чужого мужа. В итоге, приняв во внимание все услышанные аргументы, исповедник вынес решение в пользу жены.

– Большая задница женщины – это дар, который она может преподнести мужчине, но может и не преподносить, – торжественно объявил он. – И не в нашей власти склонять ее к тому или иному выбору.

Голова у Траффорда раскалывалась. В зале было невыносимо жарко и нестерпимо воняло потом, а от истошных воплей прихожан его перепонки едва не лопались, словно от грохота пушечной канонады. Он уже спрашивал себя, сколько еще ему удастся продержаться, но тут отец Бейли наконец вызвал их с Чанторией на подиум.

– Траффорд больше не дает Чантории того, чего вправе требовать от мужа всякая добропорядочная женщина, – громко объявил отец Бейли под свист и улюлюканье. – Похоже, он находит все, что ему надо, в блогах и видеодневниках других девушек!

Отец Бейли старался, чтобы это прозвучало заманчиво, но аудитория была не лыком шита и умела отличить настоящую сенсацию от дешевой отмазки. Траффорд и Чантория не

были звездной парой. Их никто не знал за пределами дома, в котором они жили, да и в самом этом доме ими мало кто интересовался. Их консервативная одежда и заметная скованность тоже не добавляли им блеска в глазах зрителей. Людям нравилось, когда участники слушания держатся гордо и с достоинством, когда они умеют себя подать и разыгрывают для публики настоящий спектакль, так что Траффорд с Чанторией сразу же их разочаровали.

– Ну-ка, смелее! – подбодрил их отец Бейли, когда они робко поднимались на эстраду. – Неужели вам не хочется раскрыть душу перед своими близкими?

– Да-да, конечно, хочется, – сказал Траффорд, опустившись на стул.

– Тогда приступим! Чантория, – обратился к ней отец Бейли, – расскажите нам, почему ваш брак дал трещину.

– Мы отделились друг от друга, – ответила Чантория. – У нас такое чувство, что нашему браку конец, вот и все.

Подобное свидетельство вряд ли могло вызвать у аудитории большое воодушевление.

– А что там насчет его увлечения чужими блогами и видеодневниками? – осведомился отец Бейли с явной надеждой добавить в происходящее хоть немножечко перцу. – У вас не возникает дискомфорта из-за того, что он считает других девушек более соблазнительными? Это не становится для вас источником психологических проблем? Вы не чувствуете в связи с этим своей ущербности?

– Не девушек, исповедник, – поправила Чантория. – Он всегда смотрит только на одну девушку, которую зовут...

И как только Чантория произнесла эти слова, Траффорд увидел ее – Сандру Ди.

Оказывается, она живет в его приходе! Он мгновенно сообразил, почему никогда не замечал ее раньше. Он давал показания впервые за многие годы, и ему впервые на его памяти представилась возможность окинуть взглядом весь зал. Обычно он видел не лица своих товарищей-прихожан, а только их затылки. Но теперь их лица были перед ним – и среди них лицо Сандры Ди, стиснутой соседями на одном из дальних, приподнятых рядов. Стиснутой, но при этом явно одинокой. Вот почему он сразу выделил ее в толпе: слишком уж сильно она отличалась от всех прочих. Она не кричала, не трясла кулаками. Она не вскочила на ноги, и ее черты не были искажены яростью; она просто сидела на своем месте, одна. Неподвижная фигура в обезумевшей толпе, со спокойным, даже равнодушным лицом. Лицом, на котором ничего нельзя прочесть.

– ...Сандра Ди, – закончила свою фразу Чантория.

И тут выражение лица Сандры Ди изменилось: она осознала, что ее коллега следил за ней через интернет. Конечно, это потрясло ее, но Траффорду почудилось, что к потрясению примешался еще и испуг.

– Кто такая эта Сандра Ди, Траффорд? – громко спросил отец Бейли. – Значит, это из-за нее вы перестали интересоваться женой?

Сандра Ди покраснела от гнева. Их взгляды встретились, но вместо того чтобы отвести свой, как ожидал Траффорд, она продолжала смотреть на него в упор. Ее взгляд жег его точно огнем – свирепое, молчаливое обвинение. Эта женщина пошла на самые крайние меры ради того, чтобы сохранить в тайне свою личную жизнь, а теперь из-за него, Траффорда, ее имя прозвучало со сцены на публичной исповеди – да не просто так, а в качестве единственной причины бракоразводного процесса. В конце концов отвернулся Траффорд, не в силах больше выносить то чувство вины и раскаяние, которые она в нем пробудила.

– Нет! – воскликнул Траффорд. – Вовсе нет. Я ее совсем не знаю! Я наткнулся на ее блог случайно, и меня при... привлек один ролик.

Возможно, для Чантории и Сандры Ди происходящее было полно смысла, но зрители определенно скучали. Им хотелось страсти, секса, а еще лучше – крови. Их не интересовал какой-то жалкий заика, подглядывающий за девушкой, с которой он даже ни разу не переспал. Отец Бейли заметил, что паства начинает проявлять нетерпение, и решил, что пора закругляться. Он сказал, что готов удовлетворить просьбу супругов о разводе, и отпустил их со сцены.

Возвращаясь на свое место в зале, Траффорд не смотрел туда, где сидела Сандра Ди, но был уверен, что она по-прежнему не спускает с него глаз. У него было такое ощущение, будто они прожигают в нем дырки.

– Ну вот, похоже, с этим покончено, – сказала Чантория, когда они сели. Но Траффорд знал, что она ошибается.

23

Эпидемия кори-плюс оказалась ошеломительной по своей внезапности и жестокости. Впрочем, такими бывали все эпидемии. Господу Богу, говорил отец Бейли, некогда размениваться на мелочи.

– У Бога крутой нрав, – уверял исповедник свою паству, – и если уж он карает, то карает сурово. Некоторые называют это возмездием, и они правы, однако я предпочел бы назвать это строгой, но справедливой любовью.

Кое-кто считал, что у неуклонно растущей свирепости эпидемий есть и другие причины. По их мнению, здесь сыграли свою роль и бездумное увлечение антибиотиками, и сомнительное питание, и сниженные нормы общественной гигиены, и понемногу ухудшающееся качество питьевой воды при климате, который давно уже стал субтропическим. Эти проблемы обсуждались на более или менее серьезных чатах и веб-сайтах, посвященных здравоохранению. Конечно, никто не усматривал в перечисленных факторах ничего, кроме божьего произволения; авторы только намекали, что погрязший в грехе человек, пожалуй, мог бы задуматься над тем, чтобы есть побольше овощей и фруктов и доводить до конца курс лечения антибиотиками, который порой еще назначался врачами.

Как бы то ни было, гибельная мощь всех основных болезней росла с каждой новой эпидемией, и корь – или, как она теперь именовалась, корь-плюс – не составляла исключения. Вызывающий ее вирус менялся и при каждом очередном возвращении оказывался все более стойким и беспощадным.

То же самое можно было сказать и о свинке-плюс, и о коклюше-плюс, и о менингите-плюс, и обо всех прочих детских заболеваниях – ибо самой тревожной была статистика смертей среди тех, кто еще не начал постигать азы веры в духовной школе. Недуги, которые малыши раньше переносили вполне спокойно, теперь медленно, но верно становились неизлечимыми. Зато те, кто не умирал в первые несколько лет жизни, и дальше неплохо справлялись с болезнями. Как говорил отец Бейли, Бог позволял выжить лишь воистину праведным и сильным, снискавшим его благоволение. А может быть, как утверждали иные вебсайты, у этих людей развивался иммунитет к вирусам благодаря тому,

что в детстве они болели самыми опасными болезнями в легкой форме (за что им, разумеется, тоже следовало сказать спасибо многомудрому Создателю). Но младенцы в своей невинности не успевали ни приобрести иммунитет, ни достичь высот праведности, так что мор косил их буквально через одного.

Траффорд с Чанторией узнали о появлении кори-плюс в их жилом комплексе – Башнях Вдохновения – однажды утром, сев завтракать. Едва об этом сообщили по локальной сети, как до их слуха донесся с легкостью проникший сквозь тонкие межквартирные перегородки плач первой несчастной матери. Был идентифицирован новый штамм кори-плюс, и она пронеслась по их небольшому сообществу точно смерч, перекидываясь от человека к человеку с каждым приступом кашля, каждым чихом и каждым выдохом. Власти уже объявили карантин в полудюжине зданий башенного типа, из которых состоял их район.

Чантория взглянула на Траффорда – ее лицо было живым воплощением тревоги и страдания. Все родители с ужасом ждали мига, когда они со своими детьми очутятся внутри карантинного ограждения, запертые в самом очаге инфекции. И вот этот миг наступил. Власти не снимут барьеров, пока болезнь не натешится вдоволь.

– Кейтлин прекрасно себя чувствует! – застонала она. – Нас должны выпустить, пока она не заразилась!

– Ты же знаешь, что не выпустят, – отозвался Траффорд. – Такого еще не бывало.

Он говорил правду: все слышали истории об отчаявшихся родителях, которые бросались на ограду карантинной зоны, держа своих детей на руках. Из этого никогда ничего не выходило. Полицейские готовы были стрелять, лишь бы не дать инфекции вырваться наружу.

– Но она ведь хорошо выглядит! – продолжала причитать его жена.

– Согласен.

– Значит, нас должны выпустить!

– Чантория, – спокойно сказал Траффорд. – Нас не выпустят. Мы в карантине. Но я думаю, что с ней все будет нормально.

Чантория его почти не слушала. Она уже успела надеть на личико Мармеладки Кейтлин маску, sprysнутую освежителем воздуха, а теперь затыкала щель под входной дверью мокрыми тряпками, чтобы преградить путь болезнетворным миазмам.

– Чантория, – повторил Траффорд. – Ты меня слышишь? Я думаю, что с ней все будет в порядке.

Жена сердито посмотрела на него.

– Ты думаешь! *Думаешь!* – крикнула она. – На кой черт нам сейчас думать! Молиться надо!

– А все остальные, по-твоему, не молятся? – спросил Траффорд. – В каждой комнате этого дома люди возносят молитвы Богу – между прочим, тому самому, который, по их убеждению, и обрушил на них эту напасть.

Чантория расплакалась в бессильной панике.

– Надо что-то делать! – твердила она. – Помоги мне законопатить окна... или пойдешь купи лаванды, или хотя бы просто заткнись и почитай какое-нибудь свое идиотское руководство! Не знаю что... но не сидеть же сложа руки! Нельзя позволить ей умереть.

– Я думаю, она не умрет, – ответил Траффорд. – Понимаешь, Чантория, я уже кое-что сделал.

Чантория взглянула на него, и в ее глазах промелькнула надежда.

– Ты что, все-таки...

– Да. Я сделал Кейтлин прививки.

Через считанные часы рыданиями наполнился весь дом: недуг скашивал одного ребенка за другим, и одна мать за другой предавались отчаянию. Малыши, которые уже умели ходить, и дети постарше еще кое-как сопротивлялись, но всем самым маленьким скоро стало очень худо. Всем – за исключением Мармеладки Кейтлин.

По всему району, в сотнях квартир каждого дома матери беспомощно смотрели, как глазки у их детей все сильнее краснеют, а дышать им становится все труднее. Пока симптомы были похожи на симптомы обычной простуды или гриппа, какая-то надежда у взрослых еще теплилась – пусть и слабая, но все же. Каждый родитель старался убедить себя, что его ребенок всего лишь простудился и чудесным образом избежит участи многочисленных жертв страшной бойни, учиненной высшими силами в их уголке города. Но когда появлялась сыпь, люди уже понимали в глубине души, что надежды нет и все, что им остается, – это молитва. Сыпь начиналась около ушек и расползалась по всему телу – пятнышки росли и множились, покуда не сливались в один сплошной покров, высасывающий жизнь из зараженных младенцев по мере того, как температура у них поднималась все выше и выше. Увидев сыпь, матери переставали плакать, и в квартирах воцарялось глубокое, скорбное молчание. Родители сидели около кроваток и обреченно ждали неминуемого конца. Эпидемия была настолько внезапной и свирепой, что почти все дети захворали одновременно, а потому и боль утраты у матерей тоже оказалась синхронизированной. В День Смерти, как назывались подобные дни, весь район погрузился в тяжкую, жуткую тишину: его обитатели скорбели по едва народившемуся поколению, стертому с лица земли буквально в течение суток.

Когда чиновники из отдела здравоохранения наконец сняли карантин – это произошло через месяц после начала эпидемии, – в Башнях Вдохновения не осталось в живых ни одного ребенка младше года.

Ни одного – за исключением Мармеладки Кейтлин.

Бич Божий не тронул Кейтлин, и она пребывала в счастливом неведении о разразившейся рядом трагедии, беззаботно играя своими погремушками, покуда из здания то и дело выносили маленькие гробики.

Чудесное спасение Кейтлин заметно повлияло на Чанторию. Месяц, проведенный ими в заточении, когда самый воздух вокруг них словно звенел от невысказанных жалоб страдающих младенцев, произвел в ней глубокую перемену. Долгие бессонные ночи у кроватки Кейтлин, когда она едва смела надеяться, что еретический поступок Траффорда спасет ее дочь, тоже оставили в душе Чантории свой след. Она стала довольно рассеянной и – к удивлению Траффорда, хорошо помнящего, благодаря чему уцелела их дочь, – гораздо более религиозной.

Когда разразилась эпидемия, до окончательного оформления их развода оставались считанные дни. Но процесс был заморожен на весь срок карантина, а потом выяснилось, что Чантория передумала. Теперь она хотела помириться.

– Ты совершил чудо, и я тебя люблю, – сказала она в тот вечер, когда власти официально объявили, что угроза со стороны кори-плюс миновала.

– Никакого чуда я не совершал, – ответил Траффорд. – Чудеса не поддаются

объяснению. Ты прекрасно знаешь, почему Кейтлин не умерла. Ее иммунная система была подготовлена к тому, чтобы противостоять инфекции.

– Мне все равно, почему это случилось, – сказала Чантория. – Чудо остается чудом, и я думаю, что это знак.

– Знак?

– Спасение Кейтлин означает, что она хочет сохранить нашу семью.

Траффорд был потрясен.

– Скажи, что ты шутишь, – только и смог вымолвить он.

– Я говорю совершенно серьезно. Она еще здесь, потому что хочет спасти наш брак.

– Чантория, Кейтлин еще и годика нет. Она не может хотеть ничего, кроме очередной порции еды.

Траффорда ужаснуло то, какое направление приняли мысли его жены. Событие, которое, казалось бы, должно было навсегда излечить ее от фальшивой своекорыстной «духовности», только усилило ее тягу к ней. Как такое могло случиться?

– Наша дочь сегодня жива лишь благодаря вмешательству науки, созданной человеком, – твердо произнес он. – Ее спасение не может означать, что она хочет сохранить нашу семью.

– И все-таки я против развода. Только не теперь. Только не после того, что мы пережили вместе.

Но Траффорд по-прежнему хотел развестись. Ему нужна была свобода, чтобы читать и учиться – сейчас это стало его страстью. Каждая минута реальной жизни, посвященная унылым будничным хлопотам, была потеряна для поисков знания и плодотворной работы воображения, которым он предавался с негаснущим пылом.

Он хотел уединения и времени для сосредоточенных занятий. Если они с Чанторией разведутся, он все это получит. Из-за ребенка квартира достанется ей, а ему придется искать крышу где-нибудь в другом месте. Большинству мужчин такая перспектива внушала ужас: проблема нехватки жилплощади стояла остро, и мужчины-одиночки чаще всего находили себе приют в общежитии или, если повезет, в дешевой гостинице. В смысле бытового комфорта это было бы для Траффорда серьезной переменой к худшему: хотя в квартирках для семейных вечно царили теснота и сырость, а в грязных подъездах кишели крысы, по сравнению с крошечными пластмассовыми клетушками, которые предлагались в дешевых гостиницах, и набитыми до отказа спальнями общежитий они казались настоящими дворцами. Но Траффорд не искал комфорта для тела – ему нужен был комфорт для ума и души. Он просто хотел, чтобы его оставили в покое. Пусть ему дадут узкую койку в переполненной спальне, где хозяйничают тараканы, лишь бы он мог отгородиться там от всего мира, настроив свой интернет-приемник на какую-нибудь близкую музыку в стиле нью-эйдж, и отправиться в путешествие по огромной неисследованной вселенной истории, науки и литературы.

Кроме того, он был влюблен в Сандру Ди.

После той публичной исповеди, когда Чантория назвала со сцены ее имя, Траффорд воздерживался от посещения персонального сайта Сандры Ди. И все-таки она продолжала занимать его мысли, а то, что во время последнего физиприса она выглядела очень сердитой и упорно избегала его взгляда, только усилило его одержимость. Все героини романов, которые он брал у Кассия, казались ему похожими на нее. Элизабет Беннет была Сандрой

Ди, возлюбленная Хитклифа Кэти была Сандрой Ди, Анна Каренина, Джульетта и Офелия – все они были Сандрой Ди. Ее облик принимали даже исторические фигуры, о которых он читал: и у первооткрывательницы радия Марии Кюри, и у борца за права женщин Эмили Панкхерст, и у Елизаветы Первой были те же черты лица, что и у Сандры Ди.

– А я считаю, что надо действовать по плану, – сказал Траффорд Чантории. – В конце концов, мы уже объявили о разводе, и вообще...

– Подумаешь, – ответила Чантория. – Многие пары сходятся и расходятся по два раза в месяц.

– Мы не они. Раз начали, надо закончить.

– Ты меня больше не любишь? – спросила Чантория, и глаза ее наполнились слезами.

– Чантория, мы оба согласились на развод. Ты тоже меня разлюбила.

– Но эти последние недели снова нас сблизили!

– Только потому, что мы боялись за дочь.

– А я... я думала, что не только...

И полились слезы. Чантория плакала так горько, что вскоре Траффорд не выдержал и принялся ее утешать.

– Не плачь, – сказал он, обнимая ее. – Давай подождем денек-другой, а там посмотрим.

– Мы нужны Кейтлин, – всхлипнула Чантория. – Она хочет, чтобы мы были вместе.

24

Вся жизнь Траффорда и Чантории в Башнях Вдохновения изменилась до неузнаваемости. Когда корь пощадил Мармеладку Кейтлин, Траффорд стал бояться, что другие родители возненавидят их за такое везение, и у него камень с души упал, когда эти страхи не оправдались. Наоборот, их с Чанторией вдруг принялись превозносить как людей, особо отмеченных Господом.

Все началось с того, что на первой же после снятия карантина публичной исповеди отец Бейли торжественно объявил о чудесном спасении Мармеладки Кейтлин с церковной кафедры.

– Как известно всем вам, – сказал он, – на наш район только что обрушилась жесточайшая небесная кара. Но Господь в своей безграничной мудрости сохранил жизнь одному ребенку. Я хочу уверить вас в том, что все ушедшие дети теперь живут в ней. И я говорю всем осиротевшим матерям и отцам из Башен Вдохновения: когда вы видите Мармеладку Кейтлин, постарайтесь разглядеть в ней частичку того или той, кого вы потеряли, но кого непременно обретете снова. Нам неведома цель Господа, спасшего Мармеладку Кейтлин, но мне думается, что он спас ее ради какого-то высшего назначения, пока еще сокрытого от нас.

Бейли простер руку туда, где сидели Траффорд с Чанторией.

– Лелейте ее, Чантория, защищайте ее, Траффорд, ибо она воистину благословенна, а с нею вместе, как ее родители, благословенны и вы оба. Так что не будем больше вспоминать о разводе! – добавил он. – Бог-и-Любовь спас вашу девочку. И спас не просто так. Он возлюбил вашу семью. Он поверил в вашу семью. Идите домой с миром! Танцуйте так, словно никто вас не видит, пойте так, словно никто вас не слышит, а ночью займитесь

любовью так, словно это у вас впервые.

Нежданно-негаданно Трафффорд и Чантория стали местными знаменитостями. Теперь вся женская компания, в которой Чантория раньше была сбоку припека, набивалась к ним в гости. Каждый, о ком отец Бейли считал нужным упомянуть во время проповеди, автоматически становился важной персоной, которую следовало всячески ублажать. Та же Незабудка навещала их ежедневно, объявив в своем видеоблоге, что Чантория – ее новая лучшая подруга.

– Может, попросить Лексуса заскочить к вам и посмотреть, что у вас с душем? Я знаю, твой Трафффорд не слишком большой умелец по этой части, благослови его Бог, а Лексус наверняка смог бы все починить.

Незабудка всегда норовила взять Мармеладку Кейтлин на руки и потискать ее, повторяя снова и снова, что возня с этой малышкой помогает ей переживать утрату Сникерса.

– Я просто *знаю*, что мой Сникерс и ваша Мармеладка Кейтлин стали бы самыми-самыми лучшими друзьями, – сказала она однажды, вытирая слезы. А потом многозначительно добавила: – У Кейтлин есть крестная мать?

– Только Куколка, – призналась Чантория с некоторым смущением, потому что Куколка была крестной матерью всех детей в доме. Наверное, если бы Чантория приложила к этому больше стараний, она могла бы подыскать для дочки и еще кого-нибудь: ведь от приглашенной на эту роль не требовалось ничего особенного, разве что напиться на крестинах. Но когда родилась Кейтлин, Чантория не стала обращаться к соседкам с этой просьбой из боязни, что ей откажут. Да и теперь у нее не хватало духу задать прямой вопрос.

– А может... может быть, ты... – запинаясь, начала она.

– Боже мой! – завопила Незабудка. – Боже мой, какая честь! Мы обязательно ее окрестим!

– Вообще-то ее, конечно, уже крестили, но...

– Мы сделаем это еще раз, но теперь уж как следует! Устроим классную вечеринку! Позовем всех девчонок и оторвемся по полной!

Незабудка сдержала слово, и вскоре состоялось роскошное празднество, на котором все обитательницы дома выстроились в очередь, дабы предложить свои услуги в качестве крестных матерей и обнять последнего уцелевшего ребеночка в округе – без сомнения, в надежде на то, что выпавшая на долю Кейтлин удача или Божье благоволение передадутся им и помогут выжить их следующим деткам.

Чантория как могла старалась сдерживать свое бурное ликование – в конце концов, эпидемия сошла на нет лишь неделю-другую тому назад и весь дом был еще в трауре, – но при таком количестве визитов и подношений в виде тортов с шоколадками ей было нелегко скрыть восторг. Куколка взялась за организацию ее распорядка дня, точно снисходительная мать, надзирающая за бестолковой жизнерадостной дочерью.

– В одиннадцать у тебя кофе с Бархатной Тайной, но к двенадцати ты должна ее выпроводить, потому что Незабудка и Розовая Жемчужина ведут тебя на ланч не куда-нибудь, а в «Макдоналдс», где Кейтлин получит свой первый в жизни «мак-флурри».

Дни Чантории пролетали в суматохе визитов. У них в квартире не переводились торты с шоколадом, рекой лилось шипучее вино, и все без усталости обнимали ее чудную малышку, счастливую избранницу Бога-и-Любви.

Все это как нельзя более устраивало Траффорда. Раньше жить с Чанторией было довольно утомительно, поскольку она то и дело приставала к Траффорду, требуя внимания. Теперь же Куколка расписывала все ее время по минутам, и Траффорд мог ежедневно проводить за чтением долгие часы. Конечно, его внезапная страсть к самосовершенствованию была отмечена многими гостями, но общество сочло это положительным явлением, свидетельствующим об особых планах, которые Бог связывает с самим Траффордом и его семьей.

– Траффорд у нас молодец, – говорила Куколка. – Он хочет быть достойным того задания, которое Господь намерен ему поручить.

25

Наступило утро очередного физиприса. Как обычно, Траффорд явился на работу, поглощенный мыслями о Сандре Ди, но, выйдя из лифта, обнаружил, что сегодня ею интересуется не только он. Перед столом Сандры Ди стояла Принцесса Любомила. Тлеющая антипатия, которую офисная тиранка испытывала к непокорной девушке, в любой момент могла вспыхнуть ярким пламенем, и теперь было похоже, что Принцесса Любомила наконец нашла повод для лобовой атаки.

– Сандра Ди, – сказала Принцесса Любомила, приблизившись к намеченной жертве чуть ли не вплотную. – Я вижу, ты перестала платить взносы за общественные торты и пончики.

– Да, перестала, – откликнулась Сандра Ди, не отрывая глаз от компьютера.

– Эй! – рявкнула Принцесса Любомила. – Я с тобой разговариваю!

– Слышу. Я тебе ответила. Но мне надо работать. Нам платят за обработку информации, а не за болтовню о пончиках.

– Ты что, меня не уважаешь?

– Я просто пытаюсь выполнять свою работу.

Траффорд обвел комнату взглядом. Как всегда, его коллеги разделились на два лагеря: тех, кто наострил уши, предвкушая скандал, и тех, кто стушевался, изо всех сил стараясь казаться незаметным, внутренне возмущаясь происходящим, но радуясь, что негодование Принцессы Любомилы на сей раз вызвано не им.

– И почему же ты отказываешься платить за торты и пончики?

– Потому что я не ем ни тортов, ни пончиков. Я и раньше их не ела, но довольно долго отдавала свои деньги из вежливости. Я оплатила множество съеденных тобой тортов и пончиков, но теперь наконец решила больше этого не делать.

– Ты не хочешь питаться вместе с товарищами? Не хочешь быть членом коллектива?

– Я не считаю, что быть членом коллектива значит платить за лакомства, которые нравятся тебе и твоим приятелям, Принцесса Любомила.

Траффорд был поражен. Раньше никто никогда не оспаривал права Принцессы Любомилы командовать у них в офисе. Творилось нечто беспрецедентное, и от неожиданности у первой крикуньи отдела просто отнялся язык. Она явно не знала, что сказать. Наступила недолгая пауза, во время которой Сандра Ди продолжала печатать на компьютере. Затем Принцесса Любомила оправилась от потрясения.

– Думаешь, ты лучше меня? – гаркнула она.

– Нет, не думаю.

– Нет, думаешь. По-твоему, ты лучше меня.

– Если честно, я вообще о тебе не думаю.

– Ты что, расистка?

Траффорд удивился. Это было очень тяжелое обвинение, сразу переводящее разговор на совершенно другой уровень.

– Конечно, нет.

– Потому что, как тебе известно, я человек смешанной крови.

– Это не имеет абсолютно никакого значения, поскольку тема нашей дискуссии – не твоя расовая принадлежность, а организованный тобой сбор денег на покупку тортов и пончиков, за которые я не желаю платить.

– Так значит, моя расовая принадлежность не имеет значения?

– Да, в данном случае.

– Но ведь именно данный случай мы и обсуждаем! – торжествующе воскликнула Принцесса Любомила, точно это был решающий аргумент.

Траффорд знал, что взывать к здравому смыслу в разговоре с Принцессой Любомилой – занятие безнадежное. Скандал начал жить своей жизнью, и теперь Принцесса Любомила будет намеренно переиначивать все слова Сандры Ди на нужный ей лад.

– Стало быть, тебе не нравится, что во мне четверть ирландской крови, четверть хорватской, немного корнуолльской и одна шестнадцатая афро-карибско-британской? – продолжила Принцесса Любомила. – А я горжусь тем, что я такая, какая есть!

– Честно говоря, мне наплевать, какая ты есть.

Услышав этот ответ, все прихвостни Принцессы Любомилы ахнули от изумления. Если кто-либо сообщал вам, какой национальности были его предки, вы попросту не имели права отреагировать на это иначе, нежели разразившись потоком восторженных восклицаний и как можно громче объявив, что вы без ума от всех перечисленных наций и народностей. Сандра Ди была обязана уверить Принцессу Любомилу в том, что она обожает и ирландцев, и хорватов, и уроженцев Корнуолла, и британцев афро-карибского происхождения. Ее безразличие к смешанной крови Принцессы Любомилы, которой последняя так гордилась, было поистине шокирующим.

– Это самый настоящий РАСИЗМ! – взвизгнула Принцесса Любомила. – Я не верю своим ушам! Я просто НЕ МОГУ ПОВЕРИТЬ в то, что услышала!

– Что ты услышала?

– Ты сказала, что тебе наплевать на ирландцев и хорватов, на жителей Корнуолла и британцев афро-карибского происхождения! Да-да! Прямо так и сказала! Тебе необходимо обратиться к консультанту, тебя надо срочно перевоспитать! Ты должна расти над собой, женщина, потому что у тебя явно не все в порядке.

– Я сказала, что мне наплевать *на тебя*.

– Да, но в моих жилах течет их кровь, а если тебе на кого-то наплевать, значит, ты его не уважаешь, а это значит проявлять неуважение, а если кого-то не уважают из-за его расовой принадлежности, это называется расизм, и я обязательно напишу об этом в своем блоге! Я пожалуюсь в трибунал!

Это была крайне серьезная угроза. Формально трибуналы по месту работы выполняли

роль медико-консультативных советов, куда обращались сотрудники, если поведение кого-либо из коллег заставляло их чувствовать себя дискомфортно. В действительности же это были марионеточные суды, послушно помогающие офисным заправилам продвигаться по службе и сводить счеты с непокорными. Чтобы погубить непокорного, агенту Храма достаточно было заклеить его как носителя социально чуждых идей. Любой человек в любой момент мог получить повестку с требованием предстать перед одним из таких трибуналов – людей обвиняли то в расизме, то в сексизме, хотя сами они обычно даже не знали, какой именно проступок навлек на них эту кару. Опровергнуть выдвинутые обвинения было невозможно, поскольку с течением лет понятия вроде расизма и сексизма стали толковаться так широко, что сделались почти бессмысленными. Фактически же расовая дискриминация и сексуальные домогательства существовали параллельно с деятельностью трибуналов и независимо от нее, причем в первую очередь благодаря тем самым людям, которые объявляли себя их жертвами.

Траффорд решил, что должен вмешаться. Если Принцесса Любомила и впрямь подаст жалобу в трибунал, у Сандры Ди будут крупные неприятности. Найдется сколько угодно свидетелей, которые подтвердят, что слышали от Сандры Ди расистский выпад, и если ей повезет, ее всего лишь отправят на курсы перевоспитания. А нынешнюю работу она наверняка потеряет.

– Принцесса Любомила, – сказал Траффорд, поднимаясь на ноги, – ты знаешь, как глубоко я тебя уважаю, а то, что ты гордишься своими предками, достойно всяческого восхищения. Как сильная женщина с ирландскими, хорватскими, корнуолльскими и афро-карибско-британскими корнями, ты невыразимо прекрасна. Однако я беру на себя смелость утверждать, что в словах Сандры Ди нет ничего расистского, а у тебя определенно не все в порядке, так что давай-ка бери себя в руки и расти над собой.

Полная ярости, Принцесса Любомила развернулась на сто восемьдесят градусов. Она уже открыла было рот, но словоизвержение не состоялось. Всего несколько недель тому назад она стерла бы Траффорда в порошок. Тогда ее авторитет в офисе был непререкаем, и никто не смел сказать ей, что у нее не все в порядке и что она должна расти над собой. Тогда она обрушила бы на Траффорда такой поток злобных обвинений, что он превратился бы в настоящего изгоя – возможно, его даже затащили бы в какой-нибудь темный чулан и отметили там хорошенько. Но теперь все изменилось. Траффорд уже не был бельмом на глазу у порядочных людей, жалким ничтожеством и придурком, которого можно было шпынять сколько душе угодно. Теперь он стал избранником Храма. Его исповедник провозгласил с кафедры, что он отмечен Богом-и-Любовью в каких-то особых целях. Его дочь была единственным ребенком в районе, пережившим священный мор. Если Принцесса Любомила проявит к нему неуважение, это будет означать, что она не уважает волю Храма и даже волю самого Господа – и тогда вся ее власть испарится в мгновение ока. Тогда она сама обратится в жертву, нагую и беззащитную перед всеми теми, кто прежде ее боялся. А таких наберется много!

– А, ну... ну да, – сказала Принцесса Любомила. – Если ничего расистского не было, тогда все отлично, правда? Я хотела только выяснить насчет взносов.

– Это ведь добровольные взносы, так? – спросил Траффорд.

– Конечно, добровольные. Нет же такого закона, чтоб их собирать!

– Значит, если кто хочет, тот может платить их и есть торты с пончиками, которые ты

покупаешь, а кто не хочет, тот может и не платить?

– Ну да.

– Тогда и я, наверное, не буду их платить, – сказал Траффорд. – Если, конечно, ты не возражаешь.

– Пожалуйста, – ответила Принцесса Любомила. Захватив с собой банку, в которую сотрудники складывали деньги, она вернулась к общему столу и с демонстративным равнодушием съела пончик. Больше никто не воспользовался шансом отказаться от уплаты взносов: если баланс сил в офисе и изменился, то лишь для Траффорда. У большинства его коллег по-прежнему не хватало духу перечить Принцессе Любомиле даже в мелочах.

Постепенно жизнь в отделе вернулась в свою колею. В течение дня Траффорд то и дело косился на Сандру Ди в надежде поймать ее взгляд, но она так ни разу и не посмотрела в его сторону. Зато ему улыбнулся Кассий, и Траффорду снова почудилось, что, кроме них троих, в отделе больше нет настоящих, нормально развитых личностей. Только он сам, Кассий и Сандра Ди. Конечно, должны быть и другие – он это понимал. Калуа наверняка настоящая, да и еще один-двое, кажется, скрывали от прочих какие-то черты индивидуальности, хотя он и не был в этом полностью уверен. Для Траффорда признаком истинной человечности было наличие секретов, а секретов этих людей он не знал.

И тут его осенила потрясающая, великолепная мысль. Он улыбнулся, вспомнив пророчество Куколки об особом задании, которое приберегла для него Любовь. Неожиданно для себя Траффорд понял, что он должен сделать.

26

– Это абсолютно исключено, – сердито сказал Кассий. – Мы не можем менять программу привлечения добровольцев. У нас так не делается.

– Вы же говорили, что долг каждого гуманиста – быть миссионером, распространять знания.

– А еще наш долг – не даваться в лапы инквизиции и не подставлять под удар всю нашу подпольную сеть!

– Сеть? Да какая там сеть! У вас просто уютный маленький клуб. Вы сами сказали, что во всей этой паршивой правоверной стране вас наберется не больше нескольких сотен. Вы хотите, чтобы дети, которых вы спасли своими прививками, выросли в том же поганом мире, что и мы? А как насчет детей их детей? А тех детей, что будут потом?

– Траффорд, мы не можем устроить революцию.

– Да почему? Почему мы не можем устроить революцию? Нам нужна революция!

Они вдвоем стояли лицом друг к другу в передней библиотеки Финчли.

– Нет, Траффорд, нам нужна *эволюция*! Нам нужны трезвые мыслители, а не отчаянные сорвиголовы. И вообще, что за спешка? – спросил Кассий. – Вы вызвали меня якобы из-за неотложного дела. По-вашему, стоило тащить меня через озеро ради этих сомнительных разговоров?

– Но это и есть неотложное дело, – возразил Траффорд. – Дорога каждая секунда. Черт возьми, да прежде чем найти вас и эту библиотеку, я потерял зря тридцать лет! Это почти целая жизнь! Жизнь, проведенная в невежестве и, что еще страшнее, в безысходной

отупляющей скуке. Я прозябал в мире, где есть только одна идея – вера, и только два развлечения – секс и сплетни. Вы отлично знаете, что до нашей с вами встречи я сохранял какое-то подобие индивидуальности лишь благодаря тому, что прятал от окружающих несколько жалких секретов. Ну разве это не бессмыслица? Копить чувства, как крыса копит мусор! Все время тарашиться внутрь себя, когда я мог бы расширять свои горизонты. День, когда я стал гуманистом, был днем моего второго рождения. До тех пор мой разум пребывал *in utero* – в эмбриональном состоянии. Если я заслужил этот шанс, то чем хуже миллионы других людей?

– Пожалуй, и они заслужили свой шанс, – ответил Кассий. Несмотря на свое раздражение, он не сумел сдержать улыбки, выслушав пылкую речь Траффорда. – Но поймите, у нас есть правила. Жесткие правила. Прежде чем вносить свои предложения, каждый новичок должен провести с нами как минимум год...

– Год! – вырвалось у Траффорда.

– ... и даже потом эти предложения будут подвергнуты тщательной проверке. Если вы выдадите нашу тайну не тому человеку, на вас почти наверняка донесут, а потом и вы сами под пытками донесете на нас.

– Тщательной проверке! – насмешливо повторил Траффорд. – Да если так себя вести, то люди не увидят света знаний еще тысячу лет!

– Это лучше, чем погасить его навсегда.

– Вы приняли меня. Почему вы были так уверены, что я на вас не донесу?

– Вы позволили мне сделать прививку вашему ребенку, Траффорд. Это полностью вас скомпрометировало, и теперь вы не можете ни на кого донести.

– Неужели это единственный способ распространения знаний – ждать, когда вам подвернется кто-нибудь с ребенком и позволит сделать ему прививку?

– Ну ладно, вы говорите, что придумали способ получше. Я внимательно слушаю.

– Он лежит на поверхности. Просто не понимаю, как я не додумался до него раньше. Вот почему это нельзя откладывать: слишком много времени потеряно зря!

– Но в чем же он состоит? Что это за гениальный способ?

– *Мы должны найти тех, у кого есть свои секреты!* – воскликнул Траффорд с горящими от возбуждения глазами. – Именно так вы нашли меня. Вы догадались, что у меня есть секреты.

– Мы работаем в одном офисе. У меня была возможность наблюдать за вами.

– Но разве вы не понимаете? У себя в Изразе мы можем наблюдать за всеми! У нас имеется доступ к таким мощным инструментам социологического анализа, что остается только правильно подобрать вопросы, и мы найдем *таких же, как мы сами!*

Кассий с любопытством прищурился.

– Продолжайте, – сказал он.

– Нам нужно изучить себя и наших товарищей-гуманистов, – пояснил Траффорд. – Определить наши общие особенности, черты характера и предпочтения. Принадлежим ли мы к типу людей, которые действуют таким-то образом в таком-то месте и в такое-то время? Когда мы составим нечто вроде своего коллективного психологического портрета, пусть даже очень приблизительного, я прочешу базы данных Израза в поисках соответствий. Нам надо всего лишь выяснить, кто мы, и это позволит нам отыскать тех, кто на нас похож.

Кассий помолчал, обдумывая услышанное.

– Готов признать, это и вправду очень остроумно, – наконец сказал он. – И вы полагаете, что сможете использовать программы и базы данных Израза, не привлекая к себе внимания?

– Почему бы и нет, если я буду соблюдать правила и действовать практически в открытую? Моя работа состоит в том, чтобы придумывать, о какой бы еще чепухе спросить компьютер, и это будет просто очередная чепуха. Я даже не стану ничего скрывать.

– Ну что ж, хорошо, – согласился Кассий. Несмотря на его усилия казаться равнодушным, было ясно, что он взволнован. – Я подумаю об этом и поговорю кое с кем. Возможно, вы и впрямь попали на золотую жилу, Трафффорд.

– Я в этом не сомневаюсь. Но я выполню свою часть задачи только при одном условии. Лицо Кассия посуровело.

– Если вы настоящий гуманист, – твердо сказал он, – то вы не должны ставить никаких условий!

– Я настоящий гуманист, но это дела не меняет. Я хочу, чтобы вы приняли одну девушку. Я знаю, что мне положено ждать год, но хочу, чтобы ее приняли сейчас.

Кассий устремил на Трафффорда долгий испытующий взгляд.

– Из нашего офиса, что ли? Сандру Ди?

Трафффорд попытался скрыть удивление.

– Почему... почему вы так думаете?

– Я наблюдаю за людьми. Вы это знаете, Трафффорд, и я сильно сомневаюсь, что вы готовы схлестнуться с нашей очаровательной Принцессой Любомилой ради *любой* девушки. Ну что, я угадал?

– Да. Я хочу, чтобы вы ее приняли.

– Почему вы решили, что ей можно доверять?

– Потому что у нее, как и у меня, есть секреты.

– Если вы ее раскусили, значит, она не слишком хорошо умеет их хранить, так?

– Нет, это несправедливо. Я узнал о них, потому что начал... В общем, я ее прогуглил.

– Зачем?

– Затем, что... мне стало интересно. Она меня заинтриговала. Но когда я почитал ее блог и посмотрел видео, то оказалось, что все это чужое. Она просто скопировала материал по кусочкам с других персональных сайтов. На самом деле она умеет хранить секреты гораздо лучше меня, гораздо лучше нас всех. Мы маскируем свои действия и свою настоящую сущность, а она изобрела способ, который позволяет ей абсолютно ничего о себе не сообщать, так что и маскировать-то нечего.

Кассий немного поразмыслил.

– Хорошо, – сказал он. – Можете поговорить с этой девушкой.

– Спасибо.

– Для начала хватит одной-двух книжек, – добавил Кассий, – причем вы должны сказать, что нашли их сами, случайно, где-нибудь на свалке или в канаве. Даже не намекайте на нас и наши библиотеки. Если ее реакция окажется положительной, тогда «найдите» еще одну книгу, а потом еще одну – и так до тех пор, пока не будете уверены, что ее воображение уже достаточно простимулировано и обратного пути для нее нет. После этого сообщите нам, и если мы дадим согласие, тогда и только тогда вы сможете рассказать ей о нас и привести ее в библиотеку, чтобы она выбирала книги сама. Вам все ясно?

Траффорд кивнул.

– Обещаете соблюдать эти условия?

– Да. Обещаю.

– Хорошо. Я посоветовал бы вам очень придирчиво выбрать те книги, с которых она начнет свое образование. Как вы знаете по собственному опыту, в первый раз читать что-то осмысленное бывает очень трудно. Мы отвыкли как следует концентрироваться, поэтому надо, чтобы текст сразу же привлекал внимание читателя. Поверьте мне, второго шанса у вас не будет. Чтение любого из старых текстов – невероятный риск, и книга должна быть настолько увлекательной, чтобы, принявшись за нее однажды, человек уже не смог противиться соблазну читать дальше.

– Ладно. Я над этим подумаю.

27

Беседуя с Кассием, Траффорд не сомневался, что Сандра Ди будет счастлива присоединиться к гуманистам. Однако по мере приближения следующего физиприса его волнение росло. В конце концов, раньше он почти не общался с Сандрой Ди, а теперь собирался с бухты-барахты предложить ей стать еретичкой. Хотя на предыдущем физиприсе он и принял ее сторону во время конфликта по поводу взносов в общественную кассу, она ни словом, ни жестом не показала, что благодарна ему за заступничество. Вдобавок она наверняка все еще сердилась на него за то, что ее имя прозвучало с кафедры на публичной исповеди.

Весь день Траффорд искал удобного момента, чтобы поймать взгляд Сандры Ди, момента, чтобы завязать разговор, но ему ни разу не представилось такой возможности. Он надеялся перехватить ее у лифтов в конце рабочего дня, но, уходя, она опередила его, и этот шанс тоже оказался упущенным. Дело кончилось тем, что Сандра Ди подошла к нему сама. Он шел из банка к метро, лавируя по напряженной народом улице, и вдруг услышал позади ее голос.

– Видимо, я должна вас поблагодарить? – сказала Сандра Ди. – Как по-вашему?

Она говорила громко, поскольку вокруг них бухали и хрипели тысячи плееров и прочих звуковоспроизводящих устройств. Некоторые люди пользовались наушниками, другие нет, очевидно рассчитывая порадовать своим музыкальным выбором как можно большее количество окружающих. Все это вместе с обрывками болтовни по мобильным телефонам создавало невыносимый шум, так что даже разговоры, не предназначенные для посторонних ушей, приходилось вести на грани крика.

– За то, что защитили меня от Принцессы Любомилы? Новый любимчик Храма приходит на помощь офисной замухрышке? Так, что ли? – продолжала Сандра Ди. – Между прочим, я и сама могу о себе позаботиться. – Она нагнала его и пошла рядом, но когда он покосился на нее, даже не повернула головы, будто разговаривала не с ним, а с кем-то, идущим впереди.

– Да-да, конечно. Я знаю, что вы сами можете о себе позаботиться, – сказал Траффорд извиняющимся тоном, хотя понимал, что ее уверенность – чистый блеф. Она не могла позаботиться о себе сама. Этого не мог никто – во всяком случае, когда становился мишенью

охоты на ведьм, когда толпа уже была готова напасть на жертву и растерзать ее. Такие ситуации развивались по своим законам и практически не поддавались разумному контролю. Каким бы пустячным и натянутым ни был повод для травли, нападающие, вдохновленные своей праведностью, быстро входили в азарт и не успокаивались, пока от объекта их гнева не оставались одни рожки да ножки.

– Просто мне надоела эта чертова Принцесса Любомила, вот и все, – сказал Траффорд. – Я бы за кого угодно заступился, лишь бы ей насолить.

– Почему ваша жена назвала мое имя на исповеди? – внезапно спросила Сандра Ди, сразу вытаскивая на свет божий то уродливое чудовище, которое словно пряталось между ними с того вечера, как Траффорд с Чанторией начали бракоразводный процесс.

– Потому что... – промямлил Траффорд и вдруг понял, что ему нечего ответить на этот вопрос, кроме правды. – Потому что все так и было: я читал ваш блог и смотрел ваши видеодневники, а она поймала меня за этим.

– Ну и что? Разве не все мужчины так развлекаются? Это ведь ваше законное право, верно?

– Да, но... но я смотрел только вас. А больше никого.

Они были в самой гуще толпы, медленно продвигающейся к дверям станции метро, которые то открывались, то закрывались. Их окружала плотная масса человеческих тел, перегретая, липкая и раздраженная. Слева, в десяти дюймах от лица Траффорда, с чавканьем пожиралась половина жареной курицы: краем глаза Траффорд видел яркое красно-белое ведерко, которое едок сжимал обеими руками, уткнув туда морду и поглощая его содержимое на ходу, точно лошадь с торбой.

Слева была курица, впереди – толстенная красная шея, мокрая от пота, сзади напирало чье-то жирное брюхо, но справа, как казалось Траффорду, на него веяло лишь приятным холодком. Он знал, что это не более чем иллюзия: ведь Сандра Ди тоже человек, а значит, на нее не может не действовать этот тяжкий, удушающий зной, который будто окутывает каждого из них толстым шерстяным одеялом. Наверное, она так же мучилась и потела, как и все остальные, но почему-то от нее исходил только аромат свежести. А когда ее рука касалась его руки – что, несмотря на все ее старания, происходило регулярно из-за уличной тесноты, – он чувствовал прохладу чистой, сухой кожи.

– Вы смотрели только мои видео? – услышал он ее слова.

– Да, – признался он. – Но я перестал... с тех пор, как жена сказала про вас на исповеди.

– Знаю. Я недавно проверяла своих посетителей, и вас среди них не было. А почему вы перестали?

– Ну... вы же рассердились.

– Рассердилась? С чего бы девушке сердиться на парня, который любит ее наготой? Я в полном восторге и страшно польщена, – сказала она, избирая социально корректную линию поведения, хотя в ее голосе звучал неприкрытый сарказм. – Кто-то смотрит, как я занимаюсь сексом. Что тут может не нравиться? Разве не такой реакции ждет от меня Храм? Разве не об этом мечтает каждая девушка – чтобы на нее смотрели, причем как можно чаще? Чтобы ее считали *динамитом в постели*?

– Ну... – Траффорд помедлил. Конечно, ответ был ему известен. Ей тоже. Но знала ли она, что он знает ответ? – Думаю, вы рассердились оттого, что девушки, которые занимаются

сексом в ваших дневниках, – не вы.

Все-таки он это сделал. Признался ей, что выведаль ее секрет – а ведь это самый бесцеремонный поступок, на какой только можно было решиться!

– Понятно, – откликнулась она нарочито спокойным и равнодушным тоном. – Я как раз спрашивала себя, догадались вы или нет. Неудивительно, что догадались. Эта ложь не была рассчитана на серьезную проверку.

Траффорд промолчал. Человек слева покончил с курицей, притормозил, чтобы создать зазор между собой и идущим впереди, и уронил на мостовую ведерко с обедками, настоящим крысиным лакомством.

– Вы из полиции? – спросила Сандра Ди.

– Нет, что вы! – воскликнул Траффорд.

– Шпион Храма?

– Нет-нет!

– Почему же тогда вы интересуетесь девушкой, которая готова скорее нарушить закон, чем вывесить на своем блоге честное видео?

– Мне это... понравилось. Понимаете, я тоже стремлюсь... поменьше лезть на глаза.

– Тогда зачем вы привлекли к себе внимание, защищая меня от Принцессы Любомилы? Не стоит делать из нее врага, даже если сейчас церковники к вам благоволят.

Ответ Траффорда прозвучал для него так же неожиданно, как, наверное, и для Сандры Ди.

– Затем, что... мне кажется, я в вас влюбился.

Он и правда не ожидал от себя такого ответа.

Вплоть до этой секунды он не признавался в своих чувствах даже самому себе. Конечно, он знал, что ему нравится Сандра Ди, что его тянет к ней, однако раньше он даже мысленно не употреблял в этой связи слова «любовь» – а тут вдруг взял да и разоткровенничался прямо перед объектом своей страсти. Ситуация была настолько странной, что у него закружилась голова.

– Не будьте идиотом, – сказала она. – Вы обо мне абсолютно ничего не знаете.

– Да. И это ваша заслуга. О вас никто ничего не знает. Я думаю, именно поэтому вы меня так... привлекаете.

Услышав это, она задумалась, и несколько минут они передвигались вместе с толпой в молчании. Огромные станционные двери распахнулись, потом снова закрылись. Суровый голос из динамика велел задним не напирать на передних.

– Может, поговорим в более удобном месте? – наконец спросила она.

– Это было бы здорово, – отозвался он. – А где?

– Держитесь за мной.

О том, чтобы выбраться из толпы желающих попасть в метро, уже не могло быть и речи: на это понадобилось бы не меньше часа. Вскоре они очутились под землей, в сумасшедшей духоте и давке.

– Проедем только одну остановку! – крикнула Сандра Ди, пробиваясь к краю перрона.

Когда пришел поезд, Траффорда так стиснули, что он едва не потерял свою спутницу. Как обычно, люди ринулись занимать места, мешая тем, кто пытался выйти на платформу. Траффорд с Сандрой Ди с боем прорвались в вагон и несколько минут дышали его спертым воздухом, густым, как патока. Потом поезд прибыл на следующую станцию, и битва

вспыхнула снова. Преодолевая сопротивление встречного людского потока, они выбрались на перрон, затем, также с огромным трудом, поднялись по замусоренному, давно не действующему эскалатору и наконец, оказавшись наверху, полной грудью вдохнули воздух, который на один счастливый миг показался им изумительно свежим.

– Куда идем? – отдышавшись, спросил Траффорд.

– К озеру, – ответила Сандра Ди. – У меня есть лодка.

– Ого! – Траффорд был поражен и восхищен. – Здорово. Как вы ее раздобыли?

В полузатопленном городе иметь лодку считалось огромной роскошью. Складной плазменный экран в двадцать квадратных футов стоил сушие гроши, но простые гребные лодки были только у очень богатых людей.

– Есть способы, – загадочно ответила Сандра Ди.

Они вышли на берег в Ноттинг-хилле – здесь, на месте прежнего района Хаммерсмит, раскинулась огромная марина с тысячами частных прогулочных лодок, привязанных к верхушкам ржавых фонарных столбов.

– Лодка – уже недешевое удовольствие, но откуда у вас еще и деньги на стоянку? – спросил Траффорд, когда они шагали по плавучему причалу среди длинных рядов печных труб.

– Детей у меня нет, паразита-любовника тоже, – откликнулась Сандра Ди. – Мои деньги принадлежат только мне. Кроме того, у меня всего лишь маленький ялик.

Траффорд не стал расспрашивать дальше, хотя знал, что за этим должно скрываться что-то еще. Как бы ни сложились у Сандры Ди житейские обстоятельства, оплачивать стоянку плавательного средства из жалованья старшего администратора – аналитика Госбанда было бы нелегким делом. Возможно, она получила наследство.

– Ну вот, – сказала Сандра Ди.

Они подошли к одной из многих почти одинаковых лодчонок с алюминиевым корпусом и единственной короткой мачтой. Забрались на борт, Сандра Ди быстро отвязала швартов и через несколько мгновений уже ловко прокладывала путь между крышами брошенных домов, из которых когда-то состояла улица Мейда-Вейл.

– Если бы я могла провести остаток жизни в этой лодке, то сделала бы это с радостью, – сказала Сандра Ди. – Ненавижу людей. По крайней мере, большинство из них. А когда собираются в толпу – тогда всех.

Некоторое время Траффорд молчал. Его вдруг захлестнуло такое счастье, что он хотел продлить этот миг и боялся сказать что-нибудь не то – не дай бог, эта удивительная женщина повернет лодку обратно к причалу и изгонит его из своего маленького рая.

– Здесь чудесно, – наконец вымолвил он.

И это действительно было так. Наверное, подумал Траффорд, на его долю никогда еще не выпадало ничего более чудесного. Быть наедине с такой девушкой, быть *вдали от толпы*. Озираясь, он увидел, что ближайшая лодка плывет не меньше чем в двадцати ярдах от них. Интересно, подумал он, приходилось ли ему раньше хоть раз в жизни оказываться на таком гигантском расстоянии от других людей? Одиночество – как это замечательно! Впрочем, он был не совсем один: рядом сидела Сандра Ди, она делила с ним его уединение, и это тоже было чудом. Она казалась такой прекрасной и сильной; теплый ветерок, который мягко наполнил поднятый парус, потревожил и ее платье, открыв до колен стройные ноги.

– Ну? – прервала молчание Сандра Ди. – Так как же вы разгадали мой секрет?

– Честно говоря, случайно, – признался Траффорд. – В тот день, когда Принцесса Любомила стала возмущаться, что у вас нет грудных имплантатов... вечером я пришел домой, залез на ваш сайт и почти сразу заметил, что там нет ничего по-настоящему вашего.

– Зачем вам это понадобилось?

– Вы меня заинтриговали. И я почувствовал... что у нас есть что-то общее. Глядя на вас, я подумал, что вы держите часть своей личной жизни в секрете, не подчиняясь ортодоксии Храма. Выяснилось, что я был прав, хотя сначала и не догадывался, как далеко вы зашли.

– Скрытность запрещена законом.

– Конечно.

– Вы обнаружили, что я совершила преступление.

– Да.

– И продолжали любоваться моим преступлением, пока ваша жена не рассердилась и не привлекла к моему блогу внимание всех жителей нашего района, любой из которых теперь может его проверить.

– Я знаю, что подверг вас опасности. Простите.

Вдруг Сандра Ди извлекла из-под лежащего на дне мотка веревки рабочий нож устрашающего вида. Его лезвие было тщательно отполировано и грозно сверкало в солнечных лучах.

– Я могу вас убить, – сказала она. – Прыгнуть вперед, вонзить в вас нож – и дело в шляпе. Никто не заметит, никто не станет искать. Просто по озеру будет плавать еще один труп, зато мои секреты останутся в сохранности.

– Они и так в сохранности, – поспешно уверил ее Траффорд. – Я знаю только, что они у вас есть. Все остальное покрыто тайной.

– Ну и что же? Инквизиции плевать, какие у вас секреты, для нее главное, что они есть, – сказала она, по-прежнему играя ножом, пробуя его на остроту большим пальцем. Иметь секреты – это уже преступление. Скрытность – тоже преступление. Мне повезло, что пока ваше дурацкое любопытство не довело до беды, но кто знает? Возможно, когда-нибудь вы меня предадите.

– Нет.

– Зачем мне рисковать?

– Я никогда не предаю вас. Я влюблен в вас. Влюблен в ваши секреты. Я скорее умру, чем кому-нибудь о них расскажу.

– Почему это вы влюблены в мои секреты? Какой интерес они могут для вас представлять?

Она все еще поигрывала ножом, но уже улыбалась, и что-то в этой улыбке придало Траффорду смелости. Что-то в ее движениях – глядя на него, она положила левую ногу на правую, потом наоборот, – и даже то, как она держала нож, подсказало ему, что он может заговорить с ней о чувствах, которые бурлили у него в груди.

– Потому что благодаря вам я понял: во всем мире нет ничего более волнующего, чем тайна. Ничего более эротичного. Ваше тело – тайна для меня. Ваша сексуальная душа для меня совершенно скрыта, и именно поэтому я так хочу ее узнать. Кроме этого, я больше ничего не хочу. У меня дух захватывает от желания.

На мгновение она показалась ему менее уверенной в себе, словно чуть-чуть

растерялась. Даже слегка покраснела – он заметил это, несмотря на солнцезащитный крем. Потом ее губы медленно скривились в иронической усмешке. Она отложила нож и откинулась назад, будто наслаждаясь теплом солнечных лучей, которые ласкали ее обнаженные ноги и руки.

– Как это поэтично, Траффорд. Моя сексуальная душа? Дух захватывает от желания? Ей-богу, это может вскружить девушке голову!

Траффорд ничего не ответил – он молча смотрел на нее, упиваясь этим зрелищем. Томная и прекрасная, лениво и свободно раскинувшаяся на солнце, она вытянула ноги, а ветерок прижал ее платье к телу, обрисовав его стройные, изящные формы.

– Значит, хочешь меня? – почти будничным голосом спросила она. – Хочешь, чтобы я прямо сейчас раскрыла свою тайну?

Траффорд только сглотнул: у него вдруг пересохло в горле.

– Хочешь, чтобы я сняла платье, как положено добропорядочной девушке? – продолжила она, и ее босая нога тихонько поползла к нему по днищу лодки. – Хочешь услышать, как именно я «делаю это»? Хочешь сорвать мой цветок и растопить мой лед?

– Больше всего на свете, – ответил было он, но тут же добавил: – А впрочем, нет.

– Нет?

– Нет, не хочу.

– Почему?

– Потому что если ты на это пойдешь, предвкушение исчезнет, покровы будут сорваны, тайна раскрыта, а этого я не вынесу. Благодаря тебе я понял прелесть недоступного. Мы живем в очень скучном мире, где всё на виду, всё «с гордостью» выставляется напоказ. А я теперь знаю, что нет ничего более возбуждающего, чем *почти* знать. Ничто не может сравниться с *неутоленным* желанием увидеть тебя обнаженной, с этой сладкой мукой... Я никогда не чувствовал себя более живым, чем сейчас, и хочу, чтобы это длилось вечно.

– Ты сейчас представляешь меня раздетой?

– Да, конечно. И себя вместе с тобой.

Сандра Ди улыбнулась, и ее обычная прохладная отстраненность словно на миг куда-то пропала.

– Ну и как? – спросила она.

– Это великолепно. Ничего не может быть прекраснее. Ты только подумай! Красота. Совершенство. Когда ты в последний раз встречалась с ними в нашем жалком мире? А я теперь могу *представить* их себе в любой момент, как только захочу! Невероятно. Вот что значит сила воображения. *Выдумка* сознания! Мне и не снилось, что такое счастье возможно.

– Да нет же, – сказала она, и удивленный Траффорд увидел на ее лице румянец. – Я спросила «как» не в том смысле.

– А в каком?

Теперь ее щеки уже определенно были алыми, и на мгновение она отвернулась, точно боясь встретиться с ним взглядом.

– Я хочу знать, *как именно* ты все это себе представляешь, – произнесла она тихо, почти шепотом. – Расскажи мне сейчас.

– Ты садись, – начал Траффорд, и слова, к его собственному удивлению, легко полились из его уст. – Я уже расстегнул верхние пуговицы твоего платья, спустил его с твоих плеч, целуя их, и теперь оно спадает дальше, обнажая грудь. Ты смотришь на меня и

улыбаешься, потом твой рот немножко приоткрывается, и я вижу твои белые зубы.

– Серьезно? – спросила Сандра Ди, и ее рот действительно чуть-чуть приоткрылся, в точности как описал Траффорд. – А дальше?

– Мы вместе расстегиваем остальные пуговицы.

– Вместе? – хихикнув, спросила она. – Это как же?

Она снова посмотрела прямо на него, но теперь в ее взгляде была мягкость, которой Траффорд еще никогда в нем не видел.

– Ты расстегиваешь первые две-три, – пояснил он, – а потом направляешь мои руки вниз и позволяешь расстегнуть остальные.

– А потом?

– Потом я полностью распахиваю платье, и оно соскальзывает с твоих рук и падает вокруг тебя на скамью, как лепестки цветка. Ты сидишь на нем, и твоя белая кожа ярко светится на солнце. Белье у тебя очень простое: ты выбирала его из соображений собственного удобства, а не ради того, чтобы соответствовать какому-то сетевому порнографическому образцу.

– Понятно. Значит, я девушка разумная? Очень мило. Мне нравится.

– Ты сама себе хозяйка. Ты одеваешься, чтобы доставить удовольствие себе, а не мужчинам.

– Льстец, – сказала она. – Ты наверняка говоришь это всем девушкам. Ну ладно – итак, я сижу здесь, на скамье, в своих простых и удобных трусиках и лифчике. Что дальше?

– Я кладу ладонь тебе на живот, прямо над трусиками. Я чувствую твое дыхание. Ты наклоняешься ко мне – в этот момент я вижу, как сместились твои груди внутри лифчика, вижу ложбинку между ними, – берешь мою рубашку за полы и снимаешь ее через голову.

Сандра Ди чуть подвинулась на сиденье и слегка подалась вперед, зажав руки между коленей.

– И как ты выглядишь? – спросила она.

– Не знаю. Как, по-твоему, я выгляжу? – отозвался Траффорд.

– По-моему... ничего себе, – сказала Сандра Ди. – И что потом?

– Я кладу руки тебе на спину, нежно пробегаю пальцами по позвоночнику, чтобы найти застежку лифчика, без труда расстегиваю ее, и он падает. Теперь твоя грудь открыта – она крепкая и настоящая с розовыми сосками на белой коже, похожими на чуть недоспелые клубничины в сливках. Ты откидываешься назад, ложишься на платье и засовываешь большие пальцы под резинку трусиков. Твои ноги слегка раздвинуты. Я вижу, как из-под тонкой хлопковой ткани в самом узком месте выбиваются два-три рыжеватых волоска.

Сандра Ди снова покраснела и усмехнулась, чтобы скрыть смущение.

– Небрежная бикини-эпиляция? Как неприлично!

– Ты поднимаешь ноги и одним движением снимаешь трусики. Еще одна тайна раскрыта! У тебя там густая, естественная женская поросль, а не дурацкая щетина, оставшаяся после бритья, и не красная воспаленная кожа, какая бывает, если пользуются специальным кремом...

Сандра Ди открыла рот, собираясь что-то сказать, но Траффорд опередил ее.

– Не говори, прав я или нет! Я не хочу знать. Нет, не так: *я знаю*, что прав, потому что Сандра Ди, которую я описываю, – моя, она создана моим воображением.

– Она мне нравится, – тихо ответила настоящая Сандра Ди.

– Я стою перед тобой на коленях, стою между твоих ног и смотрю. Смотрю жадно, стараясь ничего не упустить. Потом поднимаю голову, чтобы взглянуть тебе в глаза, и ты отвечаешь мне своим взглядом. Ты глядишь на меня едва ли не гневно, в упор, и вдруг улыбаешься – мягкой, ласковой улыбкой. И опять наклоняешься вперед; я вижу, как твои груди, качнувшись, повисают в воздухе – каждая по отдельности, обе идеальной формы. Вижу тоненькие складки у тебя на животе: когда ты наклоняешься, твой пупок почти скрывается в одной из них; ты протягиваешь руки и расстегиваешь мои шорты, я встаю, и ты снимаешь их, я переступаю через них, и тогда ты берешь и...

– Хватит! – сказала она дрожащим голосом.

– Хватит?

– Да. На сегодня довольно. – Она кинула на него короткий, но пристальный взгляд, и Траффорду почудилось, что в ее ясных серых глазах мелькнула печаль. Но тут она рассмеялась и добавила: – Знаешь ли, не всякая девушка решится представить себе, что пошла до конца на первом же свидании.

Траффорд рассмеялся тоже. Забавно было это слышать. Эта фраза насчет того, чтобы пойти до конца на первом же свидании, вынырнула откуда-то из глубины времен. Теперь ее употребляли разве что в ироническом смысле. Теперь все шло до конца хоть на первом свидании, хоть на любом другом. А почему бы и нет? Если это занятие приятно, то ему, очевидно, следует предаваться как можно чаще и без всяких проволочек. Траффорду было радостно сознавать, что они с Сандрой Ди снова бросили вызов господствующим ныне обычаям. Даже в своем воображаемом слиянии они не стали уподобляться толпе. Кроме того, с надеждой подумал он, раз она говорит о первом свидании, значит, не за горами и второе.

– То есть... мы еще встретимся? – запнувшись, проговорил он.

– Да, – ответила она. – Я не против. Мне было интересно, а у меня в жизни не так уж много интересного. Ты был прав: воображать – это действительно здорово.

Они посидели молча в медленно дрейфующей лодке. В магазинчике у причала Сандра Ди запаслась пивом, и хотя оно давно уже нагрелось, они выпили его с удовольствием, а потом слушали, как о борта плещется вода, и смотрели, как солнце садится за печные трубы.

– А твоя жена, с которой ты разводишься, не будет волноваться, что тебя нет? – спросила Сандра Ди. – Может, надо было ей позвонить?

– Меня часто не бывает дома. Она привыкла. К тому же теперь она у нас знаменитость, так что у нее и без меня хлопот полон рот. Женщины ходят к ней, просто чтобы поддержать на руках нашу дочку: надеются, что и им передастся благословение Любви.

– Она, наверное, рада.

– Она в восторге. А мне жалко на них смотреть. Дуры суеверные.

Сандра Ди беспокойно оглянулась вокруг: даже людям, признавшимся друг другу в своей склонности к уединению, не стоило вести такие рискованные разговоры.

– Поосторожнее, Траффорд, – сказала она. – Следи за своим языком.

– Мне все равно. Что думаю, то и говорю. Они безмозглые курицы, которые верят во все подряд.

– А ты не веришь, что твоего ребенка спасло божественное вмешательство?

– На земле много миллионов детей. За границей, в Другом Мире, их умирает еще больше, чем в правоверных странах. Разве может Бог, каким бы он ни был, следить за

судьбой каждого из них в отдельности? Да и зачем ему это? Убить большинство и при этом спасти одного ради какой-то загадочной цели? Это противоречит логике.

– Тогда как ты объясняешь то, что она пережила эпидемию кори?

Прежде чем ответить, Траффорд поразмыслил над ее вопросом.

– Я не хочу тебе говорить, – сказал он наконец.

– Опять секрет?

– Да.

– Понятно, – сказала она и тут же добавила будничным тоном: – Значит, ты сделал ей прививку.

Траффорд опешил. Теперь настала его очередь пугливо озираться по сторонам.

– Я... я не хочу ставить тебя под угрозу, обсуждая с тобой подобные вещи, – быстро промолвил он.

– Не волнуйся, – сказала она, – я тебя не выдам.

И вновь между ними наступило молчание, но теперь это было молчание друзей. Общие секреты, да еще такие опасные, волей-неволей связали их друг с другом.

– Раскрой мне еще один, – спустя некоторое время сказала Сандра Ди.

– Секрет?

– Да. Ты наверняка знаешь что-нибудь по-настоящему увлекательное.

Траффорд понял, что более удобного момента ему может и не представиться.

– Ладно, раскрою.

– Только хороший.

– Очень хороший.

Сандра Ди ждала, пока Траффорд размышлял, как бы получше сформулировать то, что хотел сказать ей уже давно, с того самого физиприса, когда на нее напала Принцесса Любомила.

– У меня есть ключ от двери, – медленно произнес он. – Двери в иной мир. В иную вселенную. Даже в тысячу вселенных.

– Ого, – сказала она. – Вот уж секрет так секрет.

– Я могу войти в эту дверь и оставить позади этот отвратительный город, в котором мы живем. В любой момент я могу сделать несуществующими и Принцессу Любому, и модератора нашего домашнего чата, и все эти бесконечные толпы потеющих, жующих, рыгающих хамов и дураков. Я могу выключить новости и рекламу, могу избавиться от всех этих мерзопакостных любимцев публики и ведущих реалити-шоу, могу убрать с глаз долой все голые тела, совокупающиеся на каждом экране, на каждой стене. Могу забыть о бомбах и о войнах, которые ведутся ради сохранения мира, Храма и глупых, противоестественных Законов Уэмбли. Я могу сбежать от всего этого. Вот он, мой секрет. Вот что я могу сделать, Сандра Ди. В моей власти заставить все это *исчезнуть*.

– Скажи мне как, – жадно откликнулась она. – Я хочу знать.

– Что ж, – ответил Траффорд, – минуту назад ты сама сказала, что воображать – это здорово.

– И?

– Это и есть ключ. Спасти от творения человеческих рук, которое мы называем реальностью, можно с помощью разума и *воображения*. Я открыл... книги.

– Книги? – Сандра Ди не смогла скрыть разочарования. – Все книги – дрянь.

– Книги бывают разные, – заметил Траффорд.

Он достал из полиэтиленового пакета то, что на первый взгляд было «Питанием в традиции фэншуй» – популярной брошюрой, утверждающей, что человек может достичь внутренней гармонии и высокой духовности, правильным образом располагая продукты, прежде чем их съесть. Будь то на тарелке или в картонной коробке, способ пространственного взаимодействия вашего гамбургера с жареной картошкой мог помочь вашему духовному росту или замедлить его.

– Шутник, – сказала Сандра Ди, с презрением глядя на книгу.

Тогда Траффорд снял с книги обложку, и в руках у него остался потрепанный экземпляр «Грозового перевала».

– Это чудесная история, написанная много лет назад, – сказал он. – Я выбрал ее для тебя; почитай, если хочешь. Когда будешь читать, мир, в котором мы живем, пропадет. Вместо него ты окажешься в том, что описан в книге, – в мире подлинных страстей, вечной любви, сложных переживаний и *простора*, удивительного простора вокруг. Ты будешь гулять на ветру по широким полям, и в лицо тебе будет сыпать прохладный дождь. Твоя душа вырвется на волю и будет бродить в одиночестве – одна на бескрайней пустоши тайной, обреченной любви.

Сандра Ди взяла у Траффорда книгу.

– Если меня с ней поймают, то по меньшей мере закуют в колодки. И отхлещут по пяткам.

– Поверь мне, игра стоит свеч.

– Где ты ее взял?

– Я ее... нашел. Если тебе понравится, могу найти еще. Ну что, считаешь?

– Да, с удовольствием.

Солнце почти село, а с его закатом утих и ветерок. Сандра Ди спустила парус, и они медленно поплыли на веслах к причалу.

– Я чудесно провела время, Траффорд, – сказала Сандра Ди, когда они прощались. – Даже не помню, когда я в последний раз говорила с кем-нибудь так, как сегодня с тобой.

– И я тоже, – сказал Траффорд.

– А еще, – добавила Сандра Ди, поцеловав его в щеку, – спасибо тебе за секс. Это было великолепно.

28

Траффорд с Кассием шли по Хампстед-хит в сторону паба «Джек Строз Касл». Траффорду еще никогда не доводилось бывать на этом островке Лондонского архипелага – тут был своего рода заповедник, где за прочной оградой и под охраной вооруженных стражей обитали богачи, старейшины Храма, высокие правительственные чиновники и крупные бизнесмены.

– Мы идем в гости к Коннору Ньюбери, – сообщил Кассий, когда они с Траффордом свернули на улицу, состоящую из особняков на две квартиры, у каждой из которых был свой палисадник – свидетельство невероятного богатства местных жителей. Траффорд прекрасно знал, кто такой Коннор Ньюбери: популярный, слегка фатоватый ведущий разговорных шоу

на телевидении и в интернете, он прославился своей дерзкой непочтительностью к старейшинам Храма, хотя никогда не заходил в этом отношении дальше шуток насчет толщины их животов и недостатка вкуса, который они проявляли, выбирая себе украшения. – Дело в том, что он один из нас, – пояснил Кассий, когда они приблизились к нужному дому.

Внутри их провели в большую гостиную. Такой комнаты Траффорд никогда прежде не видел: вместо плазменных экранов на стенах висели картины, выглядевшие так, будто их создали только из холста и красок. На полу лежал толстый, роскошный ковер, а мебель – глубокие кожаные кресла, диван с подушками и маленькие, элегантные журнальные столики – казалась очень старой. Два кресла были заняты. Сам Коннор Ньюбери, которого легко было узнать по его обычному костюму, эпатажному мужскому бюстгальтеру ярко-малинового цвета и серебристым шортам, охлаждался, стоя задом к бодро урчащему кондиционеру и покуривая огромную сигару.

– Ага! – воскликнул знаменитый ведущий. – Рад приветствовать вас, Кассий, и вас, наш новый компьютерный гений. Я Ньюбери – впрочем, вы, конечно же, и так узнали меня, Траффорд! А это профессор Медуница Тейлор, – приятного вида пожилая женщина в просторном сарафане рассеянно кивнула Траффорду, – и Билли Макаллан.

– Салют, ребята, – сказал Макаллан, бритоголовый здоровяк с татуировками на волосатых ручищах, похожий не на книгочея, а на чемпиона по боям без правил.

– Мы четверо – сенат общества гуманистов, – продолжал Ньюбери, – а я его председатель, потому что в моем шикарном доме удобней всего встречаться!

Траффорд обменялся рукопожатиями с Тейлор и Макалланом. К Ньюбери он подходить не стал, поскольку тот величественно махнул ему со своего места.

– Итак, – продолжал хозяин, – нам с вами надо кое-что обмозговать! Судя по словам Кассия, вы считаете, что нам, скромным революционерикам, не хватает широты мышления.

Затем Траффорду налили выпить и предложили снова рассказать о проекте, который он обдумывал с тех пор, как впервые поделился с Кассием идеей, положенной в его основу.

– Должно быть, вы знаете, что я системный программист и работаю в Изразе, отделе Государственного банка данных, – начал Траффорд.

– Сочувствую, – заметил Ньюбери. – Тоска, наверное, смертная!

– Израз означает «изучение различий», – продолжал Траффорд, не обратив внимания на эту реплику. – Но основная наша задача состоит в том, чтобы обнаруживать связи между людьми, фиксируя все, что у них есть общего, в чем бы это общее ни заключалось. Вся программа немыслимо огромна – вспомните притчу о зернышках пшеницы, количество которых должно было удваиваться на каждой следующей клетке шахматной доски, только наша доска величиной с футбольное поле. Мы берем то, что характеризует каждого человека, от цвета его волос и любимого сорта овсянки до частоты поездок на автобусе или метро, и ищем соответствия по каждой характеристике с использованием всей хранящейся у нас информации.

– Вот на что уходят наши налоги, – снова вмешался Коннор Ньюбери: видимо, он был не и силах выйти из роли, которую каждый вечер играл на телевидении. – Нет, вы только прикиньте!

– То, что я предложил Кассию, – продолжал Траффорд, – сводится к следующему: мы,

гуманисты, должны определить наши общие особенности, после чего я введу эти данные в компьютер Израза и с их помощью разыщу людей, похожих на нас. А когда они будут найдены, мы вступим с ними в контакт.

– Каким образом? – осведомилась профессор Тейлор.

– Мы отправим всем этим людям специальное электронное сообщение, которое их заинтеригует. Потом мы начнем понемногу их просвещать, а потом создадим из них мощную организацию.

– Неслабая работенка, дружище, – заметил Вилли Макаллан.

– Храм – неслабый противник, – откликнулся Траффорд.

– Отлично сказано! – похвалил его Ньюбери. – Ну ладно. Давайте попробуем поискать, что у нас общего. Странное дело, но я почему-то считаю себя уникальным... совершенно не похожим не только на вас, Траффорд, но и на всех остальных в этой комнате. Как вы думаете, что может объединять меня со всеми, кто здесь присутствует?

– Наверное, Кассий уже говорил вам, что самым важным я считаю наличие секретов. По-моему, если человек хотя бы в какой-то мере склонен к замкнутости, он уже хороший кандидат для обращения в гуманизм.

– Звучит разумно, – согласилась профессор Тейлор.

– А мне так не кажется, – возразил Ньюбери. – Отнюдь не все мы интровертные серые мышки вроде вас, Медуница! Я всегда на виду, и мне это нравится! Я экстраверт от природы, и демонстрировать себя публике – моя профессия!

– Но я заметил, что у вас здесь нет плазменных экранов, – сказал Траффорд.

– Это правда, – кивнул Ньюбери. – Но ведь я знаменитость, а нашему брату с этим труднее. На меня все постоянно пялятся. Должен же я хоть когда-нибудь оставаться один!

– При всем моем уважении к вам, – сказал Траффорд, – мне представляется, что многие рассуждают точно так же. Все постоянно пялятся друг на друга, и совсем не надо быть знаменитым, чтобы иногда испытывать желание спрятаться от чужих глаз. Я сам недавно промедлил с публикацией родильного видео и чуть не нажил себе крупные неприятности. Дело тут не в том, экстраверт вы или интроверт; я говорю о людях, которые не считают желание оставить что-то при себе извращением, а может быть, даже подозревают в нем добродетель.

– Ну хорошо, – сказал Ньюбери. – Если мы принимаем вашу идею, то как нам найти этих людей?

Я полагаю, наш гость как раз собирался к этому перейти, Коннор, – с легким раздражением вмешался Кассий.

– Мне кажется, – поспешно заговорил Траффорд, – что в первую очередь нам следует поискать тех, за кем нельзя наблюдать в реальном режиме все семь дней в неделю по двадцать четыре часа в сутки. Мне нужно написать программу для поиска людей, которые пытаются создать в своей жизни паузы, периоды нахождения вне зоны видимости. Заодно можно будет сделать так, чтобы эта программа одновременно определила, сколько времени люди тратят *на наблюдения за другими*. Мы должны искать тех, кто смотрит трансляции из соседских квартир достаточно редко – только чтобы не давать повода для лишних разговоров.

– Почему? – спросил Ньюбери.

– Потому что если человек способен интересоваться чем-то еще, кроме вуайеризма и

сплетен, то мы можем надеяться, что в голове у него не совсем пусто.

– Толково придумано, – заметил Билли Макаллан.

– Интересоваться чем? – спросил Ньюбери.

– Чем угодно. Выращивать комнатные растения. Пробовать самостоятельно печь пироги. Строить кораблики из спичек и бутылочных крышек...

– Горшки с цветами? Кулинария? – засмеялся Коннор Ньюбери. – Игрушечные кораблики? Бред какой-то.

– Я строю кораблики, – твердо заявил Макаллан.

Кассий явно начинал сердиться.

– Думаю, сейчас вряд ли справедливо требовать от Траффорда, чтобы он представил нам схему действий, свободную от всех недостатков, – сказал он. – Из любого правила найдется тысяча исключений. Пока Траффорд пытается сделать только одно: нащупать те черты характера и поведения, которые выглядят достаточно невинными и не возбуждают подозрений у Храма, но позволяют предполагать, что у их обладателей есть зачатки чувства собственного достоинства. Кстати, лично мне сдается, что нежелание участвовать в гробьях тоже может стать неплохим индикатором.

Все, включая Ньюбери, согласно кивнули.

– Это верно, – сказал Траффорд. – Я ненавижу гробья и стараюсь уклониться от них всеми правдами и неправдами. Между прочим, почти во всех учреждениях есть сетевые доски объявлений, и их модераторы – я сужу по модератору нашего офиса, но другие едва ли ведут себя иначе, – ежедневно отмечают в своих блогах фамилии тех, кто отсутствовал на последних гробьях. Можно скопировать эти записи и взять на заметку тех, чьи фамилии повторяются чаще всего.

– Ух ты, – восхищенно сказал Ньюбери. – Нам повезло, что вы не работаете на инквизицию.

– Еще один признак, который нам стоит проверить, – это религиозный пыл. – Траффорд понемногу входил во вкус обсуждения. – Мне кажется вполне очевидным, что люди, постоянно демонстрирующие готовность слепо верить во что попало, едва ли станут бунтовать против сложившегося порядка вещей. Следовательно, если мы возьмем несколько слов, связанных с верой и предрассудками, – к примеру, «карты таро», «гороскоп», «медиум», «перевоплощение», – то сможем определить людей, которые часто употребляют их в своих дневниках и во время интернет-трансляций, и исключить их из списка наших потенциальных единомышленников.

– Боюсь, тогда нам придется выкинуть оттуда большинство моих зрителей, – обронил Ньюбери.

– Любителей публично исповедоваться тоже надо исключить, – подала голос профессор Тейлор. – Этих ужасных типов, которые рта не закрывают на церковных собраниях. А еще... возможно, это и пустяк, но я думаю, что частое употребление таких слов, как «спасибо» и «пожалуйста», может быть признаком мятежного духа.

– Знаете что, Тейлор, – возразил Ньюбери, – я опасаюсь, что так мы с вами наwerbуем одних зануд.

– Хорошие манеры не имеют ничего общего с занудством, – огрызнулась профессор.

– Позвольте мне подытожить сказанное за Траффорда, – твердо произнес Кассий. – Итак, он собирается создать программу для поиска тех, кто склонен к уединению, избегает

досужей болтовни, имеет хобби, не питает большой симпатии к гробьям, редко пользуется словами из лексикона легковых, не любит выступать на публичных исповедях и следит за своим поведением.

– Что ж, – сказал Ньюбери, – недурственно для начала. Допустим, наш юный друг принесет нам список тех, кто соответствует этому слегка угнетающему портрету, – и что дальше?

– Мы выйдем с ними на связь, – ответил Траффорд. – Дадим им понять, что они не одиноки. Начнем создавать тайное общество – объединять людей, которые хотят *мыслить самостоятельно*.

– Но что мы им скажем? Не пошлешь же им письмо со словами: «Привет, мы тоже ненавидим Храм»?

– Первое, что нам нужно сделать, – сказал Кассий, – это отправить им краткое изложение теории эволюции. В ней ключ ко всему – именно в этой теории Храм видит главную опасность для себя.

– Вот-вот, – сказала Тейлор. – В том-то и беда! Если мы заполним интернет пропагандой дарвинизма, инквизиция сразу нас вычислит, не успеем и глазом моргнуть.

– Мы не будем ничего «заполнять», – объяснил Траффорд. – Я создам хорошо защищенный почтовый ящик, и мы будем рассылать из него закрытые письма по конкретным адресам. Даже если эти письма вскроют, до нас не доберутся. Но я не думаю, что их вскроют. В конце концов, нас никто не ищет. Полиция ведет мониторинг сети с целью обнаружения мятежных сайтов и чатов, но они проверяют корреспонденцию только у тех, кто уже попал под подозрение. Как всем нам известно, большинство электронных писем – это спам.

– Кстати, о спаме, – сказал Билли Макаллан. – С чего вы решили, что люди, на которых мы нацелимся, станут вскрывать наши непрошенные письма, да еще и читать их? Лично я уничтожаю девяносто пять процентов мусора, который ко мне приходит.

– Я долго об этом думал, – ответил Траффорд. – Тут вся штука в заголовке, верно? Нам нужна фраза, которая задела бы их за живое, привлекла внимание. Как насчет такой: «А ты умеешь хранить тайну?»

29

Через два месяца после того, как эпидемия кори-плюс сняла с Башен Вдохновения свою кровавую дань, на них обрушилась новая свирепая болезнь. Конечно, местные власти ожидали второй эпидемии: условия, способствовавшие размножению одного вируса, были благоприятными и для других. Жара, сырость, проблемы с уборкой мусора и откачиванием воды – все это увеличивало вероятность очередного «божественного возмездия». За корью-плюс пришла свинка-плюс – она тоже передавалась воздушно-капельным путем, – и снова среди детей начался мор невиданной доселе жестокости. Даже ныне живущие взрослые раньше считали свинку вполне излечимой: все они болели ею в детстве, и это было неприятно, но не фатально. Однако ее вирус мутировал с каждой новой атакой, пока не превратился в смертельный. И вновь в квартиры вернулась лихорадка вместе с головной болью, воспалением горла и характерным вздутием околушных желез, и вновь из дверей

комплекса, где жили Траффорд с Чанторией, Стали выносить маленькие белые гробики. Практически всех младенцев уже скосила корь-плюс, и теперь наступил черед детей постарше.

Бедные дети умирали один за другим, но Мармеладка Кейтлин, как и в прошлый раз, даже не думала хворать. Она не кашляла, у нее не поднималась температура и не опухали железки. У людей исчезли последние сомнения в том, что Любовь осенила эту девочку своим благословением, и Чантория продолжала купаться в лучах славы.

Матери приносили своих больных дочек и сынишек к Траффорду и Чантории в надежде, что, поиграв с Мармеладкой Кейтлин, их дети чудесным образом избегают гибели. Сначала Траффорда удивляло, что Чантория позволяет их дочери водиться с этими маленькими страдальцами, на которых было жалко смотреть: в конце концов, пережить эпидемию – это одно, а искушать судьбу, провоцируя заражение, – совсем другое. Он был искренне рад за Чанторию, полагая, что она признала в вакцинации достижение науки, на которое можно рассчитывать. Тем сильнее оказалось его разочарование, когда выяснилось, что дело обстоит ровно наоборот. Могущество прививок так и осталось для Чантории нелепой фантазией. Эпидемии были настолько безжалостными и счастье Мармеладки Кейтлин казалось настолько невероятным, что Чантория просто не смогла заставить себя поверить, будто подобное чудо может быть результатом одного-единственного укола. Разве человеческий разум способен на такие чудеса?

Со всех сторон окруженная ревнивым восхищением, одурманенная комплиментами исповедника Бейли, а главное, преисполненная благодарности за спасение своего ребенка, Чантория все истовее верила в то, что Мармеладка Кейтлин уцелела по особому велению Бога-и-Любви.

Траффорд был вне себя от ужаса и отвращения. Успех вакцинации парадоксальным образом толкнул Чанторию в объятия верующих.

– Нашего ребенка спасла наука! – сердито воскликнул он в один из тех редких дней, когда ему удалось уговорить жену ненадолго отключить звуковую трансляцию в интернет из их квартиры. – Результат интеллектуальной деятельности людей. Здесь нет ни тайны, ни чуда – только холодные неопровержимые факты.

– Нет, – возразила Чантория, – я в это не верю. Ты видел, что происходит с остальными детьми? Боль, сыпь, лихорадка, опухоли! Они умирают, Траффорд! Как мог один несчастный укол защитить от всего этого нашего ребенка? Нет, прав отец Бейли: это под силу только Богу-и-Любви.

– Отец Бейли не знает, что Кейтлин сделали прививку! А ты знаешь! Кстати сказать, сдается мне, что отца Бейли гораздо больше интересуешь ты, чем Мармеладка Кейтлин!

– Не говори глупостей, Траффорд, – ответила Чантория, покраснев от смущения. – Нужна я ему! Разве станет такой важный человек, как отец Бейли, проявлять интерес к мелкой сошке вроде меня?

Однако в том, что отец Бейли действительно проявляет интерес к Чантории, не могло быть никаких сомнений, хотя он и прятал свое внимание за панегириками по поводу чудесного спасения Мармеладки Кейтлин. На каждой еженедельной исповеди, в ответ на стенания осиротевших матерей, которых становилось все больше, он вызывал на сцену Чанторию с Кейтлин. Не стесняясь Траффорда, он целовал Чанторию и поднимал на руках Мармеладку Кейтлин, демонстрируя ее пастве в знак доказательства безграничной мудрости

Любви.

– Господь оставил нам этого ребенка, дабы показать, что надежда еще жива! – гремел с эстрады отец Бейли. – Нет, он нас не покинул! Он не умыл свои святые руки, бросив своих неразумных чад на произвол судьбы, хотя мы этого заслуживаем! Он по-прежнему с нами! Сегодня Мармеладка Кейтлин здесь – и это показывает, что любовь, которую Творец питает к своим неразумным чадам, не умерла! И наши дети тоже не умерли! Они продолжают жить! Они живут в раю и продолжают жить здесь, в этом ребенке!

Прихожане стонали и причитали, воздевая руки к небесам, а когда Чантория с Кейтлин возвращались на свое место, матери тянулись к ним, чтобы их коснуться.

По мере того как число жертв второй эпидемии росло, жители их небольшого района все чаще смотрели на Чанторию как на живую икону, окружая ее ореолом святости. Стали ходить слухи о якобы совершенных ею маленьких чудесах. Люди наперебой восхваляли ее великодушные и благие дела, стараясь показать, что и на них падает отсвет ее божественной славы.

– У нее что-то типа ауры, – захлебываясь, рассказывала соседям Незабудка. – Прямо сияние какое-то. Типа эманации духа, понимаете, что я хочу сказать? Нет-нет, я не шучу. У меня была дикая головная боль, и я решила выпить с Чанторией чашечку чаю, не потому, что она святая или еще чего-нибудь такое, а потому, что мы с ней подружки... и голова у меня прошла! Честное слово. Это она меня исцелила! Просто посидела рядом, и все! Ей-богу, я не выдумываю – правда, все как рукой сняло!

И подобных удивительных историй становилось все больше. Еда, употребляемая в присутствии Чантории, приобретала замечательный вкус, болячки заживали быстрее, кожа делалась гладкой, мягкой и менее подверженной старению. Объем груди увеличивался.

– Клянусь, у меня был третий размер лифчика, а теперь четвертый! Представляете? С ума сойти можно!

Все обитатели Башен Вдохновения то и дело бегали к Траффорду и Чантории, чтобы еще разок поглазеть на чудо-ребенка и хоть несколько секунд побыть рядом с его святой матерью. Сам отец Бейли завел привычку посещать их регулярно и частенько возлагал руки на грудь Чантории, дабы вернее почувствовать тепло Любви.

Траффорд держался в сторонке от всей этой суеты, довольный, что его не трогают. Его огорчало, что Чантория так легко позволила вскружить себе голову нелепой лестью, но он и не думал сетовать на то, что очутился полностью вне сферы ее интересов. Чантория в нем больше не нуждалась. Мало того, она вообще не хотела его видеть. Конечно, она не стремилась к разводу, потому что они были избранной парой, и все же явно только и мечтала о том, чтобы Траффорд поменьше путался под ногами и не мешал ей наслаждаться благосклонностью Любви в одиночку. Ведь теперь у нее было столько друзей и отец Бейли был к ней так внимателен! Вдобавок присутствие Траффорда словно раздражало ее. И он догадывался почему: их связывала греховная тайна, о которой его жене хотелось поскорее забыть.

В итоге Траффорд получил возможность свободно распоряжаться своим временем – и очень кстати, потому что хлопот у него было по горло. Чем упорнее он размышлял о плане, который предложил Кассию и другим членам Сената, тем больше увлекался связанными с ним перспективами. Подумать только: правительство само будет оплачивать его подрывную работу! Эта мысль доставляла ему особое удовольствие. На первом этапе ему предстояло

делать практически то же самое, что он и так ежедневно делал в Изразе на протяжении долгих лет: находить соответствия и писать абсолютно законные поисковые программы, единственное отличие заключалось в том, что раньше его деятельность была откровенно бессмысленной, а теперь от нее зависело все на свете. Он был воином, сражающимся против Храма, революционером, который старался раздуть пламя духовного восстания.

Каждый день, оставив Чанторию в обществе ее подруг, а также ее алкопопа, пирожных и шоколадок, Трафффорд выходил с компьютером на лестничную клетку и принимался за дело.

«Привычка машинально рисовать», – напечатал он в специальной строке, нажал ввод и с удивлением обнаружил, что манера некоторых людей бездумно водить ручкой или карандашом по бумаге до сих пор вообще не рассматривалась в Изразе. На его экране появился стяг Храма, а за ним – голограмма с изображением ликующе вскинутого вверх кулака. Таким образом система сообщила Трафффорду, что его идея признана новаторской и он будет поощрен за нее денежной премией и бутылкой шипучего вина.

Трафффорд знал, что мощный центральный компьютер Госбанда уже трудится вовсю. Сначала он составит набор картинок, отвечающих словосочетанию «машинально рисовать». Проконсультируется с полицейской программой психологического анализа жестикуляции и мимики – так называемого «языка тела», – чтобы формализовать визуальные характеристики, позволяющие уличить человека в склонности к антисоциальному поведению. Затем, составив нужный профиль для изучения триллионов часов записей, сделанных веб-камерами и камерами скрытого наблюдения, он начнет искать кадры с людьми, рисующими что-то с рассеянным видом.

«Рисовать не картинки, а буквы», – напечатал на клавиатуре Трафффорд и, подумав, добавил: «Писать целые фразы».

Потом Трафффорд вспомнил о Чантории и их маленьком домашнем компьютере, на котором она до своего духовного пробуждения писала стихи. «Пользование программой-редактором без отправки в интернет», – написал он и пояснил: «Нажатие кнопки «сохранить» без нажатия «отправить»».

И эта идея удостоилась вознаграждения в виде стяга и поднятого кулака. Никто никогда не просил аппарат Израза найти людей, которые бы что-то записывали, не отправляя этого в сеть. Теперь ему причитались два бонуса и две бутылки шипучки. На мгновение Трафффорд отвлекся мыслями от работы и представил себе, что пьет это вино с Сандрой Ди на их очередном совместном пикнике.

После той первой прогулки Сандра Ди стала регулярно брать у него книги. Как и ожидал Трафффорд, ее пытливости не было границ, и через каждые несколько дней, как только представлялась возможность, они вместе ехали на причал в Ноттинг-хилле и садились в ее уютную лодочку. Там и беседовали об истории и физике, о географии и астрономии, уносясь от грязного Лондонского озера на миллиарды световых лет, к самым пределам пространства и времени.

Однажды они посетили огромный Музей Творения, где хранились окаменелости, якобы доказывающие реальность первого потопы. Сандра Ди обожала окаменелости. Они с Трафффордом добросовестно прочли информационные таблички, где объяснялось, что эти древние изображения рыб на камнях были найдены археологами прошлого на вершинах гор, а следовательно, воды, по которым плывал Ной, некогда покрывали всю землю. Читая,

Траффорд с Сандрой Ди одновременно улыбнулись, потому что у них был общий секрет: они знали, что горы, на которых были обнаружены эти окаменелости, в давние времена находились на морском дне. Конечно, Сандра Ди очень скоро поняла, что Траффорд вовсе не «находит» книги, которые дает ей почитать, и потребовала, чтобы он рассказал, откуда он их берет.

– Эти я закончила еще позавчера, – пожаловалась она, возвращая ему «Джейн Эйр» и «Сыновей и любовников», – и с тех пор скучаю. Почему мне всегда приходится добывать книжки только через тебя?

– Тебе надоело со мной встречаться?

– Конечно, нет, – сказала она и, усмехнувшись, добавила: – Сам знаешь, я не умею заниматься воображаемым сексом со всеми подряд.

Сандра Ди и впрямь охотно отправлялась с ним в путешествия по миру их общих фантазий, и они говорили о сексе не меньше, чем о прочитанных книгах. Ей явно нравились плоды эротических измышлений Траффорда, и порой она даже добавляла к ним свои собственные. Тем не менее Траффорд чувствовал, что из них двоих он увлечен больше, и подозревал, что она его разыгрывает.

Тем временем волнующее обаяние тайны, которое Траффорд с таким пылом воспевал на первом свидании, стало естественным образом сходить на нет – по крайней мере, в его глазах. Что бы он ни говорил, ему наскучили эротические фантазии, и он все больше жаждал настоящего тела Сандры Ди. Но когда он намекнул, что пора бы им перенести свои упражнения из царства воображения в царство действительности, Сандра Ди, к его вящему огорчению, отказалась наотрез.

– Ты все испортишь, – заявила она. – Это была такая чудесная идея! До тебя еще ни один мужчина не предлагал мне заняться с ним воображаемым сексом.

– Разве нельзя иногда воображать, а иногда осуществлять?

– «Осуществлять» звучит совсем не так мило, как «воображать», – ответила она. – Кроме того, я развиваю свой разум, а житейские осложнения мне ни к чему.

– Значит, я для тебя просто источник литературы? – угрюмо спросил он.

– Во все нет. Тебе прекрасно известно, как нравишься мне ты сам и как я люблю наши разговоры. Сейчас у нас замечательные отношения, а когда люди начинают спать друг с другом, между ними все меняется.

– А между нами не изменится.

– Траффорд, – сказала она, погрозив ему пальцем, – у *всех* меняется. Странно, что ты прочел столько книг, а в людях не разбираешься.

– Я разбираюсь в них достаточно, чтобы понимать: как только я скажу тебе, откуда эти книги, ты больше не захочешь со мной видеться.

– Придется тебе рискнуть, потому что я хочу знать и требую, чтобы ты сказал.

Траффорд знал, что переубедить ее ему не удастся. Черт с ним, с Кассием! И с его драгоценными товарищами. В конце концов, книги – не их собственность. Знание принадлежит всем. Он любит Сандру Ди и больше не желает ей лгать.

– Все началось, когда я делал прививки Мармеладке Кейтлин... – и он рассказал ей, как стал гуманистом.

– Боже мой! – воскликнула Сандра Ди. – У них настоящая *библиотека*!

– Ну, вообще-то там просто набитая книгами комната с климат-контролем.

– Я полагаю, что это и есть библиотека. Даже не верится – неужели эти люди так хорошо организованы?

– Да, на своем уровне. Не думаю, что их много.

– И ты вправду берешь уроки подрывной деятельности?

– Это скорее беседы. Дискуссии за круглым столом. И речь там идет не о подрывной деятельности, а о разуме.

– Если учесть, что в основу нашей конституции положена вера, трудно придумать более подрывную тему для обсуждений.

– В таком случае я и правда беру уроки подрывной деятельности, – согласился Траффорд.

– Я тоже хочу туда, – решительно заявила Сандра Ди.

– Ты туда попадешь. Обязательно.

– Нет, ты не понял. Я хочу сейчас.

– Это невозможно. У них есть правила. Мне вообще нельзя было говорить тебе об их существовании. Я должен был по-прежнему врать, что нахожу книги в подвалах, на чердаках и бог знает где еще. Подключение новичков требует времени – на проверку, на обеспечение безопасности. Надо же убедиться, что новому человеку можно доверять.

– Мне можно.

– Знаю. Я тебе верю.

– Тогда поговори с ними. Убеди их.

– Я уже говорил, иначе бы ты и книг не получила.

– Поговори еще раз. Мне уже двадцать восемь, но я никогда не училась в школе. По крайней мере, в такой, где преподавали бы хоть что-то стоящее. Они *должны* меня принять. Я хочу сидеть за столом в этой библиотеке. Хочу сама выбирать себе книги.

– Тебе придется немножко подождать, вот и все.

– Не хочу я ждать! Я хочу учиться. От моей жизни осталось не так уж много, и мне нельзя терять время.

Но Траффорд по-прежнему медлил, избегая ее взгляда.

– А если я с тобой пересплю? – спросила Сандра Ди.

Это было заветной мечтой Траффорда, и она об этом знала. Но после очень долгой паузы он сказал:

– Нет. Я люблю тебя. И не буду шантажировать, предлагая знания в обмен на секс.

– Я рада это слышать, Траффорд, потому что все равно не сделала бы этого, – ответила она. – Всю жизнь я боролась против принудительного секса и теперь не стала бы менять свои привычки. Если ты не познакомишь меня со своими друзьями, я тебя выслежу и заявлюсь в вашу библиотеку без провожатых.

– Тогда тебя убьют. Они ведь не только гуманисты, но еще и подпольщики.

– Меня не так просто убить, Траффорд.

Он в этом не сомневался. Ему было ясно, что Сандра Ди – крепкий орешек и справиться с ней намного труднее, чем с ним самим.

– Хорошо, – сказал он. – Я с ними поговорю.

– Сегодня?

– Нет. Мы встречаемся по определенным дням, это твердое правило. Смогу поговорить только на следующей неделе.

– Ну ладно.

Сандра Ди снова откинулась на пластиковые подушки и улыбнулась. На ней было то же самое хлопковое платье, что и на их первом свидании, и слабый ветерок точно так же прижимал легкую ткань к ее телу, обрисовывая его формы.

– Что ж, – сказала она, – книги прочтены, и нам надо как-то убить остаток вечера. Чем займемся?

Траффорд ничего не ответил, но все его нервы затрепетали в отчаянной надежде на то, что он правильно угадал смысл ее вопроса.

– Смешной мальчишка, – сказала она.

Раньше она никогда не называла его мальчишкой, и хотя он был старше ее, ему это понравилось.

– А ты – прекрасная женщина, – сказал он дрогнувшим голосом.

И тогда Сандра Ди начала медленно расстегивать платье.

30

Неделю спустя Траффорд выполнил свое обещание.

Он пришел в библиотеку, чтобы сообщить, как продвигается работа над программой по определению потенциальных гуманистов. Закончив отчет, он спросил, не могут ли руководители общества сделать для Сандры Ди исключение, позволив ей присоединиться к ним.

– Вы же знаете, что ей можно доверять, – сказал он. – У нее больше секретов, чем у любого из нас.

– Пусть так, – ответил Кассий, – но она внушает мне беспокойство. По-моему, она слишком импульсивна. Это бросается в глаза.

– Потому что у нее есть сила воли.

– Она была замешана в скандалах.

– Да, потому что не хочет вставлять в грудь имплантаты и платить за пончики Принцессы Любомилы. Неужели это заслуживает наказания?

– Мы опасаемся людей, которые чересчур заметны.

– Она не так уж заметна. Просто Принцесса Любомила придралась к ней, вот и все. Если бы не это, вы бы вообще не обратили на нее внимания.

– Тем не менее она к ней придралась.

– Сандра Ди в этом не виновата.

– Совершенно очевидно, что вы влюблены в эту девушку, Траффорд, – сказал Кассий.

– Я... я не понимаю, при чем тут это.

– Очень плохо, что не понимаете. Если вы в нее влюблены, то она для вас важнее, чем верность нашему общему делу.

– А зачем сравнивать? Она ведь такая же, как я, и больше всего на свете хочет присоединиться к нам.

– Разве ваша любовь не может помешать вам составить о ней объективное мнение? Вы полагаете, что с моей стороны было бы умно вынести решение по такому важному вопросу исходя из рекомендации человека, ослепленного своими эмоциями?

– По-моему, да, потому что я люблю ее именно за те черты, благодаря которым она идеально подходит для нашего общества. У нее есть сила, энергия, характер... и секреты.

Кассий задумался, потом словно пришел к какому-то выводу.

– Ну хорошо, – произнес он. – Все равно вы уже так много ей рассказали... Тем более что, по вашим словам, она обещала выследить вас и явиться сюда в любом случае. Так уж и быть, приводите вашу подругу в библиотеку.

– Можно сегодня?

– Сегодня?

– Она ждет, когда я ее позову, – пояснил Траффорд, доставая телефон. – Ей правда не терпится. Такое впечатление, что она на пределе. Думаю, всю жизнь она была очень одинокой и разочарованной. Она говорит о вступлении в наше общество как о начале новой жизни, и в каком-то смысле она права.

Кассий улыбнулся.

– Что ж, давайте жить настоящим, – сказал он. – Звоните.

Траффорд набрал номер и сказал Сандре Ди, что ей разрешили посетить библиотеку. Но едва он стал объяснять ей дорогу, как связь прервалась.

– Черт, я ее потерял, – сказал он и снова принялся набирать номер, но тут в комнату вошел человек в толстых очках, которого Траффорд про себя называл Филином. Он был чем-то сильно рассержен.

– Там в магазине девушка, которая называет себя подругой Траффорда, – сказал он. – Утверждает, что ее ждут.

– Так оно и есть, – ответил Кассий. – Пожалуйста, впустите ее.

Филин бросил на Кассия испепеляющий взгляд, но послушался. Через несколько секунд Сандра Ди уже стояла в библиотеке.

– На всякий случай я тебя выследила, – сказала она. – Можно мне выбрать книгу?

31

Когда Траффорд вернулся домой, их квартира, как всегда в последнее время, была битком набита новыми друзьями Чантории.

– Ну наконец-то! – воскликнула Куколка со своего привычного места на стене. – Суперзвезда Башен Вдохновения снова с нами!

– Что за чепуху ты несешь, Куколка? – спросил Траффорд. Одним из преимуществ его нынешнего положения было то, что он мог позволить себе не подлизываться к Куколке. С тех пор как он стал отцом живого ангела, ей самой приходилось подлизываться к нему.

– О, тут такое творится! Чудеса, да и только! – откликнулась Куколка, словно не замечая его агрессивного тона. Ее голос звучал так, будто между ними царил полная гармония, будто они были лучшими друзьями – закадычными друзьями, членами одной волшебной команды. – Скажи ему, Чантория.

Чантория – в одной руке у нее была Мармеладка Кейтлин, в другой большой бокал вина – едва сдерживала возбуждение.

– Про нас передают по новостям, милый! Ты можешь в это поверить? Про нас! Мы в новостях!

– Обалдеть можно! – вмешалась Незабудка. – Мы все станем звездами... Ну, вы-то с Чанторией уже звезды, но когда все начнут подключаться к прямой трансляции из вашей квартиры, а мы будем здесь, то и нас тоже увидят!

Незабудка повернулась к веб-камере и стала неистово махать руками и вопить. Скоро к ней присоединились и остальные девушки.

– Конечно, люди тебя увидят, Низзи! А при твоей телегеничности дело обязательно кончится тем, что ты выпустишь свой парфюм, – выпалила Чантория. – Даже не сомневайся! Надеюсь, ты будешь заходить ко мне как можно чаще, подружка!

– Еще бы, подружка! – ответила Незабудка. – Мы же с тобой как сестры!

– Зачем нас показали в новостях? – сердито осведомился Траффорд.

– А ты как думаешь? – отозвалась Чантория.

– Они узнали про Мармеладку Кейтлин, – объяснила Незабудка, разливая вино, – и эта история им понравилась. Ну и Чантория, конечно, тоже. Она ведь такая сексуальная!

– Перестань! – запротестовала Чантория.

– Ты знаешь, что это правда, крошка. Запись, где ты стоишь перед Траффордом в полной бель-форме, просто обалденная!

– Они взяли ее с нашего сайта? – спросил Траффорд. – В новостях показали Чанторию в полной бель-форме?

– Ну да! Они просмотрели все ваши материалы! А как, по-твоему, они работают? Эх, если бы в новости включили какой-нибудь из моих роликов!

И все девушки хором вздохнули.

– Это невероятно, Траффорд, – не унималась Незабудка. – Ты что, не понимаешь? Ты в новостях, на тебя все смотрят...

– Но...

Траффорд осекся. Он собирался сказать, что не хочет попадать в новости, не хочет, чтобы люди на него смотрели. Но это прозвучало бы абсурдно. Разве может человек не хотеть, чтобы на него смотрели? Что в этом неприятного? Траффорд знал, что надо улыбнуться и перетерпеть. Сейчас их социальное положение стало прочнее, чем раньше, но даже оно не защитило бы его, если бы он открыто заявил, что не любит выставлять напоказ свою личную жизнь. С точки зрения Храма, большей крамолы нельзя было и придумать.

– Но что? – раздраженно спросила Чантория, которой явно не хотелось, чтобы ее муж-извращенец испортил такой замечательный день.

– Но... я просто не ожидал, вот и все. Я потрясен... но это, конечно, приятное потрясение, – ответил Траффорд, выдавив из себя улыбку.

– Глядите, глядите, – окликнула их Незабудка. – Опять повторяют!

Она нажала кнопку, и на стенном экране появилось изображение Башен Вдохновения, а из динамиков полился приторный голос диктора.

– Порой на свете случаются чудеса, – говорил голос, – которые напоминают нам, почему мы верим, на чем зиждется наша вера...

Затем последовал трехминутный телесюжет о чудо-ребенке из Башен Вдохновения, который пережил эпидемии кори-плюс и свинки-плюс и остался единственным обитателем жилого комплекса в возрасте младше двух лет. История была проиллюстрирована многочисленными фрагментами из вебкаста Траффорда и Чантории, включая клип с Чанторией в лифчике без чашечек и шоколадных стрингах, приобретенных ею в

«Потаскушке Долли». Естественно, все девушки встретили эти кадры поощрительными криками.

– Видишь, Траффорд, – желчно сказала Чантория. – Все-таки некоторые считают это привлекательным.

Траффорд деланно засмеялся, точно она пошутила.

– Маленькая Мармеладка Кейтлин, – продолжал слащавый голос, – стала талисманом для всего местного населения. Она – живое доказательство любви, питаемой Господом ко всем его детям.

Как только программа закончилась, девушки дружно заверещали, что ее надо посмотреть еще раз с самого начала, но тут на экране возникло лицо их исповедника, отца Бейли.

Поспешно вскочив с места, Чантория выключила новости и приглушила звук других работающих каналов. Появление духовного лидера на их чате было событием, требующим немедленного внимания.

– Чантория! – Помимо обычного высокомерия, в голосе отца Бейли слышалась удовлетворенность и даже нечто вроде легкого волнения. – И вы, Траффорд, – кисло добавил он после небольшой паузы. – Прошу вас пожаловать сегодня вечером ко мне в Духовную Обитель.

Уже с минуту никто из гостей не издавал ни звука, как и подобало в виртуальном присутствии исповедника, но после этих его слов по комнате пробежал шепоток, а некоторые из девушек не сдержались и тихонько ахнули. Приглашение в личную резиденцию духовного вождя, полученное из его собственных уст, было величайшей честью.

– Мы обязательно придем, отец Бейли, – заикаясь, пробормотал Траффорд. – Когда вы хотите нас видеть?

– Вам назначено в восемь, Траффорд, и вы явитесь ровно в это время, – отрубил исповедник и в упор посмотрел на Чанторию. – А вы, Чантория, пожалуй, можете прийти несколько раньше. Я нахожу ваше общество... умиротворяющим. Мы с вами вместе почитаем изречения пророков, побеседуем о вере и проникнем в божественные тайны Любви.

Шепот стих. Траффорд продолжал глядеть на экран, а Чантория покраснела и опустила глаза.

Незабудка и еще две-три девицы отвернулись, словно боясь, что по их лицам можно будет прочесть, о чем они подумали. Проявить неуважение к исповеднику было бы непозволительной дерзостью.

– Что скажете насчет шести, Чантория? – с елеинной улыбкой спросил отец Бейли.

– Конечно, святой отец. Как вам будет угодно, – ответила Чантория.

– А вы в восемь, Траффорд! И советую вам не опаздывать, ибо... – отец Бейли выдержал эффектную паузу, прежде чем обрушить на головы зрителей последнее ошеломительное известие: – ...сегодня меня удостоит своим посещением Соломон Кентукки, верховный жрец Любви и главный исповедник Лондонского диоцеза.

Сообщив эту поистине сногсшибательную новость, отец Бейли завершил сеанс связи и исчез с экрана.

Несколько секунд протекли в молчании, а потом комната словно взорвалась. Визжала Куколка. Визжали Незабудка и остальные девушки. Визжала Чантория, а вслед за ней,

разумеется, завизжала и Мармеладка Кейтлин. Все приготовились визжать еще пару минут назад, поскольку уже один тот факт, что их исповедник в открытую заявил о своем намерении получить от Чантории духовное утешение, был достаточно веским поводом для общего восторга. Если местный религиозный лидер искал у женщины духовной поддержки в своих нелегких трудах, она могла чувствовать себя глубоко польщенной, но то, что их приход собирается посетить сам верховный жрец Любви и главный исповедник, что он будет сидеть в обители их собственного исповедника и Чантория с Траффордом сподобятся лицезреть его там своими глазами, казалось просто невероятным. Прежде в их районе никогда не бывали старейшины такого высокого ранга.

Спустя некоторое время, когда все немножко устали визжать, прыгать и обниматься, Незабудка отдала необходимые распоряжения. Надо было действовать быстро. Если до встречи с верховным жрецом Любви Чантории предстояло читать с исповедником священные тексты и обсуждать природу веры, то ей следовало немедленно сделать безупречный педикюр и бикини-эпиляцию.

– Ты сейчас же отправляешься со мной, дорогая, – сурово скомандовала Незабудка. – Впервые девушка из нашего комплекса призвана к тесному духовному общению с исповедником, и мы не позволим тебе опозорить наш район лишними волосками на тех местах, где им быть не положено.

Незабудка пользовалась в их доме репутацией отличного косметолога. Еще месяц-другой тому назад она и не подумала бы растрачивать свой талант на замухрышек вроде Чантории. Но теперь ситуация в корне изменилась, а потому все девушки, не переставая визжать, перебазировались из их квартиры в квартиру Незабудки, где и продолжали празднество, пока хозяйка трудилась над пахом своей лучшей подруги.

Внезапно Траффорд обнаружил, что остался в одиночестве, если не считать Мармеладки Кейтлин и, конечно, Куколки.

– Ну, Траффорд, – сказала та, – похоже, твоя очередь дежурить с ребенком.

– Похоже, – согласился Траффорд, проверяя у Мармеладки подгузник.

– Ты не будешь возражать, если я присоединюсь к девочкам? – добавила Куколка, откупоривая мандариновый алкопоп.

– Нет-нет, что ты. Веселись на здоровье.

Куколка замолчала. Траффорду было видно, как она отвернулась, чтобы переключиться на канал связи с квартирой Незабудки. Он перепеленал дочь и налил себе большой стакан алкопопа с ароматом маракуйи. Слишком уж много важных событий произошло за последние полчаса.

О нем объявили в новостях.

Что сказал бы на это Кассий со свойственным ему отвращением к людям, которые выставляют себя напоказ? К счастью, Траффорд фигурировал в сюжете как второстепенная фигура, потому что в основном речь шла о матери и дочери. И все же в передаче был один крайне нежелательный эпизод: он сидел за книгой, а диктор с одобрением говорил, что Траффорд – прекрасный семьянин, постоянно совершенствующийся с помощью различных пособий. В тот момент Траффорда словно током ударило, поскольку книга, которую он читал на экране, озаглавленная «Здоровье и богатство – как научиться отлично выглядеть и заработать много денег», на самом деле была «Посторонним» Альбера Камю. У него мелькнула ужасная мысль: *в новостной программе* показали, как он читает

экзистенциалистский роман. Если бы правда когда-нибудь открылась, последствия были бы просто катастрофическими.

Траффорд точно знал, что скажет Кассий. Первой заповедью каждого гуманиста было не привлекать к себе внимания. С другой стороны, размышлял Траффорд, Кассий всегда утверждал, что дерзость – лучшая форма маскировки, а ничего более дерзкого, чем появиться в новостях в роли осененного Божьей милостью простака, нельзя было и придумать. Кроме того, благосклонность Храма может оказаться полезной. Благодаря ей он наверняка сумеет защитить на работе Сандру Ди, что позволит ей присоединиться к их движению, – и кто знает, какие еще возможности сулит ему этот новый имидж одухотворенной личности?

Этот вопрос (вместе с очередной порцией алкопопа) навел Траффорда на неприятные размышления об исповеднике и его очевидном интересе к Чантории. Вдруг его охватило раздражение, быстро перешедшее в гнев. Это была не ревность – по крайней мере, так ему казалось. В конце концов, он любил Сандру Ди, и при сложившихся обстоятельствах было бы весьма кстати, если бы у Чантории завязался роман на стороне. Траффорда злило внезапное внимание отца Бейли, потому что все это было очень уж глупо. Несомненно, Бейли заинтересовался Чанторией, поскольку убедил себя и том, что она святая, отмеченная Богом, мать чудо-ребенка. Старейшины Храма всегда отбирали у других все самое лучшее, в том числе и наиболее привлекательных женщин (ими брезговали разве что закоренелые холостяки), и Бейли считал, что Чантория принадлежит ему по праву.

Как раз в это время Чантория вернулась из квартиры Незабудки. Траффорд наполовину опустошил уже третий по счету стакан, но на душе у него по-прежнему скребли кошки. На Чантории были девственно-белые трусики-танга и такой же лифчик – она объяснила, что это подарок подруг в честь ее появления в новостях.

– Правда, красиво? – спросила Чантория, забирая сумочку. – Скромно и со вкусом. По-моему, это как раз то, что нужно для частной беседы с исповедником.

– Чантория, – сердито ответил Траффорд, – он интересуется тобой только из-за Кейтлин. Неужто неясно?

– И что в этом плохого? – огрызнулась Чантория. – Я мать чудо-ребенка! Естественно, что мой исповедник проявляет ко мне интерес.

Траффорд потихоньку выключил звук интернет-трансляции.

– Мармеладка Кейтлин – вовсе не чудо-ребенок, – прошипел он.

– А кто же? Она ведь жива! По-твоему, это не чудо? Твой ребенок единственный, кто пережил мор, и ты не считаешь это чудом?

– Не мор, а эпидемию.

– Нет, мор. Наша дочь жива. Это все, что нам известно, и это остается чудом, что бы ты ни говорил.

– Чантория, ты прекрасно знаешь, что...

– Я знаю, что пути Господни неисповедимы, – сказала Чантория. – Кто сотворил то... снадобье, которое ты ей дал? Бог.

– Не Бог, а люди! Они воспользовались своим разумом, чтобы...

– А кто сотворил людей? Кто дал им разум?

– Ну ладно, а кто тогда сотворил твоего драгоценного Бога? Другой Бог, старший по чину? А того кто?

– Я больше не желаю спорить на эту тему, Траффорд, – отрезала Чантория, снова включая звук. – Я знаю одно: нас осенила благодать. Мы самая счастливая семья в Лондоне. Ты видишь эту благодать в одном, я в другом, но, как ни крути, благодать есть благодать, а она бывает только от Бога. Неужели ты этого не понимаешь? Что тут непонятного? Увидимся в Духовной Обители. И не смей опаздывать!

Зажав в руке сумочку, Чантория пошла к двери. Она ступала нетвердо, потому что на ней были туфли на высоченных шпильках, тоже недавнее приобретение. Скорее всего, очередной подарок Незабудки. Траффорд смотрел ей вслед. Сзади она казалась практически полностью обнаженной. Единственными видимыми деталями ее костюма были тончайший поясик лифчика и крохотная полоска кружев чуть пониже спины.

– Что же ты не попрощалась с чудо-ребенком? – язвительно спросил он.

Чантория обернулась и снова посмотрела на него.

– С ума сойти, Траффорд, да ты ревнуешь! – Пошатываясь, она подошла к кроватке Мармеладки Кейтлин. – Пока, ангелочек. Не обращай внимания на папочку – он уже так давно не обслуживал мамочку как следует, что я вообще не понимаю, чего он злится.

После этого она удалилась, и Траффорд остался наедине с дочерью. Он отлично понимал, чего он злится. Настроение у него было отвратительное. Ведь что ни говори, а он, гуманист по убеждению, невольно способствовал своими действиями укреплению всеобщей веры в неисповедимость путей Господних.

Конечно, сделав Мармеладке Кейтлин прививку, он поступил совершенно правильно, однако слышать, как заслуга ее спасения приписывается Богу, было крайне досадно, тем более что ничего подобного он не ожидал. А то, что в это верила и его жена, которая *знала правду*, было досадно вдвойне. Вдобавок ситуация неуклонно ухудшалась. Траффорду и присниться не могло, что их покажут в новостях, да и от намечающегося духовного общения отца Бейли с Чанторией нельзя было ожидать ничего хорошего. Траффорд не сомневался, что столь откровенный интерес исповедника к его жене только укрепит убежденность прихожан в том, что Чантория Божья избранница и что Кейтлин уцелела благодаря вмешательству Любви и Дианы. Какая жестокая насмешка судьбы: его маленькая личная диверсия, на которую он решился из соображений, продиктованных чистым разумом, в конечном счете лишь способствовала расцвету религиозных суеверий!

Траффорд решительно повернулся к компьютеру. Его новая программа была почти закончена. Еще несколько дней, и он поставит перед вычислительной системой Госбанда задачу создания виртуальной сети потенциальных революционеров. Траффорд собирался сразу же начать рассылку этим людям специальных электронных сообщений. Кассий обещал, что первое из них он составит сам; они договорились, что это будет краткая иллюстрированная статья о теории эволюции. Во втором они расскажут о Потопе и объяснят, что подъем уровня мирового океана стал печальным следствием бесконтрольного сжигания ископаемого топлива, хотя предотвратить такое развитие событий человечеству было вполне по силам.

Траффорд намеревался сделать рассылку писем автоматической: особое кодовое слово, однажды отправленное по электронной почте, должно было спустить цепную реакцию и наводнить интернет подрывным спамом, распространение которого не прекратится, даже если его авторов схватят. Чтобы адресаты не удаляли полученные письма, каждое из них нужно было снабдить интригующим заголовком. По ходу дела Траффорд пытался придумать

и эти заголовки, в чем ему помогали Кассий и другие. Больше всего Траффорду нравилась выдумка Коннора Ньюбери.

Если Бог такой умный, почему в его Храме верховодят такие придурки? Ты когда-нибудь смотрел на своего исповедника по-настоящему критическим взглядом? Траффорд улыбнулся. Если бы он получил письмо с таким названием, то наверняка вскрыл бы его и прочел.

Ты не одинок в своем желании уединиться! Это предложил Кассий, так же как и другое: *Ты когда-нибудь пробовал думать сам за себя?*

Сам Траффорд до сих пор придумал только один заголовок: *А ты умеешь хранить тайну?* – но теперь ему на ум пришло слово *Дарвин*.

В течение всей работы над программой Траффорд пытался решить, что они будут делать с виртуальным обществом себе подобных, если им удастся его создать. Научить людей думать самостоятельно – это, конечно, хорошо, но если эти люди будут только думать, а не действовать, служители Храма могут спать спокойно. Траффорду было мало одних раздумий – его раздражало, что остальные гуманисты довольствуются пассивным протестом, который видят в самом существовании своей организации. Для свержения режима требовались конкретные поступки. Революция в головах могла быть лишь началом.

Им нужен был знак – тайный знак. Возможно, одно-единственное слово, по которому один свободный мыслитель мог бы узнать другого. Пароль, в котором было бы заложено все.

И Траффорд знал, что таким паролем может стать слово *Дарвин*.

Потому что «Дарвин» было больше чем словом. Это был призыв к оружию. Это был символ эволюции, призывающий человека вырваться из болота и стать сложным организмом, способным мыслить независимо.

Но имя «Дарвин» звучало еретически. Его нельзя было произносить вслух, нельзя было размахивать им как знаменем.

Траффорд напечатал это имя наоборот и с внезапным приливом восторга обнаружил, что оно читается как *ниврад*.

Ниврад. Где-то он это уже слышал.

«Итак, скажем все вместе: моря любви!.. Скажем все вместе: нивы радости! Скажем все вместе: ниврад!»

Один из лозунгов, придуманных храмовниками, чтобы доказать, что их Бог – прямая противоположность тому человеку, которого они боялись больше всего на свете.

Ниврад. Это и будет его ключ. Кодовое слово, запускающее программу, и знак, который он включит во все коммуникации. Пароль, с помощью которого подпольщики будут узнавать друг друга, поскольку в случае опасности они смогут просто заявить, что это сокращение от одобренных Храмом «нив радости».

Ниврад. Даже в самом звучании этого слова было что-то победное.

Ему не терпелось поделиться своей находкой с Кассием.

Скажи «ниврад», написал Траффорд. *По слову твоему узнают тебя.*

дом исповедника Бейли и был препровожден слугой в ту самую роскошно обставленную комнату, где они с Чанторией обсуждали свой давно отмененный развод. Чантория, разумеется, была уже там. Сидя на табуреточке у ног Бейли, она читала вслух большую, инкрустированную драгоценными камнями книгу в кожаном переплете, озаглавленную «Библейские истории и прочие духовные писания».

Траффорду показалось, что румянец у нее на щеках горит ярче обычного.

Исповедник поднял ладонь, предупреждая Траффорда, чтобы тот подождал в дверях, пока чтение не будет завершено. Пришлось Траффорду молча стоять на пороге и слушать священную околесицу. Отец Бейли сидел, закрыв глаза, с выражением неземного блаженства на лице, и гладил Чанторию по макушке.

– «Любовь есть любовь, и Бог, коего мы зовем Любовью, есть любовь, – с глубочайшей серьезностью читала Чантория. – Без Бога, который есть Любовь, мы не имели бы любви, но поскольку мы имеем любовь, то имеем и Бога, который есть Любовь, ибо сии двое суть одно, бессмертное и неделимое. Ныне, присно и во веки веков. Бог-и-Любовь един и милосерден, а усомнившиеся в сем будут стерты с лица земли и терзаемы адскими муками до конца времен. Таковы пути Любви».

– Благодарю тебя, дитя, – сказал исповедник, когда Чантория закрыла книгу. – Это было прекрасно. Моей усталой исстрадавшейся душе становится легче, когда я слышу сладостный голос праведной женщины, изрекающей божественные истины.

– Я счастлива тем, что доставляю вам утешение, святой отец, – ответила Чантория.

Только теперь Бейли перевел взгляд на Траффорда.

– Сядьте рядом с женой, – приказал он. – Главный исповедник – занятой человек. Едва ли он здесь задержится.

И правда, не успел Траффорд сесть и кивнуть Чантории в ответ на ее смущенную улыбку, как громкий стук посохом во входную дверь возвестил о приходе великого человека. Засим последовала отчаянная суeta слуг в холле – и в комнате появился сам Соломон Кентукки в сопровождении четверых дюжих охранников.

– Я пришел! – объявил он, словно был самым раздающим визиты Господом Богом, а не одним из его авторитетнейших заместителей на земле.

Отец Бейли, Траффорд и Чантория немедленно пали на колени.

– Моя жалкая обитель недостойна такой чести, ваше святейшество, и я тоже, – сказал отец Бейли.

– Черт побери, ты прав, Бейли! – ответил главный исповедник и громко расхохотался. – Но, коли уж на то пошло, все мы недостойны в очах Господа, однако все надеемся когда-нибудь предстать перед ним в чем мать родила. Если бы я ходил в гости только к достойным, мне пришлось бы очень редко вылезать из дома! Ха-ха-ха! Я прав, черт возьми? Конечно, прав! Поцелуйте мои перстни.

Он протянул отцу Бейли свою большую, пухлую и мягкую правую руку. Все пальцы на ней были унизаны огромными сверкающими перстнями. Отец Бейли подполз к нему на коленях и по очереди поцеловал каждый из них. Затем великий человек переложил из руки в руку сияющую неонем митру, освободив для преклонения и лобызания второй комплект украшенных драгоценностями пальцев. Конечно, в присутствии столь высокого церковного чина Траффорд с Чанторией благоразумно помалкивали.

– Так вот она, та самая семья! – громко воскликнул Соломон Кентукки. – Я узнал бы ее,

даже если бы увидел среди тысячи других семей! Ибо эти люди отмечены благословением Любви. Я чувствую Любовь!

– Аллилуйя! – возгласил отец Бейли.

– Аллилуйя! – эхом откликнулась Чантория.

– Встань, дитя, – сказал ей Соломон Кентукки. – Возьми своего ангельского младенца и встань. Не надо бояться.

Чантория взяла у Траффорда Мармеладку Кейтлин и выпрямилась перед главным исповедником. Траффорд с отвращением заметил, что на ее лице появилось выражение самозабвенного экстаза, и подумал, уж не собирается ли она заговорить на неведомых языках.

– Бог-и-Любовь одарил тебя своей милостью, дитя, – нараспев произнес Соломон Кентукки, – и в своей бесконечной мудрости поставил перед тобой особую цель. Тебя и твою семью ждет важная работа! Я хочу услышать из твоих уст: да!

– Да! – сказала Чантория.

Траффорд не знал, включает его главный исповедник в состав семьи или нет. Он решил, что безопаснее будет молчать и не привлекать к себе внимания. Пока Соломон Кентукки словно бы не замечал его и обращался исключительно к матери и дочери. Отдав митру одному из охранников, он возложил руки на лоб женщине и ребенку.

– Я чувствую его! Чувствую! – возопил он. – Я чувствую благословение Любви! Этот младенец воистину свят. Мать его благословенна! Я хочу услышать из ваших уст: да будет так!

– Да будет так! – выкрикнула Чантория.

– Да будет так! – слабо поддакнул Траффорд, получив пинок от исповедника Бейли.

– Этот младенец вдохновит верующих! – продолжал Соломон Кентукки. – В последнее время у нас было много горя. Многие праведные семьи потеряли младенца, а то и двух! Верующим нужен знак. Людям нужно знамение! Честные, богобоязненные жители нашей великой страны жаждут снова обрести надежду! Я хочу услышать из ваших уст: аминь!

– Аминь! – крикнули Чантория с Траффордом.

– Аминь, и аминь, и аминь – ура! – прокричал Кентукки.

– Аминь, и аминь, и аминь – ура! – эхом повторили Чантория с Траффордом.

– И ваш ребенок, Мармеладка Кейтлин, станет этим знаком. Этим знамением. Этой надеждой! Во имя Бога-и-Любви. Творца всего сущего и многого сверх того. Во имя его святой матери Марии и прекрасной дщери Дианы. Во имя Иисуса, Авраама, Элвиса и Моисея. Во имя двадцати восьми апостолов Евангелия и пятнадцати столпов Веры. Во имя звезд, которые направляют нас, и чисел, которые предсказывают то, что знает только Он и что для нас окутано тайной. Во имя всех пророков и старейшин Храма. Во имя этой чудесной крошки, Мармеладки Кейтлин. Я говорю: да будет воля твоя! Аминь!

– Аминь! – воскликнул отец Бейли.

– Аминь! – воскликнули Чантория с Траффордом. К этому моменту Чантория уже тряслась и дрожала, а ее верхняя губа подергивалась от возбуждения. Соломон Кентукки, напротив, внезапно отбросил выпреннюю риторику и приказал подать себе кресло, дабы перейти к насущным делам.

– Как вам известно, – сказал он, принимая от слуги большой бокал сладкого хереса и шоколадный эклер, – недавние эпидемии были особенно жестоки и причинили народу

множество страданий. Мор свирепствовал не только в вашем районе, хотя вам, безусловно, пришлось весьма тяжело. Далее, Мармеладка Кейтлин, как мы видим, необычайно телегенична, и от внимания высших деятелей Храма не укрылось, что ее ниспосланное Богом спасение затронуло чувствительную струнку в душах прихожан вашего района, а после того, как она появилась в сегодняшних новостях, ее популярность вышла за его пределы и стала еще шире. Людям нужны добрые вести, и Мармеладка Кейтлин – как раз то, что им нужно. Она веселая, очаровательная малютка, и ее мать Чантория чрезвычайно приятна глазу, а ведь ничто так не повышает тонуса наших сограждан, как сексапильная мамочка с большими и аппетитными натуральными грудями и славным ребеночком в придачу. Наши пиар-специалисты давно уже подыскивали что-нибудь в этом роде, дабы раскрутить постэпидемическую кампанию для поднятия духа населения, и, рассмотрев кандидатуры значительного количества уцелевших детей, мы остановили свой выбор на Мармеладке Кейтлин. Мы решили сделать эту малышку олицетворением надежды – так сказать, рекламой и символом божественного милосердия. – Кентукки угостился очередным пирожным и благосклонно добавил: – Ваш ангелочек станет мегагиперзвездой.

Затем главный исповедник щелкнул пальцами, и один из его хмурых молчаливых телохранителей вставил в компьютер отца Бейли флэш-карту. На экране замелькали рекламные плакаты с личиком Мармеладки Кейтлин.

– Пока это всего лишь наброски, – сказал Соломон Кентукки, – но, полагаю, вы уловите общую идею, и она придется вам по вкусу.

Мармеладка Кейтлин в рекламном видеоролике улыбалась, гукала и пускала пузыри, а над ней сияла надпись «Чудеса бывают!».

– Мы остановились на таком слогане, – пояснил Соломон Кентукки. – «Чудеса бывают!» Неплохо, правда? Коротко, ясно и по делу. Мы хотим сказать людям: «Не отчаивайтесь. Если Любовь смогла спасти этого ребенка, она сможет спасти всех. В общем-то, она и спасла всех, призвав их к себе».

– Нет ли здесь небольшой путаницы? – сказал Траффорд, не успев вовремя прикусить язык. Исповедник Бейли в ярости обернулся к нему.

– Не перебивать! – рявкнул он.

– Почему же, – возразил Кентукки, – ведь это отец. Дайте ему высказаться. Вы говорите о путанице, молодой человек? Что вы имеете в виду?

– Я вот о чем хотел спросить, – нервно начал Траффорд. – Кто был спасен: наша дочь, потому что не умерла, или погибшие дети, потому что они, наоборот, умерли и попали в рай?

Соломон Кентукки ненадолго задумался.

– Все вместе, – наконец ответил он. – А обездоленные родители увидят в прекрасных глазках Мармеладки Кейтлин глазки своих собственных деток, попавших в рай, и убедятся, что Господь их любит.

– О, – сказал Траффорд. – Теперь понятно.

– Эта малютка, – продолжал священник, – станет центральной фигурой в обширной послеморовой медиакампании. Она понесет слоган «Чудеса бывают!» ко всем домашним очагам и на все предприятия нашей великой родины. Мы создадим видеопостеры, рекламные ролики, песню, которая займет первое место в хит-параде, а главное – ваша семья станет гвоздем программы на Фестивале Веры в Уэмбли.

– Боже мой! – вырвалось у Чантории. – Мы – и на Фестивале Веры! О господи!

Отец Бейли сурово обернулся к ней, ибо эта вспышка эмоций показалась ему неподобающей, однако Соломон Кентукки одарил ее благожелательной улыбкой.

– Да, дитя мое. Да! Ты и твои родные станете главными действующими лицами на масштабной праздничной службе, которую Храм запланировал, чтобы отметить окончание двух свирепых эпидемий. Мы собираемся заполнить Уэмбли скорбящими родителями: сто двадцать пять тысяч супружеских пар, недавно лишившихся детей, будут отобраны путем лотереи и придут на стадион, дабы воздать хвалу Любви не только за вознесение их младенцев на небо, но и за то, что она помиловала Мармеладку Кейтлин с целью сделать ее их общей дочерью. Благодаря прямой теле- и интернет-трансляции все население возрадуется чуду спасения Мармеладки Кейтлин, которая вселит в души наших сограждан бодрость и надежду. Вы трое встанете бок о бок со старейшинами Храма и самыми яркими знаменитостями страны и возблагодарите Господа за ясное, живое, бесспорное свидетельство того, что *чудеса бывают*.

Чантория плакала, не скрывая своей радости. В знак утешения отец Бейли обвил рукой ее плечи. Ни тот, ни другая не обращали на Траффорда никакого внимания.

– Ваша дочь станет маяком! – сказал Соломон Кентукки, надевая митру. – Мессией! Светом во тьме, окутавшей тех, кто осиротел на наших глазах. Мармеладка Кейтлин вернет людям надежду!

– Спасибо вам, святой отец, – запинаясь, произнесла Чантория сквозь слезы. – Огромное-преогромное спасибо!

Траффорд не сказал ничего. Он был поглощен своими мыслями.

33

Кампания, о которой говорил Соломон Кентукки, началась почти сразу. Храм хорошо изучил свою паству и знал, что ему следует немедленно принять меры, чтобы направить реакцию пострадавшего населения в нужное эмоциональное русло. Две свирепые эпидемии, прокатившиеся по стране одна за другой, оставили после себя глубокий и кровавый след. Люди привыкли терять близких, но каждый очередной холокост, который устраивала им природа, собирал все больше жертв, и накопившийся в душах людей ужас вполне мог перерасти в подспудное недовольство. О том, чтобы открыто подвергать сомнению религиозные догмы, не могло быть и речи: влияние Храма и страх перед инквизицией были для этого слишком сильны. И все же каждая новая смерть, особенно если умирал ребенок, оставляла на духовной репутации Храма крошечное пятнышко, и именно эти пятнышки Храм собирался залакировать, провозгласив, что *чудеса бывают*.

Были песни, концерты, празднества, благотворительные забеги и бесконечные службы – везде отдавали дань памяти погибшим детям, но при этом с надеждой смотрели в будущее, олицетворением которого стала смеющаяся, улыбающаяся, младенчески оптимистичная Мармеладка Кейтлин. Храм знал свое дело и, сосредоточив внимание общества на божественной любви к этой девочке, сумел заставить его позабыть невысказанный вопрос о том, зачем было убивать всех остальных детей. Без сомнения, многие родители втайне спрашивали у Любви, почему она решила пощадить не их ребенка, а чужого, однако эти мысли не высказывались вслух, потому что личико Кейтлин мгновенно сделалось символом

счастливого будущего, и проявить неуважение к этой малышке значило навлечь на себя жестокую кару.

Логика была проста. Господь наслал на людей мор, потому что был суров и страшен в гневе, но спас Мармеладку Кейтлин, потому что был милосерден и полон любви. «Что здесь непонятного?» – громогласно вопрошал с церковной кафедры отец Бейли.

Одержимость Чантории росла вместе с ее славой. Чантория окончательно вжилась в роль матери чудо-ребенка, поскольку убедила себя, что это правда. Теперь в их с Траффордом квартире уже не кутили с утра до ночи. Как мадонна, давшая жизнь ангелу, Чантория сознавала всю полноту своей духовной ответственности и потому стала посвящать гораздо больше времени молитвам в местном Храме и чтению религиозных текстов в доме отца Бейли. Теперь она одевалась только в белое и носила на шее крестик с эмблемой богини Геи. Кроме того, она купила дорогой брелок с изображением всех знаков Зодиака и хрустальный нимб на проволочном каркасе, а волосы перекрасила в золотой цвет.

Ободренная благосклонностью исповедника, она стала обращаться с Незабудкой и прочими девушками из своего окружения скорее как со служанками, чем как с подругами: давала им разные поручения и милостиво позволяла проводить себе косметические процедуры. Они покорно выполняли требуемое, но Траффорд видел, что их возмущают ее высокомерие и новообретенный ореол святости. В конце концов, многие из них потеряли своих детей, и то, что Чантории, единственной на весь дом счастливой матери, достались еще и такие почести, не могло казаться им справедливым.

Если Чантория и чувствовала их негодование, оно лишь усугубляло ее деспотизм. Возможно, сказывались долгие годы унижений, но, как бы то ни было, она и не думала скрывать, что считает себя гораздо выше остальных. Разве не сделал ее своей избранницей сам Господь?

Конечно, Траффорд прекрасно понимал, что никакая она не избранница, и оттого злился все сильнее. Ему было ясно, что его жена, одурманенная лестью, *поверила* в свое величие, и ее наивность казалась ему до отвращения нелепой. Коли на то пошло, до отвращения нелепой была вся ситуация: ребенка, спасшегося исключительно благодаря презираемой Храмом науке, обратили в орудие пропаганды дурацких суеверий. Всякий раз, видя на экране улыбающееся лицо дочери, Траффорд испытывал прилив раздражения.

В его мозгу постепенно и неумолимо обретала отчетливую форму идея, которая могла бы принести делу революции еще больше пользы, чем задуманная рассылка электронных писем. Первой, с кем он поделился этой новой идеей, стала Сандра Ди. Позже Траффорду пришло на ум, что причиной, склонившей его к столь безрассудному признанию – к столь безрассудному *поведению*, – было то, что Сандра Ди отвергла его в романтическом плане.

Они сидели вместе в ее маленькой лодке. Это была их первая встреча наедине после того, как Траффорд представил Сандру Ди гуманистам, и он немедленно воспользовался подвернувшейся возможностью, чтобы напомнить ей о своей любви.

– Не надо меня любить, Траффорд, – услышал он в ответ. – Я не хочу, чтобы ты меня любил.

– Вообще-то любят не по заказу, – ответил он. – По-моему, ты прочла уже достаточно книжек, чтобы это понять.

– При чем тут книжки? – возразила она. – Я говорю о реальной жизни – о мерзкой, отвратительной реальности, и я не хочу, чтобы ты меня любил.

– Я ничего не могу поделать.

– Ну, а вот я тебя не люблю, – сказала она самым что ни на есть будничным тоном. – Правда, Трафффорд, ни капельки не люблю. Ты мне просто нравишься. Очень нравишься...

– Ну, тогда...

– И если уж быть совсем честной, признаюсь, что я *могла бы* тебя полюбить. Но все-таки не люблю, и точка.

– Как ты можешь так говорить! – запротестовал Трафффорд. – Откуда у тебя такая уверенность?

– Оттуда, что я так решила.

– Решила! Как будто можно решить, любишь ты человека или не...

– Можно, Трафффорд, – оборвала его Сандра Ди. – В этом вся суть. *Можно* решить. И *нужно*. В этом мире, если хочешь уцелеть, решать нужно всё. Если хочешь не сойти с ума – нужно решать. Любовь – это риск. Откровенность – тоже риск. Для двоих вероятность выдать себя возрастает ровно вдвое, а для меня это неприемлемо. Вот почему я давным-давно приняла решение, что никого никогда не полюблю, а раз никого – стало быть, и тебя, Трафффорд.

– Если ты так ко мне относишься, почему в тот раз согласилась на секс со мной?

– А ты предпочел бы, чтобы я отказалась?

Трафффорд пропустил этот вопрос мимо ушей.

– И все же почему? – настаивал он.

– Потому что тогда я была не против. Все эти наши фантазии... они меня взволновали. Разве девушка не может завестись не любя?

– Значит, я тебя разочаровал? – обиженно спросил Трафффорд. – Фантазии тебя устраивали, но оказалось, что мои реальные достоинства не соответствуют воображаемому?

– Ради бога, Трафффорд, – огрызнулась она. – Только не надо вмешивать сюда свое мужское самолюбие. Побаловались разок, и ладно. Я вовсе не предполагала, что из этого может получиться что-то серьезное. Ты же знаешь, я девушка одинокая. И чтобы добиться этого, мне пришлось приложить немало усилий.

– Ты ведь знала, как я к тебе отношусь. Как ты могла мне отдалиться, зная, что я люблю тебя, а ты сама ко мне совершенно равнодушна?

– Еще раз повторяю, Трафффорд: ты предпочел бы, чтобы я отказалась?

И снова Трафффорд не ответил. Но Сандра Ди упорствовала:

– Давай, скажи мне правду. Если бы я тогда заявила тебе: «Я тебя не люблю и не хочу никаких серьезных отношений, но сейчас, так и быть, готова тебе отдалиться», – неужели ты не согласился бы? Неужели сказал бы: «Ну нет, раз ты меня не любишь, то я на это не пойду. Мне будет потом слишком больно»? Нет. Конечно, нет! Ты бы все равно меня трахнул. Признайся!

Ответ был очевиден, но Трафффорд не хотел произносить его вслух. Вместо этого он последовал примеру многих отвергнутых влюбленных и торжественно объявил о своем намерении пожертвовать собой. Может быть, она раскается, когда он умрет.

– Что ж, – сказал он, – все это не имеет большого значения, поскольку наши встречи в любом случае скоро прекратятся.

– Ты что, собираешься уехать?

– Нет, я собираюсь устроить революцию.

У Сандры Ди вырвался удивленный смешок.

– О чем это ты? – спросила она. – Какую еще революцию?

– Храм хочет, чтобы моя дочь была путеводной звездой. Отлично. Я сделаю из нее путеводную звезду – только она будет освещать путь не к слепой вере, а к разуму.

Сандра Ди больше не смеялась.

– Нельзя ли поподробнее? – спросила она.

– Пожалуйста. Эмоциональной кульминацией кампании «Чудеса бывают!» должен стать Фестиваль Веры на стадионе Уэмбли.

– Это меня не удивляет. Храм не обошелся бы без Фестиваля Веры, даже если бы отмечал выпуск нового сорта гамбургеров.

– Да, но этот праздник будет особенным – пиком общенациональных торжеств по поводу окончания эпидемий кори и свинки.

– И?

– Гвоздем программы станет моя семья. Мы с Чанторией должны будем продемонстрировать Мармеладку Кейтлин всему населению страны – прямая трансляция и так далее. Ее хотят крестить заново, дать ей имя Ангельская Радость и посвятить ее жизнь Богу. Подумай только: превратить младенца в монашку! Они хотят, чтобы мы с Чанторией отдали своего ребенка Богу.

– И что ты намерен сделать? – спросила Сандра Ди с озабоченным видом, показывающим, что она уже догадывается, куда клонит Траффорд.

– Когда меня вызовут как свидетеля чудесного избавления Кейтлин и прежде чем кто-нибудь успеет меня остановить, я сообщу всей стране, что Кейтлин выжила, потому что я сделал ей прививку.

Сандра Ди ошеломленно посмотрела на него. То, о чем говорил Траффорд, было равносильно самоубийству.

– Они убьют тебя на месте, – сказала она.

– Что ж, революций без риска не бывает, – ответил Траффорд. Несмотря на серьезность их разговора, он наслаждался драматизмом момента и тем эффектом, который произвели его слова на Сандру Ди.

– А если Кейтлин тоже убьют? – спросила она.

– Зачем? Это не ее грех, она невинна, да и толпе на Уэмбли при всей ее безмозглости вряд ли понравится смотреть, как исповедники убивают маленьких детей. Скорее, ее просто отдадут куда-нибудь на воспитание.

– А Чанторию?

– Я скажу, что она ничего не знала.

– А если тебе не поверят?

– Придется рискнуть. Разве ты не понимаешь, какая это уникальная возможность? Посеять семена сомнения в умах миллионов людей! Церковники сами сделали Кейтлин знаменитой, затеяв свою дурацкую кампанию. И я могу обернуть эту выдумку против них! Такого шанса больше никогда не представится.

– Шанса стать мучеником? Да это все равно что покончить с собой, Траффорд! Зачем?

– А зачем другие люди приносили себя в жертву ради дела, в которое верили? Я считаю это своим долгом.

– Ты уже выполняешь свой долг, будучи гуманистом. Ты живой архив, просвещенный

человек, который старается просвещать остальных. Это твое призвание. И твой долг!

– Но у меня есть возможность просветить миллионы!

– Они не станут тебя слушать.

– Станут. Я заставлю их слушать. Заставлю задуматься о том, нельзя ли было спасти и их детей тоже. Мне кажется, если я тщательно подготовлю свое выступление и не раскрою карты слишком рано, у меня будет как минимум несколько минут. Я завладею их вниманием, начав с того, как это чудесно, что Кейтлин выжила. Потом вознесу благодарность Любви, а потом, прежде чем они поймут, куда ветер дует, скажу им о прививке. Возможно, даже и за нее поблагодарю Бога: это собьет их с толку. Подумай сама! У кого из гуманистов хоть раз была такая шикарная возможность выставить церковников дураками?

– А что после всего этого будет с гуманистами? – жестко спросила Сандра Ди. – Тебя ведь не просто убьют, а сначала вытянут из тебя пытками все что можно. Что будет с библиотекой? И с нашими товарищами?

– Про библиотеку они ничего не узнают, потому что будут искать вакцинатора, а не гуманиста. О вакцинации я расскажу им немедленно. Ничего не скрою. Выложу все подробности, причем говорить буду с гордостью, как бы отстаивая свою правоту. Зачем им добиваться еще чего-то?

– Ты выдашь им Кассия?

– Ну, сначала я его, естественно, предупрежу. Ему придется исчезнуть. При достаточной осторожности он сумеет уцелеть – он человек опытный. В любом случае, я уверен: он меня поддержит, согласится, что игра стоит свеч. Шанс использовать всю машину пропаганды Храма против него самого выпадает раз в столетие.

– А как же я? Мы с тобой гуляли вдвоем. Если они узнают...

– Откуда? Им это и в голову не придет.

– На причале установлены камеры наблюдения. Да и не только на причале – везде.

– Зачем им проверять эти записи? Мы всегда добираемся сюда в толпе. Здесь, на озере, на нас никто не обращает внимания. Кроме того, я ведь уже сказал: они попросту *не станут* искать. Они ничего не знают ни о гуманистах, ни о нас с тобой. Они будут искать вакцинатора, и я дам им вакцинатора. Я расскажу им обо всех моих встречах с Кассием вплоть до поездки в Хитроу, где мы сделали Кейтлин прививку. Все это подтвердится видеозаписями. На них будут искать только Кассия, и больше никого.

– А тебя, скорее всего, сожгут на костре.

– Да, пожалуй.

Сандра Ди долго не нарушала наступившего молчания. Они сидели друг против друга, задумавшись каждый о своем, и стоящая на якоре лодка тихо покачивалась.

– И ты действительно на это пойдешь? – наконец спросила Сандра Ди.

– Да. Без колебаний. Я считаю, что у меня в жизни нет другого пути.

– Если бы я тебя любила, ты бы все равно это сделал?

– Не знаю. Хотя... да. В конце концов, думаю, сделал бы. Мне ведь приказано выйти в Уэмбли на сцену и возблагодарить Бога за чудесное спасение Кейтлин. Вознести хвалу глупому, злобному, капризному, непоследовательному, жестокому, бессовестному божеству, которое существует только в воображении хамов и идиотов. Честное слово, лучше умереть, чем выполнить такой приказ.

- В таком случае, – ответила Сандра Ди, – я предлагаю сейчас заняться любовью.
- Прощальный подарок?
- Если тебе угодно.
- Что ж, давай. Мне угодно.

34

И снова Траффорд с Кассием отправились в Хампстед и очутились в роскошной гостиной Коннора Ньюбери, где в очередной раз заседал Сенат гуманистов. Траффорд рассказал собравшимся о своей идее использовать слово «ниврад» как объединяющий символ и сообщил, что первое электронное письмо готово к рассылке и триггерный механизм его запуска в сеть успешно установлен.

– Поисковая программа Израза определила нашу целевую аудиторию, – сказал он, – и мы готовы к осуществлению первого контакта.

– И сколько же набралось кандидатов? – осведомился Билли Макаллан.

– Двенадцать миллионов, – ответил Траффорд.

Великан чуть не уронил чашку с чаем, которую держал в руках.

– Двенадцать *миллионов*? – изумленно переспросил он. – Черт возьми, да это половина населения!

– Знаю, – согласился Траффорд. – Я проводил поиск по разным параметрам, и иногда результаты получались даже более поразительные. Например, когда я попросил компьютер найти тех, кто хоть однажды попадал в списки уклонявшихся от гробьев, он выдал мне почти четырнадцать миллионов человек. В целом факты говорят о том, что большинство жителей страны не удовлетворены нынешним положением вещей и в душе чувствуют себя разочарованными и несчастными.

– Что ж, – заметил Кассий, – если наши программы не врут, Храм и вправду можно назвать замком, построенным на зыбучем песке.

– Именно так, – горячо подтвердил Траффорд. – Когда мы обучим этих людей нашему паролю, «ниврад», они увидят, как их много, и это придаст им мужества! Мне кажется, после начала почтовых рассылок нам нужно попробовать назначить место и время и посмотреть, явится ли туда кто-нибудь. Если в наших психологических расчетах нет ошибки, скоро мы сможем собрать достаточно народу, чтобы принять новый Закон Уэмбли!

Это был ошеломительный вывод, и на несколько секунд в комнате воцарилось молчание.

– Ладно, – промолвила профессор Тейлор. – Наверное, это и впрямь возможно. Пока революция не начата, она обычно кажется безнадежной. За год до русской революции Ленин был изгнанником-маргиналом с маленькой кучкой сторонников. Даже христианство превратилось из подпольного культа в официальную религию Римской империи всего за одно-два поколения.

– Вы совершенно правы! – с азартом сказал Траффорд. – И я уверен, что в наших руках отличное орудие, с помощью которого мы можем начать революцию! Мы разошлем наши письма накануне следующего Фестиваля Веры – того, где Храм собирается продемонстрировать зрителям мою дочь как доказательство милосердия Любви.

Потом Траффорд изложил членам Сената свой план, который уже обрисовал в общих чертах Сандре Ди.

– Я намерен объявить, что Мармеладка Кейтлин прошла вакцинацию, но прежде я заведу толпу, чтобы она скандировала «ниврад». На моей футболке тоже будет написано это слово. Миллионы людей, получивших наши письма, узнают в нем наш пароль! К тому времени многие из них уже прочтут нашу статью о теории эволюции – и тут увидят человека с именем ее создателя на груди и услышат от этого человека, что спасать детей может не религия, а наука, только Храм запрещает ей это делать. У нас никогда больше не будет шанса на такое убедительное начало.

Члены Совета явно нервничали. Траффорд понимал их беспокойство: движение гуманистов так долго было камерным, что идея придать ему подобный размах не могла не показаться опасной.

– Уж очень это рискованно, – осторожно заметил Ньюбери.

– Знаете что, Ньюбери, – сказал Кассий, – после самого Траффорда я второй, для кого этот план несет наибольшую угрозу, и я лично считаю, что он гениален.

– Поверьте мне, народ уже созрел! – воскликнул Траффорд. – Терпение людей на пределе! Это показывают результаты наших поисков. Бомба с часовым механизмом заведена, и мы можем взорвать ее, не оставив от Храма камня на камне.

35

Траффорд убедил Сенат в эффективности своего плана, и его переполняла радость. Теперь ему нужно было подготовить свой выход на сцену в Уэмбли. Всю речь следовало продумать до мельчайших подробностей и построить по единственно возможной схеме: невинное начало, постепенное развитие и такой неожиданный «гром среди ясного неба», что, когда люди осознают смысл сказанного, старейшинам Храма уже поздно будет что-либо предпринимать. Самым важным должен был стать тот миг, когда публика узнает об истинной причине крепкого здоровья Мармеладки Кейтлин, – от этого ключевого момента зависел успех всего замысла.

Однако, как это ни печально, Траффорду так и не пришлось объяснять народу, почему его дочь уцелела, ибо на следующее утро после его встречи с Сенатом гуманистов у бедной малышки начались сильный понос и рвота. Видимо, что-то попало в питьевую воду, и в Башнях Вдохновения разразилась эпидемия холеры-плюс. Все болели тяжело, но умер только один обитатель комплекса – тот самый единственный младенец, которому удалось пережить предыдущие напасти. В конце концов оказалось, что Мармеладка Кейтлин – вовсе не чудо-ребенок.

Храм тут же постарался снизить урон, нанесенный этим событием его репутации. В течение первых же суток после смерти Кейтлин с городских улиц и из виртуального пространства исчезли все следы кампании «Чудеса бывают!». О трагедии даже не сообщили в новостях. Теперь, когда Кейтлин умерла, все вдруг повели себя так, словно ее никогда и не было на свете.

Нежданная гибель дочери так ошеломила Траффорда с Чанторией, что поначалу они не заметили, как радикально изменилось их положение в обществе. Оцепеневшие от горя, они

сидели у себя в квартире, пытаюсь хоть немного привыкнуть к пустой кровати, детским вещам и игрушкам, в которые уже никто не будет играть. Если они и обратили внимание на то, что к ним не приходят в гости и не заглядывают через интернет, то приписали это робости соседей и их нежеланию беречь душевные раны только что осиротевших родителей.

На четвертый день Чантория вышла из дома. Ее мучения не ослабели, а лишь возросли, и она решила посетить отца Бейли. Уж он-то должен найти слова утешения, помочь ей перенести утрату! Но женщине, которой еще на прошлой неделе было дозволено умащать ноги исповедника благовонными маслами, теперь не удалось пройти дальше парадной двери. Слуга, прежде встречавший Чанторию раболепными поклонами и расшаркиваниями, теперь грубо заявил ей, что Любовь ее больше не любит, а если она хочет видеть отца Бейли, то может явиться для этого на публичную исповедь, как все прочие жители района. Более того: пусть зарубит себе на носу, что без особого приглашения ей строжайше запрещено даже приближаться к сей святой обители.

Отцу Бейли было досадно вспоминать о Чантории. Он превозносил ее с кафедры, и теперь это могло подорвать доверие, которое питали к нему прихожане. Из-за нее они поняли, что их исповедник тоже способен ошибаться, и он больше не желал иметь с ней никакого дела.

Понурившись, Чантория побрела восвояси. По дороге ее узнавали: люди ухмылялись, шептались и показывали на нее пальцами. Иногда она слышала за спиной смешки.

На лестнице, ведущей в Башни Вдохновения, ей встретилась Незабудка.

– Значит, померла твоя Кейтлин? – бесцеремонно спросила она, даже не поздоровавшись. – Стало быть, теперь у тебя навалом свободного времени! Может, сбегашь для меня кое-куда?

Еще не успевшая прийти в себя после семейной трагедии, Чантория не сразу осознала, сколько враждебности породил краткий период ее пребывания в роли фаворитки Храма. Но ведь Незабудка – ее лучшая подруга! Не станет же она вести себя как все остальные?

– Теперь у нас дома так одиноко, – слабым голосом сказала Чантория.

– Да неужто? – откликнулась Незабудка с ядовитым сарказмом.

– Мы с Траффордом не знаем, о чем говорить друг с другом.

– Ну, он же всегда был немножко идиотом, верно?

– Может, заглянешь ко мне на чашечку кофе или на бокал вина? Честное слово, не знаю, как я все это переживу.

– На чашечку кофе или на бокал вина? – холодно повторила Незабудка.

– Ну да, и вообще.

Незабудка приблизила свое лицо вплотную к лицу Чантории и словно выплюнула ответ.

– Слушай меня внимательно, наглая сучка, – прошипела она. – Ты тут выдрючивалась как могла, когда изображала из себя Божью любимицу, так?

– Нет! Нет, что ты! – запротестовала Чантория.

– Не нет, а да. Все соседи только и знали, что прыгать перед тобой на задних лапках. А теперь оказалось, что ты ничем не лучше других! Богу-и-Любви до тебя столько же дела, сколько до куска дерьма. И до твоего отродья тоже, до твоей паршивой дочки! Потому что она померла, верно? Точно так же, как и все наши дети. Только никто из нас, по крайней

мере, не ходил и не вдалбливал всем вокруг, что его ребеночек ангел. Никто из нас не считал себя Богородицей, а своего ребенка – самым Иисусом Христом. Нет! Но ты! Ты, Чантория, и твоя жалкая малявка Кейтлин – вы были избранные, так? Но теперь шабаш, детка. И придется тебе с этим смириться.

– Пожалуйста, не надо! – взмолилась Чантория. По лицу ее текли слезы.

– Только потому, что тебя оприходовал исповедник, ты возомнила себя живой иконой. Но теперь-то все по-другому, верно? Так что держись от меня подальше, поняла? Достаточно ты над нами поизмывалась. Подумать только – мой Лексус бегал к тебе чинить душ! А я приводила в порядок твою убогую замохнатевшую кошелку! Но теперь тебе никто не поможет, потому что ты опозорила все Башни Вдохновения, ясно? Выставила всех дураками, и теперь каждый желает тебе, чтобы ты последовала примеру своей малявки, а именно поскорее отправилась на тот свет!

Чантория, плача, убежала от своей мучительницы. Но и у себя дома она не нашла спасения. На стене ее уже поджидала Куколка.

– Так-так, вот и пресвятая мать Божья собственной персоной! – съязвила она.

– Пожалуйста, Куколка! – жалобно воскликнула Чантория. – Ну почему все так жестоки? Я ведь только что потеряла ребенка!

– Они все потеряли ребенка, дорогуша, но никто не воспользовался этим, чтобы провозгласить себя особенной, верно? – спросила Куколка, без малейшего усилия искажая правду. – Они не превратили наш дом в посмешище, утверждая, что их сопливый младенец – новый мессия. Нет, дорогуша, это твоя заслуга! И не удивляйся, что никто больше не хочет с тобой знаться. Что посеешь, то и пожнешь!

С этими словами Куколка отключила звук и демонстративно отвернулась – во всяком случае, настолько, насколько ей позволила это сделать ее громадная неуклюжая туша.

– Прошу тебя, Куколка! – вся в слезах крикнула Чантория в камеру, но Куколка вскрыла пакет с сырными кукурузными палочками и притворилась, что не слышит.

Чантория опустила на пол и безудержно зарыдала. Траффорд тоже не смотрел на нее. Он сидел около пустой кровати Кейтлин, от которой почти не отходил на протяжении последних четырех дней. Потом он заговорил, обращаясь в пустое пространство перед собой.

– Плюнь ты на эту дуру, Чантория, – сказал он. – Какая разница, что думает Куколка? Какая разница, что думают остальные? Это не имеет значения. Ничто не имеет значения.

Чантория подняла глаза и посмотрела на Траффорда. Она молчала и не сводила с него взгляда целую минуту, пока Траффорд наконец не повернулся к ней лицом.

– Ну что? – спросил он.

– Ты, – ее голос был полон горечи. – Ты негодяй. Все это твоя вина.

Траффорд удивился. Он не думал, что способен сейчас на какие-то чувства, но обвинение Чантории его ошеломило.

– Какого черта? О чем ты?

– Все покатило под откос, когда ты сделал то, что сделал!

– Все покатило под откос, когда ты поверила в свою богоизбранность. Если нас теперь клюют, то лишь потому, что ты устроила спектакль, вбив себе в голову, что Кейтлин спас Господь Бог!

Чантория набросилась на него.

– Уж ты-то точно ее не спас, подонок! – завопила она. – Твоя драгоценная прививка ее

не спасла!

– Она спасла ее от кори и свинки! Кейтлин умерла от холеры, Чантория! От холеры ее не прививали. Вакцинация – это не чудо вроде тех, про которые все время врет Храм, это научная процедура, и...

– Заткнись! Замолчи! Не желаю слушать! Говорю тебе, все стало разваливаться после того, как ты сделал эту гадость! Раньше у нас все было нормально!

Она пыталась бить его кулаками в грудь; ему приходилось обороняться.

– Кейтлин мертва! – крикнул он ей в лицо. – Больше ничто не имеет значения – ни ты, ни я, ни все эти идиоты, – он махнул рукой в сторону веб-камеры. – Кейтлин мертва, и мы ничего не можем с этим поделать. Она не была чудо-ребенком, но она была *нашим* ребенком, а теперь она умерла.

Постепенно безумная ярость Чантории иссякла. Она опустилась на пол, и весь этот вечер они провели в молчании. Когда в комнате сгустились сумерки, Чантория легла в постель, а Траффорд так и остался сидеть у кровати Кейтлин. Оба не спали и терпеливо дожидались утра – каждый сам по себе, заточенный в одиночную камеру своей скорби.

Примерно в два часа пополудни вдруг вспыхнул свет и раздался шум. На стенном экране появились Незабудка и еще несколько девушек. Пьяные, с безобразно раскрасневшимися лицами, они решили заглянуть к ним через интернет, чтобы слегка развлечься.

– Салют, Чантория, – крикнула Незабудка, как обычно взяв на себя роль вожака стаи. – Молишься небось? А мы тут с девочками гадали, что святые делают по ночам. Похоже, ничего особенно интересного! Вряд ли у тебя появится еще один ангелочек, если ты лежишь в постельке, а твой муженек торчит на кухне! А то попробовала бы: вдруг на этот раз получится *настоящий* чудо-ребенок!

Девушки, столпившиеся вокруг веб-камеры в квартире Незабудки, залились визгливым смехом.

– Благослови нас, Чантория! – с издевкой попросила одна из них. – Почему бы тебе не нацепить свой нимб и не спеть нам что-нибудь душеспасительное?

Сидя с закрытыми глазами, Траффорд слушал, как они визжат и смеются, и ему казалось, что это тянется уже битый час. У него не хватало сил даже на то, чтобы взять в руки пульт управления и отключить звук. Теперь, когда Мармеладка Кейтлин умерла, ему было все равно, издеваются над ним или нет. Чантория тоже лежала тихо: по-видимому, она так устала, что не могла даже молить о пощаде.

Мало-помалу подгулявшим девицам надоело ждать от своих жертв хоть какой-нибудь реакции, и они потеряли к ним интерес. Тишина вернулась, но не принесла покоя. И эту ночь, уже которую по счету, Траффорд провел без сна, а по рыданиям, доносящимся из спальни, ему было ясно, что не спит и Чантория.

На следующий день был физиприс, так что Траффорду пришлось встать, кое-как позавтракать и собраться в Госбанд. Дети умирали настолько часто, что это не могло служить оправданием для неявки на работу. Наоборот, считалось, что люди должны быть рады возможности поделиться с сослуживцами своим горем.

Когда Траффорд собрался уходить, Чантория все еще лежала в постели.

– До вечера, – сказал он, отпирая дверь. – На обратном пути куплю чего-нибудь перекусить, ладно? Если, конечно, ты сама не хочешь дойти до магазина.

Чантория повернулась и посмотрела на него пустым взглядом. На мгновение Траффорд растерялся. Такой Чантории он еще никогда не видел. Она была похожа на зомби.

– Да нет, я ничего, – торопливо добавил он. – Пожалуйста, могу и сам купить. Просто подумал, вдруг ты захочешь чем-нибудь заняться, чтобы не сидеть весь день дома.

Чантория по-прежнему не отвечала. Ее лицо все больше и больше казалось Траффорду лицом трупа.

– Ну, – сказал он наконец, – я пошел. Позвони, если что-нибудь понадобится.

Когда он взялся за ручку двери, она заговорила.

– Мы это заслужили, – сказала она странным, лишенным выражения голосом.

– Прошу тебя, Чантория. Не надо.

– Мы бросили вызов Богу.

– Никому мы ничего не бросали...

– У него свои планы, а мы пытались его перехитрить. И он нас за это наказал.

Траффорд собирался в очередной раз воззвать к ее здравому смыслу, но один взгляд на бледное, безжизненное, лишенное всякого выражения лицо куклы, которая когда-то была его женой, убедил его в том, что это бесполезно.

– После работы сразу вернусь домой, – сказал он.

Когда Траффорд явился в офис, там уже поджидала его Принцесса Любомила, горящая желанием отомстить за все свои недавние унижения. Траффорд ожидал неприятностей, но его удивило то, какую форму приняла ее первая атака. Принцесса Любомила обрушила на него удар в прямом, а не в переносном смысле. Она пересекла комнату и вlepила ему пощечину со всей силой, на какую только была способна ее слоновья рючница.

– Ах ты крысеныш! – заорала она. – Из-за тебя над нами смеется весь Израз! Я получила, наверно, уже целую тысячу электронных писем! Я говорила всем, что на нас снизошла милость Божья, что у нас на этаже свой пророк! А теперь чуть не сгорела со стыда! Вот что я тебе скажу, поганец: больше я с тебя глаз не спущу. Один неверный шаг, и ты труп!

Ничего не ответив, Траффорд двинулся к своему столу. По дороге он прошел мимо Кассия, получив от него еле уловимый сочувственный кивок. Сандры Ди не было видно.

Всегда готовая поймать кого-нибудь на проявлении слабости, Принцесса Любомила заметила, как Траффорд озирается.

– Да-да, – прошипела она, – я гляжу, у этой сучки, к которой ты клеился, не хватило духу сюда показаться. И правильно: она ведь знает, что я и ее достану. Признайся честно, теперь ей с тебя пользы как с козла молока, верно? Потому что теперь Богу-и-Любви на тебя плевать!

Траффорда огорчило отсутствие Сандры Ди: он надеялся увидеть ее, надеялся, что ее ободряющая улыбка поможет ему пережить этот день. После смерти дочери любовь к Сандре Ди осталась в его душе единственным чувством со знаком плюс. Конечно, эта любовь не могла заполнить вакуум, оставленный Мармеладкой Кейтлин, тем более что Сандра Ди не отвечала Траффорду взаимностью, но он все равно рад был бы ее увидеть.

Странно, подумал он. Где она может быть?

Едва он задал себе этот вопрос, как открылись двери лифта и оттуда вышли двое полицейских в сопровождении чиновника из Храма. Они направились прямо туда, где сидел Траффорд, но лишь увидев их перед своим столом, он осознал, что они пришли за ним.

– Траффорд Сьюэлл, – сказал церковник, – вы арестованы за преступления против веры.

Траффорд невольно обернулся, чтобы кинуть взгляд на Кассия. Лицо его старшего друга окаменело от страха.

36

После того как Траффорд ушел на работу, Чантория обрила себе голову. Потом надела самое белоснежное из своих бикини и нимб, которым еще недавно так гордилась, только теперь перевернула его вверх ногами. Затем Чантория пошла в «Потаскушку Долли» и купила там маленькую плетку-девятихвостку, предназначенную для садомазохистских развлечений. Выйдя на улицу, она стала бродить по району и бичевать себя, надрывно крича, что она великая грешница и Господь должен стереть ее с лица земли. Спустя некоторое время, исхлестав в кровь всю спину, она подошла к Духовной Обители, куда ее не пустили вчерашним утром.

Поднявшись на крыльцо, она сообщила, что хочет видеть исповедника. Ей вновь отказали, но на этот раз она раскричалась так отчаянно, что отец Бейли спустился в холл и пригрозил вызвать полицию, если она не уймется.

– Я хочу, чтобы меня покарала, – сказала Чантория. – Мне нет прощения! Я должна исповедаться.

– Ладно, – согласился отец Бейли. – Исповедуйся и уходи.

– Мой муж сделал нашему ребенку прививку, а я ему не помешала! – завопила Чантория. – Господь забрал у нас Кейтлин за то, что мы пошли против его воли!

Это было гораздо более серьезным признанием, чем рассчитывал услышать отец Бейли. Поэтому он велел немедленно проводить Чанторию в дом и запереть ее в подвале, а сам тут же вызвал к себе районного инквизитора. Пока тот добирался по вызову, Бейли, преисполненный праведного негодования, взял хлыст и принялся собственноручно избивать плачущую женщину, которая извивалась перед ним на мокром каменном полу. Все его слуги присутствовали при этом как свидетели, а когда исповедник утомился, самые рослые и сильные из них приняли хлыст из его рук, дабы продолжить экзекуцию.

Для подкрепления сил отец Бейли заказал себе вино с пирожными. Едва Чанторию по его приказу приковали к грубому деревянному столу, как явился брат Искупитель. Районного инквизитора редко видели в дневные часы: он был порождением ночи и обитал в полутемных комнатах и мрачных подземельях. От большинства церковников он отличался редкой худобой, но все его тощее тело покрывали татуировки – оккультные символы и кошмарные рисунки, на которых разнообразные твари дьявольского облика глумились над грешниками, пытая их и насилуя. На его лбу готическими буквами был выведен девиз: «Не спрашивай, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе». По своему району брат Искупитель перемещался в паланкине, который несли четверо осужденных преступников. В том же паланкине всегда лежали пыточные инструменты, и он не забыл взять их с собой, прежде чем войти в Духовную Обитель и потребовать, чтобы ему показали несчастную грешницу, отравившую свое дитя. Однако из Чантории не пришлось вырывать признание с помощью тисков и клещей, поскольку она жаждала облегчить душу и все выложила сама.

– Я грешница! Я заслужила кару! – рыдала она, распростершись на столе и гремя цепями. – Из-за моего мужа наша семья вступила на путь неповиновения Богу-и-Любви!

– Выведите ее на улицу, – приказал брат Искупитель.

– Прошу прощения, брат, но я бы еще чуть-чуть подержал ее здесь, – возразил исповедник. Его лицо покраснелось, влажные губы блестели. – Я знаю эту несчастную, и мне кажется, что мы узнаем больше, если я займусь ею лично.

Отец Бейли стоял около стола, на котором была распята Чантория. Он сбросил свою роскошную мантию и золотые плавки и остался нагим, если не считать высоких белых сапог и усыпанных драгоценностями колечек, которые украшали его гениталии. Эти колечки поблескивали и переливались в полутемном подвале.

– Выведите ее на улицу, – повторил брат Искупитель и повернулся к выходу.

Отец Бейли был глубоко возмущен бесцеремонностью своего гостя, но даже он не мог позволить себе перечить представителю столь могущественной организации. Чанторию выволокли из подвала на улицу, где уже собралась беснующаяся толпа. Там ее приковали за запястья к задку паланкина, после чего брат Искупитель хлестнул носильщиков и поехал прочь.

37

После ареста в Изразе Трафффорд был переправлен на специальном катере в штаб-квартиру инквизиции на Лондонском озере. Это учреждение, внушающее всем такой страх, что о нем говорили только шепотом, располагалось в здании, которое было когда-то самым величественным городским собором. Теперь его называли Большой Буб, поскольку оно очень напоминало искусственно увеличенную женскую грудь.

Нижняя часть собора пустовала, ибо находилась во власти капризных приливов и отливов Темзы. Футах в шестидесяти над максимальным уровнем воды было построено укрепленное бетонное перекрытие, а на нем соорудили целый лабиринт камер и офисов. Хотя огромное подкупольное пространство было теперь свободно далеко не полностью, оно все же до некоторой степени сохранило свои акустические свойства, и, ступив под своды собора, Трафффорд слышал, как под ними отдаются эхом стоны и вопли истязуемых.

Его провели по дуге гигантской окружности мимо множества камер – каждая из них заключала в себе искалеченное, хнычущее существо, которое когда-то было человеком, – и втолкнули в комнату, оборудованную для пыток. Трафффорд увидел дыбу, цепи, крюки и клетки, пылающую жаровню, на которой лежали железные тавро для клеймения грешников, ножи, трубки, клинья, щипцы, вертелы, плоскогубцы и прочие инструменты, о жутком назначении которых он мог только догадываться.

В комнате уже находились шестеро: страж, могучий тюремщик, раздувающий мехи под жаровней, двое подручных у валиков дыбы, инквизитор в клобуке и, наконец, женщина с обритой головой, висящая без сознания на ржавой железной решетке. Она была обнажена, если не считать багряного комбинезона из запекшейся крови. Трафффорд с содроганием узнал в ней Чанторию.

– Добро пожаловать, Трафффорд, – сказал инквизитор, снимая клобук. – Меня зовут брат Искупитель. Храм назначил меня инквизитором вашего прихода. На моем лице вы можете

видеть надпись «Не спрашивай, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе», – и нет на свете другого лица, которое выражало бы столь же неоспоримую истину. Ваша жена сообщила нам, что вы любите издеваться над детьми.

Траффорд попытался отрешиться от страшного зрелища, которое открылось его глазам, и спокойно все обдумать. В Госбанде ему не сказали, в каком именно преступлении против веры он обвиняется, но поскольку Чантория тоже попала сюда и поскольку инквизитор упомянул об издевательствах над детьми, можно было с большой долей вероятности предположить, что причина его ареста – вакцинация Мармеладки Кейтлин.

Хотя живот ему сводило от ужаса, Траффорд увидел в этом проблеск надежды: ведь это значило, что здесь могут ничего не знать о его связях с гуманистами. Конечно, его казнят за то, что он сделал дочери прививку, но теперь, когда Мармеладка Кейтлин умерла, Траффорд уже не боялся смерти. Боли – да, но не смерти. Теперь Траффорду были безразличны только Сандра Ди, которую он любил, да еще его глубокая вера в гуманизм и живительную силу разума. Единственным долгом, который у него остался, было защитить все это, и в его мозгу мгновенно сложился план действий. Раз они знают о вакцинации, то первой их задачей будет выяснить, как (или, по крайней мере, кем) она была проведена. Поэтому Траффорд решил не называть имени Кассия до тех пор, пока его организм не откажется терпеть пытки, и надеяться, что брат Искупитель не заподозрит о наличии у него других секретов и не станет менять линию допроса.

– Все, что я сделал, я сделал один, – сказал он. – Ни моя жена, ни мои знакомые не имеют к этому никакого отношения.

– И что же вы сделали, Траффорд? – осведомился инквизитор.

– Мне нечего вам сказать.

– Ах, так значит, это секрет? – спросил брат Искупитель. – Чантория рассказала мне, что вы умеете хранить секреты. Это правда?

– Я не скажу вам. Это секрет, – сказал Траффорд и секунду спустя уже лежал распростертый на бетонном полу с острой болью в челюсти, хрустнувшей под чугунным кулаком тюремщика.

– Вы устроили своей дочери вакцинацию? – спросил брат Искупитель.

– Какое это теперь имеет значение? – с трудом выговорил Траффорд. – Она все равно умерла.

– Когда я спрашиваю, вы должны отвечать, Траффорд.

Траффорд получил жестокий пинок сзади. Его щека была прижата к влажному бетону, и он не поднял головы, чтобы посмотреть вверх. Вместо этого он скосил глаза и увидел, как сапоги брата Искупителя пересекли комнату и остановились у подножия решетки, на которой висела Чантория. Траффорд услышал громкий металлический лязг, и обмякшее, избитое тело Чантории мешком рухнуло на пол, так что ее покрытое кровоподтеками лицо очутилось не дальше чем в трех футах от его собственного. Сначала он подумал, что она без сознания, но ее глаза открылись, и их взгляды встретились.

– Прости, – сказал Траффорд.

Чантория силилась ответить, но ее распухшие, окровавленные губы отказывались ей повиноваться.

– Я это заслужила, – наконец прошептала она. – Мы оба заслужили. Мы бросили вызов Богу.

– Если Бог одобряет то, как с тобой поступили, ему надо было бросить вызов, – ответил Траффорд. – Тогда он не лучше дьявола.

Должно быть, в этот момент его ударили ногой по голове, так как он потерял сознание, а когда пришел в себя, обнаружил, что прикован к той самой решетке, с которой сняли Чанторию. Металлические прутья вдавливались ему в лицо. С обнаженного тела капала ледяная вода, и сквозь решетку он увидел перед собой тюремщика с пустым ведром.

– Заключенный очнулся, господин инквизитор, – сказал тюремщик.

Траффорд услышал позади себя шаги, и брат Искупитель, обогнув решетку, вновь появился в его поле зрения.

– Ваша жена показала, что вы разместили в интернете чужой родильный ролик вместо своего. Это правда?

– Да.

– Могу я спросить вас – зачем?

– Я считаю, что у каждого есть право на личную жизнь.

– Разве вы не гордитесь своим родильным роликом?

– Почему я должен гордиться естественным событием, в котором нет никакой моей заслуги?

– Потому что Храм велит вам гордиться всеми уникальными особенностями вашей личности, Траффорд, – вашим ростом, цветом волос, вашими мнениями, вашим выбором нательных украшений. Если, конечно, вам нечего скрывать. А вам есть что скрывать?

– Ничего такого, за что мне могло бы быть стыдно, если вы это имеете в виду.

– Тогда вы меня заинтриговали. Если вам нечего стыдиться, скажите на милость, зачем вам право на личную жизнь?

Траффорд ненадолго задумался.

– Оно необходимо мне, чтобы чувствовать себя человеком, – наконец ответил он.

– А может быть, затем, чтобы чувствовать себя извращенцем и еретиком?

Траффорд промолчал.

– А может быть, – продолжал инквизитор, – вы хотите личной жизни, чтобы вам не мешали читать? Что это такое, по-вашему?

Сердце у Траффорда ушло в пятки, когда он увидел в руках инквизитора томик «Происхождения видов», который еще вчера лежал у него под кроватью в обложке популярного журнала с заголовком «Чем грозит подтягивание ягодиц? Звезды на пляже – вид сзади».

– Это книга по естественной истории... Я люблю естественную историю.

– Читать работы антихриста Дарвина – это преступление против веры, Траффорд.

– Я знаю. Знаю, что я преступник.

– Где вы взяли эту мерзость, Траффорд?

– Нашел. Я часто нахожу книги. Все время ищу их, и вот... Если смотреть внимательно, их не так уж и мало вокруг. По большей части на чердаках брошенных домов, ну и на свалках, конечно. Да и прилив чего только с собой не приносит.

Траффорд видел сквозь прутья лицо инквизитора и пытался угадать, поверил он ему или нет. Но в водянисто-голубых глазах брата Искупителя ничего нельзя было прочесть.

– Я просмотрел страничку-другую, – сказал инквизитор. – По-моему, это полная чушь.

– Значит, вы и впрямь такой тупица, каким кажетесь, брат.

– Пять, – скомандовал брат Искупитель. Траффорд услышал хлопок и свист рассекаемого воздуха, и тут же его спину вспорол отчаянной болью, какой он еще никогда не испытывал. За этим последовали еще четыре удара бичом, а когда наказание завершилось, он уже плакал и молил о пощаде.

– Сегодня утром, – снова заговорил инквизитор, – ваша жена Чантория пришла к своему исповеднику и заявила, что вы сделали Мармеладке Кейтлин прививку. Это правда?

– Да.

Несмотря на терзающую его боль, Траффорд словно почувствовал прилив сил, когда инквизитор переключился с обсуждения книг на другую тему.

– Она сказала, что вы действовали ей наперекор, – сказал брат Искупитель. – Это тоже правда?

– Да, она была против. Она просила меня этого не делать.

– Тогда ее, возможно, помилуют. Это будет зависеть от решения Соломона Кентукки и воли народа.

Траффорд заметил, что внимание брата Искупителя снова возвращается к «Происхождению видов». Инквизитор опустил глаза и принялся лениво перелистывать книгу, которую держал в руках. Его необходимо было отвлечь, и Траффорд напрягся, соображая, в какую сторону повернуть беседу.

– Если Чантория созналась во всем добровольно, – сказал он, стараясь, чтобы его голос не дрогнул, – зачем было так ее истязать?

К его облегчению, инквизитор захлопнул книгу и, презрительно хмыкнув, швырнул ее в жаровню.

– Мы должны были выяснить, правду она говорит или нет, – пояснил он. – Ведь она, очевидно, ведьма, а ведьмы хитры.

– Она не ведьма.

– Она позволила добрым людям из вашего прихода уверовать в ее святость, тогда как на самом деле жила в союзе с еретиком и дьявольским ребенком. Разве это не ведьминские козни?

Траффорд не ответил. Силы покидали его вместе с кровью, сочащейся из глубоких ран на спине.

– Кто делал прививку вашей дочери? – спросил инквизитор нарочито небрежным тоном, и по этому вопросу Траффорд понял, что подлинные испытания еще впереди.

– Я его никогда не выдам, – ответил Траффорд. – Он пытался спасти мою дочь. Я ничего вам не скажу.

– Скажете, Траффорд.

– Никогда.

– Десять, – сказал инквизитор.

После десяти очередных ударов хлыстом Траффорд едва не потерял сознание. Затем ему выжгли на животе и ягодицах слово «еретик». Затем его растянули на дыбе.

Преодолевая адскую боль, Траффорд старался все время удерживать перед своим мысленным взором лицо Сандры Ди. Это ради нее он терпел муки. Пока речь идет о Кассии, брат Искупитель не доберется до тайны библиотеки. Если же это случится, Сандру Ди тоже схватят. Траффорд даже начал надеяться, что умрет раньше, чем палачи сломят его сопротивление, и таким образом унесет свою тайну в могилу.

Распяв Траффорда на дыбе, мучители пропустили ток через его гениталии и стали по очереди вырывать ему ногти.

Этого он уже не вынес.

– Довольно! – выкрикнул он. – Имя, которое вам нужно...

– Кассий, – произнес инквизитор.

Траффорд был ошеломлен. Он попытался хоть немного прояснить багровую сумятицу своих мыслей.

– Не понимаю, – наконец прошептал он.

– Что же здесь непонятного? – спросил брат Искупитель. – Человеком, который воткнул в Мармеладку Кейтлин отравленную иглу, был ваш коллега Кассий. Я знал это с самого начала. Все страдания, которые вы перенесли, были напрасными. Мне просто хотелось проверить, как долго вы продержитесь. Можете считать это профессиональным любопытством.

– Но...

– Не будьте наивным, Траффорд. Разумеется, мы всё знали. И вы сами поняли бы это, если бы немножко подумали, вместо того чтобы корчить из себя героя. Когда вы впервые сообщили Чантории, что к вам обратился вакцинатор? В день физиприса. И вы еще добавили, что он ваш коллега. Вы сказали ей, она – нам. Далее мы очень легко вышли на Кассия, действуя обыкновенным методом исключения. К несчастью, он оказался сообразительнее вас.

– Он сбежал?

– Он умер.

– Вы убили его?

– Он сам убил себя. Сразу после вашего ареста. Отправился в мужскую зону отдыха с душевой и принял яд. Он понимал, что его ждет.

Траффорд ничего не сказал, но душа его, несмотря на ужасную боль, радостно встрепенулась. Кассий – настоящий герой! Если бы его схватили и пытали, сколько людей могло бы пострадать – вакцинаторы, гуманисты, а с ними и Сандра Ди! Но он защитил их, заставив себя замолчать прежде, чем его заставили говорить.

– Как я уже сказал, – продолжал брат Искупитель, – вы напрасно мучились и лишились трех ногтей. Должен признать, что вы стойкий человек. Я едва не приказал прекратить пытки. В конце концов, вы нужны нам живым.

– Зачем? Мой секрет вам уже известен. Какая разница, раньше я умру или позже?

– Несчастный глупец! – воскликнул брат Искупитель. – Разница очень велика. Вы еще пригодитесь Храму. Вы с вашей женой осмелились обмануть старейшин. Они объявили вашу никчемную дочь чудо-ребенком, а она умерла. И мы знаем отчего.

– От холеры.

– Насланной Любовью, потому что вы бросили ей вызов. Теперь вы обязаны признаться в своих грехах публично, чтобы всем людям стала известна доподлинная история вашего проклятого ребенка, Мармеладки Кейтлин.

Большой показательный суд назначили на следующую неделю. Он должен был состояться на стадионе Уэмбли в тот самый вечер, на который еще недавно намечалась кульминация кампании под лозунгом «Чудеса бывают!».

Несмотря ни на что, Траффорду все-таки было суждено появиться перед публикой в лучах прожекторов.

Чтобы сохранить видимость законности и соблюсти процедуру, сидящего в камере Траффорда немного подлечили, а затем дали ему адвоката. Адвокат оказался женщиной по имени Парижская Кокотка – она пришла к нему вечером накануне суда.

– Если меня правильно информировали, вы, в отличие от вашей жены, не раскаиваетесь и даже не считаете себя виноватым в смерти Кейтлин, – сказала Парижская Кокотка чопорным, официальным тоном. Как и подобало представительнице ее профессии, она была в серебристом парике, черном бюстгальтере и толстых, добротных панталонах и показалась Траффорду холодной и практичной, под стать своему костюму.

– Конечно, я не беру на себя никакой вины, – ответил Траффорд. – Она умерла от холеры. Не я создал воду, которую пьют в нашем доме.

– Разумеется, не вы. Ее создал Бог. Однако с точки зрения закона немедленно возникает вопрос, зачем Бог внес в эту воду инфекцию. Разве вы не признаете, что холера была наслана на ваш район Богом-и-Любовью в качестве возмездия за ваши попытки действовать вопреки его воле?

– Нет, не признаю.

– Траффорд, если вы примете на себя ответственность за ваши поступки, мы сможем добиться смягчения приговора.

– Я принимаю на себя ответственность за свои поступки. В этом вся суть. Мне кажется, я единственный, кто это делает. В отличие от ваших законов, я ничего не сваливаю на Бога и ни в чем на него не рассчитываю. Я спас мою дочь от кори и свинки. Потом она умерла от холеры. Я считаю, что ни Бог, ни я тут ни при чем. Это Храм помешал мне достать прививку от холеры.

Парижская Кокотка нетерпеливо застучала по клавишам своего ноутбука. Ей явно жалко было тратить время на полоумных, отвергающих такие фундаментальные юридические принципы, как причастность Бога ко всему на свете.

– Ну хорошо, – с сарказмом произнесла она. – Давайте вернемся к обстоятельствам дела.

Вы признаете, что по вашей инициативе Кейтлин была сделана прививка?

– Да, признаю.

– Можете ли вы переложить на кого-либо или что-либо часть своей вины?

– Я вас не понимаю.

Парижская Кокотка даже не старалась скрыть досаду: очевидно, ей казалось, что Траффорд нарочно валяет дурака, изображая непонимание.

– По закону статус жертвы считается смягчающим обстоятельством, – раздраженно объяснила она. – Если вы сумеете привести доказательства в пользу того, что вас самого можно рассматривать как жертву, судьям придется учесть это при вынесении окончательного решения. Например, не унижали ли вас в детстве родители, занизив таким образом вашу самооценку?

– Нет.

– Не страдаете ли вы дурными привычками? Возможно, вам приходится бороться с поработившими вас демонами или зависимостью от каких-либо лекарств? А может быть, проблема небольшого роста и негативное представление о самом себе помешали вам реализовать заложенный в вас потенциал сильной и многогранной личности?

– Нет.

– Может быть, к вам проявляли неуважение люди, отказывающиеся оценить по достоинству вашу законную гордость тем, кто вы и чем занимаетесь?

– Нет! Ничего подобного не было. Мне не нужно смягчение приговора. Я любил свою дочь и, насколько мог, действовал в ее интересах, вот и все.

Парижская Кокотка взглянула на часы: ей явно не терпелось завершить это бессмысленное и бесперспективное собеседование.

– Траффорд, Храм назначил меня вашим адвокатом по этому делу. Мой долг – поставить вас в известность о том, что «действия в интересах вашего ребенка» не являются оправданием для проведения вакцинации.

– Я и без адвоката знаю, что закон безумен, мисс Парижская Кокотка. Я просто объяснил вам свои мотивы, не предполагая сделать из них аргумент защиты.

– Стало быть, аргументов в свою защиту у вас нет?

– Почему же, есть.

– Я имею в виду, легитимных, – сердито сказала Парижская Кокотка. – Соответствующих законодательству нашей страны и постановлениям Храма. Пожалуйста, не тратьте мое время на пустяки.

– У меня есть защита.

– Вы понимаете, что вас обвиняют по двум пунктам: в том, что вы вакцинатор и эволюционист, причем вы не отрицаете ни того, ни другого?

– Да, и моя защита по обоим пунктам одинакова.

Парижская Кокотка бросила на него усталый взгляд.

– Вы изучали юриспруденцию в течение восьми лет, Траффорд?

– Нет, не изучал.

– А я изучала. После чего у меня были десять лет адвокатской практики. Я имею все шансы в ближайшем будущем стать юрисконсультом Храма.

– Поздравляю.

– И даже несмотря на то, что я не вижу законной защиты для человека, признавшего себя вакцинатором и сторонником теории эволюции, вы таковую видите?

– Да.

– И что же это?

– Моя вера.

– Ваша вера?

– Закон Храма гласит, что вера человека – его неотъемлемое и неотчуждаемое право. Отрицать ее значит разжигать религиозную ненависть. Так вот, я верю в вакцинацию. И в эволюцию тоже! Я верю, что мы можем познать материальный мир на основе фактов и логических выводов, не считая, что он находится во власти сверхъестественного существа. Такова моя вера! Имя моего Бога – Естественный Отбор. Это Он меня сотворил! А закон гарантирует мне право на веру.

Наступила пауза. Похоже, Парижская Кокотка временно утратила дар речи.

– На каком основании вы называете верой нелепые измышления обезьянолюдей? – наконец спросила она.

– Я полностью убежден в том, что это не измышления, а реальность.

– Быть убежденным в реальности чего бы то ни было еще не означает иметь веру, – с апломбом заявила Парижская Кокотка. – Я убеждена в реальности сладкого вина и имбирного печенья. Я убеждена в реальности крыс и тараканов, но все это не составляет предмета моей веры.

– Печенье – материальный объект. Крысы – творение природы, вроде нас самих. Но эволюция – это понятие, которое мы постигаем разумом, и в этом отношении оно ничем не хуже Бога.

Парижская Кокотка на мгновение задумалась. Траффорду показалось, что спор задел ее за живое.

– Вы говорите, что теория эволюции – предмет веры, потому что вы в нее верите. – Она скривилась. – Объясните мне – почему?

– Потому что она прекрасна, логична и доказуема. Это единственное – подчеркиваю, *единственное* удовлетворительное объяснение возникновения на Земле столь разнообразной жизни! Все открытые до сих пор факты, вплоть до самых мельчайших, подтверждают эту теорию, и нет ни одной мелочи, которая бы свидетельствовала о том, что вселенная была создана за неделю, а человек за один день. Человек не мог появиться за один день! Какой бы ни была причина его появления, будь то Бог или космическая случайность, которую можно назвать Богом, это произошло не за один день! На это потребовался даже не один миллион лет.

– Значит, вы говорите, что убеждения обезьянолюдей можно доказать? – спросила Парижская Кокотка.

– Да, если не с полной надежностью, то уж определенно в рамках разумного.

– Ага! – торжествующе воскликнула Кокотка. – Тогда они не могут быть предметом веры!

– Почему?

– Верить по-настоящему можно лишь во что-то, не поддающееся доказательству. Если нечто может быть доказано, то это факт, а чтобы верить фактам, не надо быть истинно верующим человеком. Таким образом, по закону ваши воззрения не считаются правомочными.

– Поскольку они верны?

– Поскольку вы утверждаете, что их можно доказать с помощью фактов. Никакая вера не может быть обоснована с помощью фактов, иначе это уже не вера. Либо идеи обезьянолюдей не имеют научного подтверждения и в этом случае их можно назвать предметом веры, либо они основаны на научных выводах, а стало быть, не являются предметом веры, вследствие чего закон не считает их правомочными. Какой вариант вы выбираете? Можно ли *доказать* эффективность вакцинации или вы просто *верите* в нее? Основана ли ваша теория эволюции на твердых фактах или о ее справедливости говорит вам ваше религиозное чувство?

– Эффективность вакцинации можно доказать, а теория эволюции основана на твердых фактах.

– В таком случае все это не имеет ни малейшего отношения к вере, и вы будете

осуждены как еретик.

Траффорд невольно улыбнулся.

– Что ж, – покорно сказал он, – я и не рассчитывал вас переспорить.

На лице Парижской Кокотки отразилось облегчение. Она повернулась к веб-камере, подключенной к ее компьютеру.

– Итак, мы заносим в протокол, что обвиняемый не пожелал выдвигать аргументы в свою защиту и добиваться смягчения приговора.

Она встала, чтобы уйти. Она выполнила свой долг и явно не собиралась задерживаться здесь дольше, чем следовало. На пороге она еще раз обернулась к Траффорду.

– Надеюсь, вы понимаете, что вас скорее всего сожгут на костре?

– Моя дочь умерла, – ответил Траффорд.

– Да будет вам, – сказала Парижская Кокотка. – На детях свет клином не сошелся.

Железная дверь камеры захлопнулась с лязгом.

39

Когда Траффорд встретился с Чанторией за кулисами сцены на стадионе Уэмбли, он увидел ее впервые после того дня, как она, окровавленная, лежала рядом с ним на полу камеры. С тех пор ее привели в порядок, загримировав рубцы и синяки с помощью специальных средств. Теперь она выглядела гораздо лучше, хотя поросшая щетиной голова придавала ей какой-то диковатый вид, особенно в сочетании со странным, отсутствующим выражением глаз.

– Здравствуй, – сказал Траффорд.

– Мы грешники. Мы это заслужили, – был ее единственный ответ.

Конвоиры провели их по пандусу для подъема сценического оборудования и оставили за рядом гигантских динамиков. Снаружи закончилось исполнение песни. Раздался громоподобный рев, а затем – приглушенный голос певца, который обращался к публике. Поскольку акустическая система была направленной, Траффорд не различал отдельных слов, однако не сомневался, что певец призывает людей сделать сны явью и стать теми, кем они видят себя в своих мечтах.

Траффорд взглянул на Чанторию. Интересно, помнит ли она их последнее совместное посещение стадиона, когда они были частью ликующей толпы и программа концерта не включала в себя такого леденящего кровь номера, какой предусмотрен сегодня? Это было совсем недавно, и все же до чего длинный путь они успели пройти! В тот вечер он во второй раз заговорил с женой о прививках для Кейтлин. Логично, что их путешествие должно завершиться именно здесь.

Траффорд с удивлением отметил, что внутренне он совершенно спокоен. Наверное, подумал он, произнести еретическую речь перед четвертью миллиона человек не так уж страшно, если знаешь, что тебя все равно сожгут на костре.

Вплоть до этого момента Фестиваль Веры проходил по своей обычной схеме. Как всегда, вначале было объявлено, что это самый грандиозный из всех фестивалей, намного превосходящий по масштабу и значению предыдущий, который также побил все прежние рекорды. Затем несколько звезд одна за другой сообщили толпе, что все мировые проблемы

исчезнут, стоит ей только этого захотеть, что нищета, болезни и несправедливости обязательно уйдут в прошлое, если только все зрители возьмутся за руки и споют хором. Затем мужчины на пару секунд взвалили женщин на свои хилые плечи, и те помахали баннерами. По ходу дела были съедены сотни тысяч гамбургеров и пончиков, и теперь вечер приближался к своей стандартной кульминации, каковой должно было стать коллективное излияние скорби по умершим детям.

Однако сегодня эта кульминация имела особый характер. Зрителям предстояло увидеть торжественный суд над еретиками, в котором Траффорд с Чанторией выступали в качестве обвиняемых. Нагие и в цепях, они стояли за кулисами огромного концертного комплекса, дожидаясь, пока последняя поп-группа распрощается с толпой и покинет сцену вместе со своими танцовщицами, менеджерами, подсобными рабочими и известным комиком, который ее представлял. Потом, даже не взглянув в их сторону, мимо прошествовал главный исповедник Соломон Кентукки; телохранители помогли ему пробраться между штабелями аппаратуры и выйти к публике, которой он должен был объяснить всю важность предстоящего события.

– Друзья и собратья по вере! – раздался его возглас. Дикция у Кентукки была прекрасная, и даже звуковые искажения не мешали Траффорду понимать, что он говорит. – Сегодня, как всегда, мы собрались, чтобы воздать хвалу Любви и возблагодарить ее за спасение наших невинных младенцев, вознесшихся на небеса. Давайте скажем все вместе: аминь!

– Аминь! – прогремело в ответ.

– Аминь, – услышал Траффорд тихий шепот Чантории.

– Кстати, о невинных младенцах, – продолжал Соломон Кентукки. – Я хочу кое-что вам сообщить. Сегодня нам предстоит разоблачить тягчайшее преступление против веры! Его совершили двое закоренелых грешников, до того подлых и коварных, что им удалось обмануть даже всевидящее око Храма. Давайте воскликнем все вместе: моря любви!

– Моря любви! – эхом отозвались зрители.

– Давайте воскликнем все вместе: нивы радости!

– Нивы радости! – еще громче проревела толпа.

– Ниврад, – прошептал Траффорд, и в этот момент к ним торопливо подскочил один из представителей техперсонала.

– Ничего, если я вас озвучу? – спросил техник и, не дожидаясь ответа, повесил на шею Траффорду и Чантории хомутики с радиоаппаратурой. – Здесь не помешает? – добавил он, вынимая липкую ленту и приклеивая маленькие микрофончики к цепям, в которые были закованы пленники.

К нему на помощь уже спешил второй техник.

– Когда эти двое отработают, их микрофоны понадобятся нам для финала, – сказал он.

– Знаю, – раздраженно откликнулся первый. – Я читал инструкцию.

Но главный исповедник еще не закончил свое вступительное слово.

– Вы помните этого ребенка! – сказал он, и на гигантских экранах, установленных по всему периметру стадиона, появилось личико Мармеладки Кейтлин, главной героини кампании «Чудеса бывают!». Траффорд с Чанторией тоже увидели его на закулисных мониторах, и у обоих на глазах выступили слезы.

– Вы помните, что этого ребенка не смогла погубить корь, – продолжал Соломон

Кентукки. – Этого ребенка не смогла погубить и свинка. Дважды Любовь насылала на наш славный озерный град ужасный мор, дабы покарать нас за грехи, и дважды этот ребенок оставался целым и невредимым. Я говорю вам, люди, что это было чудо! И я хочу услышать от вас: о да!

– О да! – завопила толпа.

– Храм возлюбил этого ребенка! Мы увидели в этом чудо-ребенке символ надежды! Символ веры Бога-и-Любви в прекрасное будущее всего человечества! Мы ликовали по поводу его чудесного спасения в наших церквях и во всемирной сети. Мы превозносили мать этого ребенка как образец добродетели и ставили ее в пример всем женщинам! Я хочу услышать от вас: да, так было!

– Да, так было! – закричали все.

– ГРОМЧЕ! – скомандовал Кентукки.

– ДА, ТАК БЫЛО! – послушно взревела толпа.

– Но потом, братья и сестры! О, что случилось потом!.. – и голос Кентукки задрожал от гнева и скорби. Траффорд видел на закулисных мониторах, как священник начал судорожно подергиваться, точно одержимый. – Потом, братья и сестры, чудо-ребенок умер! Эта девочка умерла! И я хочу услышать от вас: о горе мне!

– О горе мне! – повторила толпа.

– Правильно, братья и сестры: горе *вам*! Ибо приготовьтесь и слушайте, дети мои! Я сказал, приготовьтесь. Я бы даже сказал, *прикиньте*! Ибо вдруг обнаружилось, что этот чудо-ребенок – вовсе не чудо-ребенок. Сразу после того, как девочка пережила свинку и мы снова принялись радоваться, что среди нас ангел, явилась обычная холера и прибрала бедняжку. Она прибрала ее прямо на небо, и знаете, что я вам скажу: в этом нет ничего чудесного. Такое случается каждый день. И позвольте мне сказать вам еще кое-что, братья и сестры! Когда я услышал эту весть, на душе у меня стало тяжело. В моей душе воцарилось смятение. *Зачем* Господь забрал эту девочку к себе, если прежде он дважды спасал ее на наших глазах? Зачем он так над нами подшутил? И я хочу услышать от вас: зачем?

– Зачем?! – раздался рев.

– Зачем?! – снова гаркнул Соломон Кентукки.

– Зачем?! – еще раз прокатилось по стадиону.

– Зачем? – прошептала за кулисами опутанная цепями Чантория.

– Я скажу вам зачем! – прокричал главный исповедник. – Это была кара! Вот зачем! Наказание за грех! Грешников – на выход!

Грянула музыка, и Траффорда с Чанторией вытолкнули на слепящий свет прожекторов. Их подхлестывали сзади кнутами, и они побрели вперед, спотыкаясь, волоча свои цепи между пюпитрами, подставками для гитар и ударными установками, по кабелям и целой россыпи пластиковых бутылок, которыми была замусорена сцена. Когда они приблизились к главному исповеднику, электронные аккорды стали оглушительными, хор пропел трагические куплеты из рок-оперы, а в небе взорвался кроваво-красный фейерверк.

– Итак, перед вам грешники, родители ребенка! – выкрикнул Соломон Кентукки. – Подайте сюда женщину!

Чанторию грубо вывихнули на середину сцены, и она упала к ногам Соломона Кентукки.

– Чантория! – воскликнул тот. – Скажи людям, почему Любовь отняла у тебя твою

малютку!

– Потому что мы воспротивились Божьей воле, – сквозь слезы проговорила Чантория. – Мой муж сделал нашей девочке прививку, а я ему не помешала!

На мгновение толпа затихла. Все были поражены серьезностью преступления.

– Что ты сказала? – проревел главный исповедник.

– Я сказала, что муж сделал нашей девочке прививку.

– Бейте ее! – повелел Соломон Кентукки, и конвоиры принялись стегать кнутами ползающую на коленях Чанторию.

Зрители, довольные предоставленной им возможностью полюбоваться, как избивают нагую, закованную в цепи женщину, криками выражали свою ненависть и требовали еще более жестоких ударов, пока главный исповедник наконец не поднял руку, призывая всех к молчанию.

– Чантория, – торжественно сказал он, – правда ли, что твой муж позволил колдунам втыкать в вашего ребенка отравленные иглы в тщетной попытке обмануть Господа? Правда ли, что твой муж говорил: пусть на небо забирают других детей, но не моего, ибо я обвел Любовь вокруг пальца с помощью колдовства?

– Да, да, это правда! – выкрикнула Чантория, обливаясь кровью.

– И правда ли, что тебя постигла за это ужасная кара?

– Да! Господь взял моего ребенка!

– Бейте! – снова скомандовал Кентукки, и снова под ликующие вопли толпы на Чанторию посыпались удары, которые на сей раз довели ее до беспомощности.

– Подайте отца-колдуна! – прогремел главный исповедник, и на середину сцены вытолкнули Траффорда.

– Твоя дочь умерла! – воскликнул Соломон Кентукки.

Траффорд попытался сосредоточиться. Он знал, что у него лишь один шанс сказать нужные слова. Времени на риторические уловки, которые он планировал применить в своем обращении к толпе, уже не оставалось: теперь необходимы были только краткость и ясность.

– Да, главный исповедник! Она умерла. Но не от кори и не от свинки, от которых ей сделали прививки. Эти прививки действовали! Моя дочь умерла от холеры. От этой болезни тоже существует вакцина, но мне не удалось ее достать.

– Молчать! – заорал Соломон Кентукки.

– Прививки действуют! Они дали моей дочери защиту от тех болезней, ради борьбы с которыми их создали. Слушайте меня, люди!

– Бейте его! – приказал Кентукки, и избивание началось.

– Требуйте прививок для своих детей! – кричал Траффорд, уклоняясь от ударов. – Вы слышите меня, люди? Требуйте, чтобы вашим детям делали прививки!

– Нельзя идти против воли Бога-и-Любви! – воскликнул Кентукки.

– Бог, который убивает детей, желая наказать родителей, не стоит того, чтобы ему поклонялись!

В этот момент, слабея под градом ударов, Траффорд заметил, что звук его голоса изменился, и понял, что ему отключили микрофон. Он услышал, как главный исповедник завопил: «Колдун и еретик! Бейте его, бейте сильнее!» Но прежде чем сознание покинуло Траффорда, ему показалось, будто толпа на мгновение затихла – словно в ней нашлись люди, каким-то чудом сумевшие понять смысл его отчаянного призыва.

Придя в себя, он обнаружил, что его вернули в камеру. Понять это ему удалось не сразу, потому что веки у него склеились от крови, ребра, похоже, были сломаны в нескольких местах, а все мышцы так измочалены, что он не мог пошевелиться.

И все-таки, лежа на полу без движения, страдая от невыносимой боли, зная, что вскоре его ждет неминуемая мучительная смерть, Траффорд чувствовал своего рода удовлетворение.

В каком-то смысле он победил. Он заявил свой протест. Он высказался, произнес две-три правдивые фразы в мире, где правда находилась вне закона. Мало того: он сделал это посреди стадиона Уэмбли, на Фестивале Веры! Четверть миллиона людей слышала его напрямую, и еще многие миллионы должны были услышать в эфире. Храм позаботился о том, чтобы сделать его выступление важнейшим общественным событием, и он воспользовался этим как нельзя лучше. Такое еще никогда никому не удавалось. Никто никогда не говорил правды на Уэмбли, и вряд ли это когда-нибудь произойдет опять. В стране, где каждый гордился тем, что он «личность», хотя на самом деле был лишь одним из гигантского стада баранов, он, Траффорд, сумел доказать свою уникальность. И кто знает, возможно, кто-нибудь прислушался к его словам. Возможно, кто-то в этой громадной толпе понял, что в них есть смысл, и задумался над ними. Даже если Траффорд заронил одно-единственное семечко сомнения в одну-единственную голову, можно считать, что его усилия не пропали даром. Он взял верх в борьбе с Храмом. Разве кто-нибудь другой может похвастаться тем же?

И это еще не все. Нет-нет, далеко не все! Он сохранил в неприкосновенности все свои драгоценные секреты. Его убьют, практически ничего о нем не зная. Им известно, что он сделал своему ребенку прививки, но этот секрет он и сам счастлив был разгласить. Зато им ничего не известно о его тайном мире, о его занятиях науками и историей, о его увлечении художественной литературой и удивительных фантазиях. Пожалуй, даже если бы они и узнали обо всем этом, то мало что поняли бы: слишком уж злобными и изуродованными были их собственные умишки.

Он ничего не рассказал им о гуманистах – ни слова! У этих невежд не хватило сообразительности даже на элементарную догадку о том, что человек, сделавший вакцинацию своей дочери, может заниматься и иными видами подрывной деятельности. Теперь подпольщикам уже ничто не грозит. Кассий мертв, но библиотека будет работать по-прежнему, а в свой черед откроются новые. Пока же как минимум уцелели другие его единомышленники. Макаллан и Тейлор. Коннор Ньюбери. И самое главное – Сандра Ди! Его молчание и мужество Кассия, лишившего себя жизни, спасли их всех.

А еще инквизиторы ничего не узнали о его любви. О его самой мучительной и драгоценной тайне. Они так и не узнали, что он любит Сандру Ди и что он принес ей чудесный дар – книги, благодаря которым она сможет свободно путешествовать по мирам, намного превосходящим мир, созданный Храмом. Сандра Ди будет вспоминать о нем с гордостью; наверное, сейчас она страшно боится, что его арест может привести их к ней. Но пройдет неделя, потом другая, третья – и она поймет, что угроза миновала. Тогда она

вернется в библиотеку. Привлечет к их делу новых сторонников. И кто знает – может быть, в один прекрасный день мир наконец избавится от слепой веры.

Пришли врачи и осмотрели его раны.

– Наша задача – сделать так, чтобы вы были в состоянии взойти на костер, – только и сказали они, когда он поинтересовался результатами осмотра.

На следующий день ему принесли костыли и велели упражняться в ходьбе.

– Ваша казнь назначена на ближайшую неделю, – объяснил врач. – Если до тех пор вы не встанете на ноги, отвечать за это будем мы. Лично я считаю так: если хочешь казнить своих преступников по-человечески, не надо их калечить. Но меня никто не слушает.

Траффорд помогли подняться и выйти из камеры. Там его заставили ковылять по огромному круговому коридору, а потом к центру собора, где он вдруг обнаружил над собой, высоко вверху, гигантский сводчатый купол: в перекрытии над его головой зияло широкое отверстие. Траффорд сообразил, что его привели в прогулочный дворик, потому что здесь было множество узников, таких же избитых и переломанных, как он. Опираясь на костыли, они бродили по кругу – наверное, тоже готовились к казни.

– Ходить, – сказал тюремщик.

Траффорд присоединился к шаркающей толпе, поглощенный мыслями о Сандре Ди. Впрочем, иногда он вспоминал о Мармеладке Кейтлин, а заодно и о Ласковой Голубке, своей первой погибшей дочери, но изо всех сил старался не задерживаться на этих печальных думках.

– Я вас прощаю, – внезапно раздался чей-то голос. Он звучал странно, как будто говорившему что-то мешало, и сначала Траффорд не понял, что это обращаются к нему. Но потом тот же голос произнес его имя.

– Я вас прощаю, Траффорд.

Подняв взгляд, Траффорд увидел распухшее, лиловое от кровоподтеков лицо с глазами-щелочками. Он присмотрелся внимательнее, и по его спине пробежал холодок: он узнал этого человека. В последний раз он видел его в толстых очках на пороге своей драгоценной библиотеки.

– Так вас... поймали? – спросил Траффорд.

– Конечно, – сказал Филин своим странным новым голосом. – Видимо, благодаря вам. Но это не важно. Мы все в конце концов не выдерживаем. Я тоже заговорю, не сомневаюсь. Когда меня брали, я попытался откусить себе язык, но толком не справился, и они пришили его обратно. К счастью, я мало что могу им сообщить. Из тех, кого приводил Кассий, я знаю по имени лишь единицы – по большей части, смутьянов вроде вас.

– Я никого не предавал, – ответил Траффорд.

– Какая разница, – отозвался Филин. – Лично я терпеть не могу это выражение, но здесь оно вполне уместно.

– Не разговаривать! – рявкнул тюремщик, и Филин с Траффордом побрели дальше в противоположных направлениях.

Позже Траффорд заметил Макаллана, потом Тейлор и Коннора Ньюбери – непривычно и горько было видеть последнего лишенным ореола своей былой славы. Среди узников ему попало и несколько посетителей библиотеки. С тяжелым сердцем Траффорд понял, что инквизиция все-таки нашла способ добраться до гуманистического подполья. Он принялся лихорадочно озираться, ища взглядом Сандру Ди, надеясь вопреки здравому смыслу, что ее

здесь нет. Зачем она так торопилась? Зачем настояла на том, чтобы попасть в библиотеку так скоро? Если бы у нее хватило терпения повременить с этим, она могла бы уцелеть.

И тут он увидел ее. Она стояла около железной двери, через которую он вошел сюда, и смотрела на него. Он поковылял к ней, но она не тронулась с места. Почему-то на ней не было ни синяков, ни других следов пыток. Как всегда, она была одета со вкусом, но скромно и выглядела свежей и чистой. Рядом с ней стоял брат Искупитель. Траффорд остановился. Потом он увидел, как Сандра Ди сказала что-то инквизитору, словно отдавая распоряжение. Потом брат Искупитель двинулся к нему.

41

Траффорду было приказано следовать за Сандрой Ди в камеру. Опустив голову, он смотрел, как мягко раскачивается подол ее ситцевого платья. Это было то самое платье, которое он в последний раз видел на ней, когда она сидела в лодке, слушая его сексуальные фантазии.

– Оставьте нас, – сказала Сандра Ди брату Искупителю, когда они вошли в камеру Траффорда.

– Но... – возразил было тот.

– Его избили до полусмерти, – резко оборвала инквизитора Сандра Ди. – Не думаю, что он сможет причинить мне вред. Оставьте нас.

– Слушаюсь, мэм, – отозвался монах, прежде казавшийся всесильным, и без дальнейших возражений покинул камеру. Дверь за ним затворилась, и Сандра Ди с Траффордом остались вдвоем.

– Ты работаешь на инквизицию? – спросил Траффорд. Он был до странности спокоен – спокоен, как человек, который уже умер.

– Не совсем, – ответила Сандра Ди. – Я работаю на правительство, как и ты. А конкретно – в полиции, или в тайной полиции, но в конечном счете все мы работаем на Храм, верно?

Хотя спокойствие так и не покинуло Траффорда, это не помешало ему слегка растеряться.

– Ты поступила в наш офис, чтобы... чтобы шпионить за нами?

– Да.

– Разве у полицейских есть осведомители в каждом офисе?

– Конечно, нет.

– Тогда почему в наш?

– Мы искали вакцинатора, – пояснила она. – Кстати, ты напрасно считаешь бесполезными все данные, которые хранятся в Госбанде. Мы пользуемся ими постоянно, и в первую очередь базами данных Израза. Именно благодаря им мы узнали, что в последние несколько лет наш почивший друг Кассий общался с теми коллегами, чьи дети успешнее других сопротивлялись эпидемиям. Процедура проста: отыщи родителей, дети которых пережили мор, собери все их известные контакты и найди среди них общий. Так мы вышли на Кассия. Обычно так и ловят вакцинаторов – через Израз.

В мозгу Траффорда теснилось множество вопросов, множество обвинений, которые он

хотел бросить в лицо этой женщине, оказавшейся шпионкой.

– Но... если вы находите вакцинаторов по здоровым детям, – голос Траффорда задрожал от возмущения, – то вы должны признать, что вакцинация действует!

– Разумеется, Траффорд. Именно поэтому полицейские – не инквизиторы. Вера заставляет последних отрицать эффективность прививок. Мы не связаны столь жесткими религиозными ограничениями. Мы ловим вакцинаторов, поскольку знаем, что вакцинация действует, а потом инквизиторы сжигают их, поскольку уверены в обратном.

Внезапно Траффорд бросился на нее, сжав кулаки, оскалив зубы. Но не успел он преодолеть и половину разделявшего их расстояния, как израненное тело отказалось ему повиноваться.

– Пожалуйста, Траффорд, – сказала Сандра Ди. – Не надо глупостей.

– Хватая вакцинаторов, вы убиваете детей! – крикнул он.

– Я служу в полиции, Траффорд. Мой долг – защищать закон.

– Почему? Почему ты пошла в полицию?

– По тем же самым причинам, по каким ты стал гуманистом. По тем же причинам, по которым сначала я показалась привлекательной тебе, а... – тут она словно на секунду запнулась, – а ты мне.

– Это безумие.

– Нисколько. Мы с тобой схожи во всем, кроме одного: я сумела обуздать свою совесть. Работа тайным агентом позволяет мне иметь столько секретов, сколько я захочу. Только я знаю, кто я на самом деле. Мой блог, в котором ты распознал подделку, регулярно пополняется клерком из моего отделения. Я туда вообще не заглядываю. Пойми, Траффорд, я тоже считаю, что этот мир – сплошное дерьмо, но, согласившись работать на его хозяев, я фактически нашла способ не играть по его правилам. Мне даже не надо накачивать себе грудь! Мое тело принадлежит только мне, так же как и моя душа. Я живу своей, абсолютно никому не известной жизнью, и на Храм мне плевать с высокой колокольни. Вдобавок по долгу службы я встречаюсь с очень интересными людьми – такими, как ты, Траффорд. И другие гуманисты. До того, как ты привел меня к ним, мы лишь догадывались об их существовании. Мы и понятия не имели о том, что они так хорошо организованы, а пока я общалась с тобой, я прочла много замечательных книг. Кое-какие я оставляю себе. Вот почему я выбрала такую профессию. Те, кто ловит наркоманов, сами принимают наркотики, те, кто служит в полиции нравов, смотрят запрещенную порнографию, а я читаю «Гордость и предубеждение».

– Ты стерва. Гнусная эгоистка!

– Траффорд, в нашем мире только эгоизмом и можно спастись. А почему бы мне не быть эгоисткой? Когда смотришь на человечество, на это отвратительное сборище тупых подонков с садистскими наклонностями, понимаешь, что эгоизм – единственно правильный моральный выбор. Почему я должна жертвовать собой ради других людей? Все они дрянь. Если ты готов идти на жертвы, ты уже слишком хорош для ублюдков, которым хочешь помочь.

– По-твоему, я дрянь? А Кассий – он тоже был дрянью?

Прежде чем ответить, она посмотрела на него долгим взглядом.

– Нет, Траффорд. Ты не дрянь. Ты прекрасный человек, и ты мне нравился. Конечно, исключения есть, но их маловато для того, чтобы становиться мучеником. У людей было все

что нужно, и они выбросили это за ненадобностью. Дай им это снова, и они снова все выбросят. Вся наша история – одно сплошное доказательство того, что человечество не заслуживает мозгов, которые даны ему от природы. Мы гнилое, безнадежное племя, и в конечном счете имеет смысл разве что поиск лучшего куска для себя самого.

Траффорд все еще лежал на полу, там, где упал. Она помогла ему подняться на ноги и добраться до койки. Его удивило то, какая она сильная.

– Подумай как следует, Траффорд, – продолжала Сандра Ди, – и ты поймешь, что я права.

– Какая тебе разница, что я думаю? – спросил он.

– Ты неглуп и хорошо умеешь хранить тайну, – ответила она. – Такие люди нам нужны.

Траффорд не сразу сообразил, что она имеет в виду.

– То есть? – вырвалось у него.

– То есть пора тебе повзреть. Ты хотел стать личностью – так стань ею. Твоя дочь умерла; твоя жена от тебя отреклась. Теперь ты никто, так что у тебя появился шанс стать тем, кем ты захочешь. Присоединяйся к нам, становись агентом. Мы изменим тебе внешность, найдем для тебя место в обществе, и ты сможешь хранить свои секреты, выведывая чужие. Мы даже сможем иногда встречаться, чтобы обмениваться книгами или... еще что-нибудь. Либо это, либо костер, Траффорд.

– Лучше костер.

– Не торопись, подумай.

– Думать тут ни к чему. Я лучше сгорю, чем стану тем, кем стала ты, Сандра Ди.

– И кто же я?

– Нечеловек.

– Тогда я счастлива быть нечеловеком, потому что люди – дерьмо.

– Это не так, и ты это знаешь. Ты прочла достаточно книг, чтобы это понять. Люди сочетают в себе все самое высокое и самое низкое из того, что может дать природа. И я лучше умру, веря в самое высокое, чем стану такой, как ты. Ты – это самое низкое, гораздо ниже любой злобной хамки вроде Принцессы Любомилы; по сравнению с тобой она ангел.

Сандра Ди встала, не сказав больше ни слова, и пошла к двери. На пороге она обернулась.

– Кстати, это мы убили Мармеладку Кейтлин, – сказала она.

Ужас окатил Траффорда ледяной волной.

– Вы... *убили*?

– Да. Разве тебе не показалось немножко странным, что она умерла как раз перед тем, как кампания «Чудеса бывают!» достигла своей кульминации – концерта, на котором ты хотел объявить, что твоя дочь спаслась не по воле провидения, а благодаря прививке? Не надо было выдавать мне свой план, Траффорд. Как только ты это сделал, я поняла, что она должна умереть. Я сообщила о том, что ты мне сказал, своему начальству, и они приказали нашим химикам заразить ваш район холерой. Мы убили Мармеладку Кейтлин, чтобы ты не превратил ее в орудие борьбы с Храмом. Так что видишь – ты сам виноват в ее смерти.

Хотя голова Траффорда кружилась, а перед глазами все плыло, в мозгу у него зрела последняя идея. Последний план.

– Я любил тебя, – сказал он.

– Я тебя об этом не просила, – ответила она.

– Но ты занималась со мной любовью.
– Это был секс.
– По-твоему, ты знаешь, что такое любовь?
– Полагаю, что да.
– А я думаю, что нет.
– Что ж, мы никогда не узнаем, кто прав, верно? Ты-то уж точно не узнаешь.
– Я хотел сказать тебе... Объяснить, что такое любовь... Я написал тебе письмо. На работе, утром того дня, когда меня арестовали. Мне кажется, я чуял, к чему все идет.
– Чуял? – с улыбкой спросила Сандра Ди. – А я думала, ты полагаешься только на разум.
– Файл с письмом называется «Ниврад».
– Ниврад?
– Да. Нивы радости.
Несмотря на всю холодность, которую Сандра Ди на себя напускала, в этот момент что-то в ее манере изменилось.
– Нивы радости? – переспросила она, и Траффорду показалось, что ее голос дрогнул – едва заметно, совсем чуть-чуть
– Да, – ответил он. – Нивы радости – это моя любовь.
На лицо Сандры Ди вернулась надменная улыбка: теперь ее броня была восстановлена и крепка, как прежде.
– Траффорд, Траффорд, – сказала она. – Вечный романтик!
И ушла.
Оставшись в одиночестве, Траффорд задумался. Откроет ли она файл? В конце концов, она ведь шпионка, а шпионы, как правило, любопытны. Кроме того, несмотря на ее слова, Траффорд знал, что она все-таки немного его любила – по-своему, по-нечеловечески. И он решил, что откроет. Он верил, что это произойдет, – а если она сядет за компьютер Траффорда в Изразе и откроет файл под названием «Ниврад», электронные письма отправятся по своим адресам. Те самые письма, в которых рассказано о теории Дарвина. Письма, с которых начнется цепная реакция.

42

Утром того дня, на который была назначена публичная казнь Траффорда, в новостных программах появился сюжет о «еретике из Уэмбли»: оказывается, человек, открыто похвалявшийся тем, что отравил своего ребенка, был еще и членом некой зловещей секты, подпольной террористической организации. Эти негодяи, говорилось в новостях, гораздо хуже взрывающих себя подростков-иноверцев: ведь они пытались возродить ужасную ложь обезьянолюдей, изучая и пропагандируя соответствующие материалы. Они преследовали гнусную цель – восстановить те самые заблуждения, за которые Любовь покарала человечество Потопом.

В результате вдоль дороги от тюрьмы до лобного места выстроились тысячи разгневанных граждан – огромная толпа, остервенелая от ненависти к еретику-извращенцу, который получал удовольствие, отравляя детей, и верил, что его прадедушка был обезьяной.

На месте казни были уже распяты несколько членов секты – они висели на крестах, еще живые. Толпа швыряла в них камнями и грязью; одни преступники молили о пощаде, другие хранили молчание. Траффорд заметил, что Коннор Ньюбери молчит, и был удивлен: он не подозревал в нем такой стойкости характера.

Здесь же была и Чантория – обнаженная и в колодках, она с готовностью терпела брань и унижение. Почти лишившись ума от горя и страха, она бормотала, что только ее страдания могут помочь их ребенку когда-нибудь найти путь на небо.

Траффорд поднялся на ступени, ведущие к погребальному костру. С болью в сердце он увидел, что костер сложен из книг, и понял, что это содержимое библиотеки, доставившей ему столько радостей.

Отец Бейли уже поджидал Траффорда на эшафоте. Именно он, как исповедник приговоренного к сожжению злодея, должен был потребовать, чтобы перед смертью Траффорд раскаялся и отрекся от своих убеждений.

– Траффорд Сьюэлл, – торжественно произнес он в микрофон, явно наслаждаясь всеобщим вниманием, – признаете ли вы, что были вакцинатором, читали книги и верили в так называемую «науку» обезьянолюдей?

– Признаю, – громко ответил Траффорд, – и горжусь этим!

В толпе раздались издевательские выкрики. Взглянув вниз, Траффорд обнаружил, что Принцесса Любомила и Незабудка каким-то образом сумели протиснуться в передние ряды зрителей. Их лица были искажены злобой.

– Готовы ли вы покаяться в своих грехах? – снова обратился к нему отец Бейли. – Готовы ли признать, что вакцинация не приносит пользы и что человек не является плодом эволюции, а был создан Богом в один день?

– Нет. Никогда.

– В таком случае вас сожгут живьем.

– Вера, которую приходится вымогать угрозами, ничего не стоит!

– Сжечь его!

Траффорд никогда не думал, что у него хватит душевных сил пойти на смерть за свои убеждения, но теперь эти силы откуда-то взялись. Когда его привязывали к столбу, он посмотрел вниз, на многоликую толпу. Сбоку на него направили микрофон – видимо, в расчете потешить зрителей его криками.

– Нивы радости! – вдруг выкрикнул он. – Нивы радости! *Ниврад! Ниврад!*

На мгновение толпа затихла: все с нетерпением ждали, какое кощунство сорвется напоследок с уст еретика.

– Не смотрите вперед, во тьму невежества! – воскликнул Траффорд. – Смотрите назад, в светлое прошлое! *Наоборот*, понятно? Ниврад, смотрите наоборот! Ниврад! *Ниврад наоборот!*

И в этот миг, когда палач в капюшоне шагнул к костру, чтобы поджечь его горящим факелом, кто-то в толпе помахал Траффорду рукой. Он взгляделся туда, ожидая увидеть коллегу или приятеля, но человек, привлечший его внимание, был ему незнаком. Встретившись с ним глазами, незнакомец показал на свою футболку. На ней стояли слова «Нив(ы) рад (ости)!».

Потом он со значением кивнул Траффорду.

Озираясь, Траффорд увидел девушку, сидящую на плечах своего парня. В руках у нее

был баннер. На баннере – слово «Ниврад». Девушка ничего не кричала, а просто внимательно смотрела на Траффорда, так же как и ее парень.

Значит, Сандра Ди попала на удочку и решила прочесть его любовное послание! Неважно, что подтолкнуло ее к этому – сентиментальность, холодный интерес психолога-практика или обычное любопытство, – но она включила компьютер Траффорда в Изразе и открыла файл с названием «Ниврад». Под конец он все-таки обманул ее, и она своей рукой обрушила в интернет лавину электронных писем, размножающихся по вирусному принципу. Миллионы людей стали получателями первой гуманистической почтовой рассылки.

Груда книг, на которой стоял Траффорд, занялась, и костер стал понемногу разгораться. Но когда первые языки пламени уже лизали ему ноги, у него нашлись силы на последнюю улыбку, ибо в глубине души он знал, что когда-нибудь Храм будет побежден. Иначе и быть не могло – так говорили разум и теория эволюции. Ведь ни одно общество, основанное лишь на страхе и агрессивном невежестве, не может существовать вечно. Ни один народ, который в угоду самым глупым, самым неизобретательным, самым *неинтересным* своим представителям душил всякую любознательность и оригинальность, не способен на долгое процветание. Траффорд знал, что мир будет спасен благодаря естественному отбору, как уже бывало прежде, когда другие тираны пытались подавить свободную человеческую мысль, и что когда-нибудь исповедники Храма навсегда канут в историю.